0 30/296

О 30/296

Б р

ОПИСАНІЕ БОЕВОЙ ЖИЗНИ

ВЪ МИНУВШУЮ ВОЙНУ 1877—1878 ГОДОВЪ

13-го ЛЕЙБЪ-ГРЕНАДЕРСКАГО ЭРИВАНСКАГО

ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА

ПОЛКА.

Составилъ того же полка маіоръ *Д. Шабановъ.*

ф.32-1140

ТИФЛИСЪ.

Печатано въ типографіи Штаба Кавказскаго военнаго округа, по распоряженію Главнокомандующаго Кавказскою Арміею.

1881.

2007231843

Подъ редакціею артилеріи генералъ-маіора Чернявскаго.

ГЛАВА I.

Карабулахскій и александропольскій лагери. Славянскій вопросъ на востокѣ. Зимняя стоянка въ Александрополѣ. Мобилизація полка. Дагарлинскій лагерь. Смотръ Его Императорскаго Высочества Главнокомандующаго кавказскою арміею. Снаряженіе полка. Разрывъ съ Турціею. Переходъ границы. Дальнѣйшія движенія до Займа.

Въ 1876-мъ году эриванскій полкъ, по заведенному порядку мирнаго времени, находился, до общаго лѣтняго лагернаго сбора, въ своей штабъ-квартирѣ и занимался военнымъ образованіемъ. Въ маѣ онъ былъ расположенъ лагеремъ близь урочища Манглиса (своей штабъ-квартиры) а 30-го іюня, на другой день послѣ полковаго праздника, выступилъ, подъ проливнымъ дождемъ, въ карабулахскій лагерь, гдѣ впервые вся гренадерская дивизія была сосредоточена для лѣтнихъ занятій. При выступленіи въ Карабулахъ никто не думалъ, что многимъ не прійдется болѣе увидѣть Манглисъ; напротивъ, въ концѣ августа даже расчитывали вернуться ранѣе, чѣмъ всегда полкъ возвращался изъ общаго тифлисскаго лагеря.

Недолго однако пришлось простоять въ карабулахскомъ лагерѣ: въ послѣднихъ числахъ іюля приказано было гренадерской дивизіи, съ ея артилеріею, передвинуться форсированнымъ маршемъ къ крѣпости Александрополю.

Эриванскій полкъ, имѣя въ своемъ составѣ треть новобранцевъ, совершилъ это передвиженіе въ полномъ порядкѣ, почти не имѣя отсталыхъ, хотя люди шли во всемъ походномъ снаряженіи. Перемѣщеніе войскъ карабулахскаго лагеря къ Александрополю, на границу Турціи, естественно вызвало различные толки: одни ут-

верждали, что это сдѣлано съ научною цѣлью—испробовать готовность дивизіи къ походу, другіе—что это предвѣщаетъ близкій разрывъ съ Турціею. Послѣднія догадки были порождены тревожнымъ положеніемъ дѣлъ на востокѣ. И дѣйствительно, военныя дѣла славянъ на Балканскомъ полуостровѣ стали принимать для нихъ все болѣе и болѣе неблагопріятный оборотъ. Турки, превосходствомъ своихъ силъ и боевыхъ запасовъ, стали повсюду одерживать побѣды; только горсть черногорцевъ, съ непоколебимымъ мужествомъ, еще отстаивала честь своей страны. Между тѣмъ, единоплеменная связь наша съ южными славянами выказалась въ эту эпоху во всей своей силѣ: тысячи русскихъ добровольцевъ стояли уже въ рядахъ славянскихъ войскъ; пожертвованія щедро и обильно отправлялись къ нашимъ единовѣрцамъ; раздраженіе противъ турокъ и ихъ образа дѣйствій господствовало повсюду; газетныя наши статьи были переполнены разсказами объ ужасахъ и неистовствахъ, производимыхъ баши-бузуками и черкесами, которые, какъ во времена Чингисхана, истребляли мечемъ и огнемъ христіанскія населенія южныхъ славянъ.

Все это, конечно, возбуждало до крайнихъ предѣловъ. Восточный вопросъ, а съ нимъ вмѣстѣ и освобожденіе южныхъ славянъ изъ подъ ига турокъ, сталъ передовымъ и главнымъ вопросомъ нашей внѣшней политики.

Но, къ сожалѣнію, возникшіе по этому поводу дипломатическіе переговоры, длившіеся до 12-го апрѣля 1877-го года, не привели къ желаемому соглашенію съ Турціею, несмотря на миролюбивое направленіе нашей политики. Порта, подстрекаемая Англіею, отказалась признать независимость славянскихъ княжествъ и дать Болгаріи привиллегіи. Оставалось единственное средство—разрѣшить вопросъ оружіемъ.

Минувшая кампанія 1877-го года не застигла нашу армію врасплохъ: военное министерство, въ предвидѣніи войны, сдѣлало все возможное, чтобы поставить ее наряду съ лучшими европейскими арміями. Какъ на тактическое образованіе и нравственность офицеровъ, такъ на воспитаніе, обученіе и снаряженіе солдатъ было обращено серьезное вниманіе. Въ эриванскомъ полку всѣ ново-

введенія въ этомъ родѣ прививались весьма успѣшно, благодаря особенной дѣятельности и энергіи бывшаго командира полка флигель-адъютанта полковника Гурчина, который, обладая всесторонними служебными познаніями, настойчиво требовалъ того же и отъ своихъ подчиненныхъ. Александръ Викентьевичъ, командуя полкомъ въ теченіи семи лѣтъ, шелъ къ своей цѣли равномѣрно, безъ устали, безъ охлажденія. Эриванцы, за свою отличную службу, неоднократно при немъ удостоились Всемилостивѣйшей благодарности ихъ Августѣйшаго Шефа и Главнокомандующаго арміею. Передъ войною, на послѣднемъ смотру Его Императорскаго Высочества, полкъ, вооруженный ружьями системы Бердана, далъ на стрѣльбѣ результаты выше отличныхъ. Нѣкоторыя роты стрѣляли съ изумительною мѣткостью и выбили процентъ вдвое болѣе отличнаго, какъ напримѣръ, 4-я рота, при взглядѣ на разстрѣлянную мишень которой Его Высочество изволилъ выразиться: «какая поразительная стрѣльба!» (²).

Полкъ комплектовался, по военному составу, призывными нижними чинами изъ запаса арміи. По росписанію главнаго штаба № 6-й, въ эриванскій полкъ назначены были призывные изъ губерній: Тифлисской—229, Саратовской—1192, итого 1421 человѣкъ, а прибыли въ полкъ: изъ Тифлисской—42 унтеръ-офицера, 25 музыкантовъ и 146 рядовыхъ; Саратовской губерніи и уѣзда—61 унтеръ-офицеръ, 18 музыкантовъ и 246 рядовыхъ; той же губерніи Аткарскаго уѣзда—157 унтеръ-офицеровъ, 47 музыкантовъ и 571 рядовой; изъ Пензенской губерніи—26 человѣкъ; всего поступило въ полкъ 1369 человѣкъ. Изъ этого числа оставлено въ пути, по разнымъ случаямъ, 133 человѣка, которые подходили постепенно.

Первая партія призывныхъ прибыла въ полкъ въ концѣ ноября мѣсяца, а послѣдняя—30-го декабря. На всѣхъ этихъ людей были пригнаны новые мундиры, шинели, шапки, башлыки и сапоги изъ неприкосновеннаго запаса; сверхъ того, имъ были выданы годовыя вещи и полное снаряженіе. Пригонка обмундированія и снаряженія призывныхъ была произведена съ изумительною быстротою, благодаря распорядительности завѣдывающаго хозяйствомъ маі-

ора Васильева. Каждая партія, на третій день по прибытіи въ штабъ-квартиру полка, на уроч. Манглисъ, была уже совершенно готова къ походу. Всего неприкосновеннаго запаса, а именно: мундировъ съ шароварами, шинелей, шапокъ, башлыковъ, салоговъ было приготовлено въ полку на 2237 человѣкъ. Изъ этого числа выдано призывнымъ на 1469 человѣкъ, а запасному баталіону на 1044 человѣка.

Въ эриванскій полкъ поступила самая незначительная часть солдатъ, которые служили прежде въ этомъ же полку; остальные были другихъ полковъ и разныхъ командъ. Нельзя сказать, чтобы эта система комплектованія вполнѣ удовлетворяла цѣли: солдаты, воспитанные въ свое время въ полку, усвоиваютъ его боевой духъ, его обычаи, знакомятся съ его исторіею и до такой степени становятся привержены къ нему, что даже и при увольненіи въ запасъ празднуютъ полковой и ротные праздники; словомъ, любятъ свой полкъ, свой мундиръ, своихъ начальниковъ. Такихъ людей ротный командиръ можетъ смѣло вести въ бой, на нихъ онъ можетъ вполнѣ положиться. Между тѣмъ, люди, не служившіе въ полку, являются, по призывѣ ихъ изъ запаса, для него какъ бы совершенно чуждыми, и для того, чтобы ихъ сдѣлать своими— нужны и трудъ, и время. Такъ было и во время минувшей мобилизаціи: призывные, поступившіе въ полкъ, являлись въ немъ солдатами, неимѣющими общей организаціи; они поступали въ семью для нихъ чужую. Только съ теченіемъ времени они освоились, привыкли. Наканунѣ же войны было весьма трудно сразу перевоспитать ихъ, заставить полюбить свой полкъ, его боевую славу. Сколько извѣстно, почти всѣ полковые и ротные командиры высказывали крайнее сожалѣніе, что имъ не дали запасныхъ изъ числа тѣхъ, которые уже служили прежде въ ихъ полкахъ и ротахъ. Между тѣмъ, это важное неудобство могло быть устранено, еслибы въ мирное время части комплектовались новобранцами изъ однихъ и тѣхъ же губерній, и потомъ сами для себя составляли бы запасъ.

Одновременно съ укомплектованіемъ призывными, изъ полка было выдѣлено 10 унтеръ-офицеровъ, 4 музыканта, 25 рядовыхъ

и 1 нестроевой—на сформированіе кадра 13-го гренадерскаго запаснаго баталіона въ двухротномъ составѣ. Командиромъ этого баталіона былъ назначенъ, изъ полка, командиръ 3-го баталіона подполковникъ Ульяновъ, а ротными командирами—капитаны: Мальцевъ 1-й и Стопчанскій. Въ іюлѣ того же года этотъ баталіонъ доведенъ былъ до четырехротнаго состава; командирами 3-й и 4-й ротъ назначены: капитанъ Теріевъ и поручикъ Климіевъ; туда же еще выдѣлены изъ полка: одинъ поручикъ, одинъ подпоручикъ и одинъ прапорщикъ для занятія должностей. Вообще же, передъ войною и въ началѣ ея выбыло изъ полка, кромѣ запаснаго баталіона, еще семь старшихъ ротныхъ командировъ, а именно: капитанъ Мальцевъ 2-й—по случаю производства въ маіоры и за переводомъ въ тифлисскій полкъ; по случаю разныхъ назначеній: капитанъ Русецкій—для занятія должности адъютанта въ корпусномъ штабѣ, капитанъ Шабановъ—въ дивизіонный штабъ на должность старшаго адъютанта; штабсъ-капитаны: Ерарскій— въ полевое интендантство, Брюннели и поручикъ Шамраевскій—въ дивизіонный лазаретъ, первый на должность смотрителя, а второй—коммисара, и штабсъ-капитанъ Браккеръ—адъютантомъ къ начальнику окружнаго штаба.

Въ январѣ 1877-го года, когда полкъ готовился къ войнѣ, командиръ его флигель-адъютантъ полковникъ Гурчинъ назначенъ былъ командиромъ кавказской стрѣлковой бригады, а на его мѣсто вступилъ полковникъ Толстой. Перемѣна полковаго командира и такая огромная убыль старшихъ офицеровъ должны бы, кажется, дурно повліять на боевую готовность полка; но нужно отнести къ чести оставшихся въ немъ офицеровъ, начиная отъ прапорщика до полковаго командира, всегда гордившихся именемъ своего полка и его вѣковою славою, которую достойно поддерживали, что они въ данномъ случаѣ вполнѣ возмѣстили своихъ убылыхъ товарищей. Говоря же вообще, командированіе офицеровъ изъ строя въ столь важные моменты не должно быть допускаемо, потому что оно обезсиливаетъ часть, лишаетъ ее единодушія и той сплоченности, которая необходима для механизма правильно - организованнаго полка. Упрекать же лично офицеровъ въ томъ, что они соглашают-

ся на командированіе—будетъ несправедливо, такъ какъ въ каждомъ штабѣ и во всякомъ управленіи офицеръ получаетъ содержаніе несравненно больше, чѣмъ въ строю, да и службу несетъ легче.

Послѣ зимней стоянки въ Александрополѣ и окрестностяхъ, гдѣ готовились къ походу, полкъ, уже мобилизованный по военному времени, т. е. по сорокъ два ряда въ полуротѣ, перешелъ, въ началѣ апрѣля, въ новый дивизіонный лагерь между селеніями Дагарли и Баяндуромъ. Остальныя же войска остались въ лагерѣ подъ Александрополемъ

Четвертаго апрѣля, Его Императорское Высочество Главнокомандующій прибылъ изъ Тифлиса въ Александрополь, пятаго апрѣля произвелъ смотръ правой колоннѣ подъ Александрополемъ, а седьмаго—войскамъ лѣвой колонны, которую составляли: кавказская гренадерская дивизія, съ ея артилеріею, и приданная ей кавалерія. Дивизія была построена въ нѣсколько линій на баяндурскомъ полѣ, ознаменованномъ, въ войну 1853-го—1856-го гг., необыкновенною стойкостью нашихъ войскъ. Здѣсь, въ 1853-мъ году, еще до объявленія манифеста о разрывѣ съ Турціею, нашъ незначительный отрядъ выдержалъ пятичасовой артилерійскій бой и не уступилъ шага въ восемь разъ сильнѣйшему противнику.

На этомъ историческомъ полѣ Его Высочество, въ одиннадцать часовъ утра, началъ смотръ объѣздомъ. Эриванскій полкъ съ глубокою преданностью и любовью привѣтствовалъ своего Августѣйшаго Главнокомандующаго. Дружное, сильное «ура» сопровождало Его Высочество по рядамъ эриванцевъ. По окончаніи объѣзда, Великій Князь изволилъ выѣхать на середину первой линіи. Сюда, по Его приказанію, уже были собраны офицеры всей дивизіи. Главнокомандующій, милостиво обратясь къ нимъ, выразился такъ: «если Государю Императору угодно будетъ двинуть нашу армію на враговъ, то кавказскіе гренадеры поддержатъ старинную славу кавказскихъ полковъ и достойно ее увеличатъ боевыми заслугами, и украсятъ свои знамена новыми побѣдами. Надѣюсь, что старые офицеры напомнятъ врагамъ Башъ-Кадыкляръ и Кюрюкъ-Дара, а молодые не отстанутъ». Затѣмъ, Главнокомандую-

щій приказалъ офицерамъ разойтись по мѣстамъ и передать Его пожеланіе нижнимъ чинамъ. По мѣрѣ того, какъ передавались слова Его Высочества нижнимъ чинамъ, взрывы восторженнаго «ура» оглашали воздухъ. Минута была торжественная. Солдаты не умолкали, гремѣли «ура» и высоко подбрасывали шапки вверхъ, выражая этимъ желаніе идти впередъ, на враговъ. Когда затихло многознаменательное «ура», Главнокомандующій изволилъ пропускать войска церемоніальнымъ маршемъ. Молодые эриванцы шли бойкимъ, смѣлымъ шагомъ. На ихъ здоровыхъ лицахъ, въ ихъ движеніи выражалась готовность доказать, что они будутъ достойны своихъ дѣдовъ и отцовъ—тѣхъ героевъ, которые прославили эриванскій полкъ.

Съ 8-го апрѣля по 11-е число включительно, роты полка практиковались въ постройкѣ поспѣшныхъ окоповъ. Въ тоже время полковой артилерійской командѣ сдѣлано испытаніе, насколько она подготовлена къ дѣйствію при орудіяхъ; кромѣ того, на сторожевую службу обращено было серьезное вниманіе. На ночь отъ полка ежедневно выставлялась рота на аванпосты, и тщательно провѣрялись бдительность и знаніе нижними чинами сторожевой службы.

Вскорѣ состоялось распоряженіе о томъ, чтобы излишнія тяжести перевезти въ Александрополь. Полковой, ротный и офицерскій обозы тоже приведены были въ исправный видъ, и на подвижность ихъ обращено должное вниманіе. Казенный обозъ состоялъ изъ 216-ти лошадей, 59-ти фургоновъ нѣмецкаго образца и двухъ одноколокъ. Каждая рота имѣла одну троечную запряжку и фургонъ. Офицерскія повозки были разныхъ конструкцій—на баталіонъ по три повозки. Ремонтъ казенныхъ лошадей былъ произведенъ въ Кабардѣ и Духоборіи. Ротныя лошади и подъемныя офицерскія покупались большею частью въ Духоборіи и у молоканъ. Вообще, полковой и ротный обозы были въ хорошемъ состояніи, такъ что завѣдывающій хозяйствомъ полка маіоръ Васильевъ неоднократно удостоивался благодарности отъ командующаго корпусомъ за исправность обоза.

Въ эту кампанію наша армія была обставлена несравненно

лучше, чѣмъ когда либо. На обзаведеніе обозомъ и лошадьми были выданы офицерамъ полевыя военно-подъемныя деньги. Съ переходомъ же границы, имъ увеличено содержаніе отпускомъ суточныхъ денегъ въ слѣдующемъ размѣрѣ: субалтернъ-офицерамъ по 50-ти копѣекъ, ротнымъ командирамъ по одному рублю, баталіоннымъ—по два рубля, а полковому командиру по шести рублей въ сутки; кромѣ того, семейнымъ офицерамъ разрѣшено имѣть вторыхъ деньщиковъ, и отпускались семействамъ ихъ квартирныя деньги. Нижнимъ чинамъ ежедневно варилось по полтора фунта мяса и выдавался чай, а въ ненастную погоду—спиртъ. Мундирная одежда взята въ походъ первосрочная, новая. Призывные солдаты, насколько дозволяло время, были дисциплированы въ духѣ эриванскаго полка и практиковались въ стрѣльбѣ изъ берданокъ. Словомъ, полкъ приготовился къ походу—и приготовился хорошо.

Наканунѣ войны, въ лагерѣ эриванцевъ все шло заведеннымъ порядкомъ. Кто-то даже изъ лагерныхъ политиковъ распустилъ слухъ, что войны не будетъ, такъ какъ Англія, напуганная появленіемъ сѣверо-американскаго флота въ Средиземномъ морѣ, не прійметъ открыто сторону турокъ, а они безъ Англіи воевать не посмѣютъ. Но вышло иначе. Около десяти часовъ вечера въ лагерномъ штабѣ у Дагарли получено было извѣстіе о разрывѣ съ Турціею, и даже прислана диспозиція такого рода: утромъ, 12-го апрѣля, главнымъ силамъ корпуса, по двумъ дорогамъ, имѣя кавалерію впереди, выступить заграницу и совершить переходъ—правой колоннѣ къ селенію Молла-Муса, а лѣвой—къ селенію Технисъ. Въ лагерѣ поднялась возня: укладка вещей, писаніе телеграммъ, писемъ. Мало кому въ эту ночь удалось уснуть. Въ эти немногіе часы до разсвѣта передумано многое. И такъ, завтра въ походъ, заграницу! Какой оборотъ прійметъ война—конечно, было скрыто отъ насъ въ будущемъ; но каждый чувствовалъ и надѣялся, что мы побѣдимъ, какія бы жертвы намъ не пришлось понести.

Наступило утро 12-го апрѣля. Погода стояла туманная, холодная. Къ шести часамъ утра эриванскій полкъ, въ походномъ снаряженіи, прибылъ къ сел. Баяндуръ, гдѣ вся дивизія построилась въ карре, въ срединѣ котораго поставили аналой. Вскорѣ

прибылъ командующій корпусомъ генералъ-адъютантъ Лорисъ-Меликовъ, поздравилъ полки съ предстоящимъ походомъ и прочиталъ слѣдующій приказъ Главнокомандующаго:

«Войска кавказской арміи! Державная воля Государя Императора призываетъ васъ нынѣ къ защитѣ оружіемъ чести и достоинства нашего отечества. За вами—славное прошлое кавказскихъ войскъ; передъ вами—поля и твердыни, обагренныя кровью вашихъ отцовъ и братьевъ. Впередъ, съ Богомъ, за родину и великаго Государя!»

Въ этихъ немногихъ, но знаменательныхъ словахъ приказа сказано все, что глубоко трогало и трогаетъ русскаго человѣка. За честь родины и за Государя наши дѣды и отцы умѣли постоять; молодое поколѣніе, призванное теперь къ защитѣ отечества, покажетъ, что оно достойно своихъ предковъ.

При чтеніи приказа у каждаго невольно навертывалась слеза; каждый зналъ, что онъ призывается на защиту праваго дѣла, и что въ жилахъ его течетъ кровь славянина, которому предстоитъ снять оковы съ единоплеменниковъ славянъ, подвластныхъ мусульманскому игу (3).

Послѣ чтенія приказа музыка заиграла народный гимнъ, а войска крикнули неудержимое «ура». Когда гимнъ окончился, начальникъ корпуснаго штаба генералъ Духовской прочиталъ приказъ по корпусу (*), въ которомъ было выражено, что воля Государя, честь и достоинство Россіи требуютъ, чтобы, съ занятіемъ нами турецкихъ провинцій, спокойствіе среди населенія утверждалось прочно, и чтобы никто, ни подъ какимъ предлогомъ, не поднималъ оружія на жителей, покоряющихся нашей власти, и не пользовался безплатно имуществомъ жителей—къ какому бы вѣроисповѣданію и національности они не принадлежали. Затѣмъ, начался молебенъ. Солдаты тѣснились возлѣ аналоя, жертвуя деньги и свѣчи на образъ. Многіе изъ нихъ клали три земныхъ поклона передъ аналоемъ, а потомъ, повернувшись на сѣверъ, гдѣ была ихъ родина, еще три поклона, какъ бы прощаясь съ нею. Нѣкоторые

(*) Приказъ по корпусу 12-го апрѣля 1877-го года № 53.

Авт.

брали горсть земли въ карманъ—для того, что если суждено будетъ погибнуть на войнѣ, въ землѣ непріятельской, то чтобы первая горсть земли, которой прійдется пасть въ могилу, была бы своя, родная.

Всѣхъ войскъ въ дѣйствующемъ корпусѣ, включая сюда эриванскій и ардаганскій отряды, состояло налицо 49,499 человѣкъ (47-мь баталіоновъ, 16-ть эскадроновъ, 79-ть сотенъ, 20-ть батарей) (*). Въ этомъ числѣ эриванцевъ было: 6-ть штабъ-офицеровъ, 39-ть оберъ-офицеровъ и 3056 нижнихъ чиновъ. Дальній расходъ людей въ полку, въ день выступленія, былъ слѣдующій: въ командировкахъ состояло—1-нъ штабъ-офицеръ, 9-ть оберъ-офицеровъ и 286-ть нижнихъ чиновъ; въ госпиталяхъ—109-ть нижнихъ чиновъ и въ полковомъ лазаретѣ, гдѣ имѣлось 24 мѣста, 15-ть человѣкъ.

Баталіонами командовали: первымъ—флигель-адъютантъ маіоръ фонъ-деръ-Нонне, вторымъ—маіоръ князь Путятинъ, третьимъ—маіоръ Меликовъ и четвертымъ—подполковникъ Микеладзе. Въ тактическомъ отношеніи полкъ дѣлился на четыре баталіона, каждый баталіонъ на три померныхъ и одну стрѣлковую роты.

По диспозиціи, эриванскій полкъ совершалъ первый переходъ въ хвостѣ колонны, имѣя 1-й баталіонъ въ арріергардѣ. Только къ десяти часамъ утра саперы успѣли навести чрезъ Арпачай каппелевскій мостъ, такъ что полку пришлось простоять на мѣстѣ болѣе четырехъ часовъ. Наконецъ, къ полудню, подъ звуки своего кюрюкъ-даринскаго марша, эриванцы перешли мостъ—и съ крикомъ «ура» вступили на турецкую землю.

По дорогѣ къ Техпису, въ двухъ верстахъ отъ Баяндура, протекаетъ рѣчка Караханъ-чай, притокъ Арпачая. Переправа чрезъ Караханъ-чай сопряжена была съ большими затрудненіями, потому что моста навести не успѣли. Головныя части стали перевозить на арбахъ, но такого рода переправа настолько оказалась медленною, что войскамъ пришлось бы стоять дня два у берега и ожидать очереди, а потому приказано было переправляться въ бродъ.

Солдаты, несмотря на сильный холодъ и падавшій повременамъ дождь и градъ, раздѣвались донага и, неся надъ головою свое снаряженіе и одежду, смѣло вступали въ воду; глубина рѣчки доходила въ это время года до груди, ширина же ея—до тридцати шаговъ. На долю эриванцевъ выпало самое худшее: имъ пришлось переправляться вечеромъ, когда сдѣлалось еще холоднѣе; кромѣ того, всѣ завязшія орудія, зарядные ящики и обозныя фуры приходилось вытаскивать людьми изъ болотистаго Караханъ-чая, такъ какъ лошади окончательно выбились изъ силъ; въ особенности, тучныя артилерійскія, непривыкшія къ такой усиленной работѣ, совершенно стали, а многія, запутавшись въ сбрую, даже тонули. За переправой наблюдалъ командиръ 1-й бригады гренадерской дивизіи генералъ Авиновъ. Онъ принималъ всѣ мѣры, чтобы ускорить переправу, но всетаки она длилась до полуночи. Почти на разсвѣтѣ эриванцы прибыли на бивакъ у Техниса.

Въ этотъ день кавалерія наша съ успѣхомъ выполнила возложенное на нее порученіе. Она на разсвѣтѣ захватила врасплохъ большинство турецкихъ пограничныхъ постовъ. Только Джелабъ-кичукскій постъ оказалъ сопротивленіе, при чемъ турки потеряли четыре человѣка убитыми; съ нашей стороны убитъ казакъ. Это была первая кровь, пролитая въ минувшую кампанію. На постахъ взято у непріятеля въ плѣнъ семь офицеровъ и 97-мь нижнихъ чиновъ.

На слѣдующій день гренадерская дивизія перешла къ сел. Аргыня, а правая колонна—къ селенію Кизплъ-Чахчаху. Въ этотъ день погода прояснилась, солдатики обсохли, согрѣлись на солнцѣ, и забывъ вчерашнія невзгоды, смотрѣли молодцами. Въ рядахъ же эриванцевъ не умолкали хоровыя пѣсни.

14-го апрѣля имѣлось въ виду дѣло съ непріятельскимъ отрядомъ, расположеннымъ въ окрестностяхъ Башъ-Кадыкляра; но какъ турки, при появленіи нашей кавалеріи, отошли къ Карсу, то всѣмъ войскамъ дана дневка на мѣстахъ ихъ лагернаго расположенія.

Нужно замѣтить, что при выступленіи заграницу, приказано было взять съ собою только на три дня фуража; поэтому, въ Ар-

гыня многимъ понадобился фуражъ. Естественно, командиры нуждавшихся частей приказали купить фуражъ. Офицеры и артельщики наводнили собою близлежащее селеніе Аргыня; но такъ какъ населеніе этой деревни состояло исключительно изъ турокъ, то они, изъ боязни и, конечно, нерасположенія къ русскимъ, заявили напрѣзъ, что у нихъ фуража вовсе нѣтъ. Однако, услужливые турецкіе армяне, сопровождавшіе нашъ отрядъ изъ Техниса, указали на громадные запасы ячменя, хранившіеся въ ямахъ, а также на большіе саманники, наполненные саманомъ, и на стога сѣна. Мало того, нѣкоторые ловкіе люди изъ мѣстныхъ армянъ продали саманники и ячмень, какъ свою собственность. Когда же покупатели прибыли съ повозками за саманомъ и ячменемъ, то явились и настоящіе хозяева запроданнаго—турки. Конечно, при этомъ произошелъ безпорядокъ, шумъ. Старшина и муллы отправились съ жалобою къ командующему корпусомъ. Генералъ Лорисъ-Меликовъ, имѣя въ виду удержать населеніе на своихъ мѣстахъ и расположить къ намъ, приказалъ уплатить претендентамъ за то количество фуража, какое они показали. Туркамъ такая щедрость весьма понравилась. Впослѣдствіи достаточно было солдату зайти въ саклю купить хлѣба или выпить воды, чтобы дать поводъ толпѣ старухъ и стариковъ явиться съ жалобою къ начальству, что ихъ обокрали. Алчность турокъ дошла до такой степени, что во время стоянки при Занмѣ старшина этой деревни сталъ требовать деньги за мѣсто, занятое нами подъ лагерь.

Вообще, въ эту кампанію, какъ офицеры, такъ и нижніе чины чрезвычайно гуманно относились къ жителямъ и платили имъ за все весьма щедро. Жители сами привозили къ намъ въ лагерь, на базаръ, фуражъ и разнаго рода жизненные припасы. Они вначалѣ продавали громадный избытокъ своихъ запасовъ по весьма умѣреннымъ цѣнамъ: ячмень и сѣно по 10-ти копѣекъ за пудъ, гуся по 30-ти копѣекъ, курицу отъ 10-ти до 20-ти копѣекъ. Плата имъ производилась нашими депозитками, и они ихъ брали охотно. Во всѣхъ селеніяхъ карскаго пашалыка, нами занятаго, видно было полное изобиліе, какъ фуража, такъ и жизненныхъ продуктовъ. Рогатый скотъ наши маркитанты скупали по неимовѣрно-

дешевымъ цѣнамъ. Навѣрное можно сказать, что фунтъ говядины имъ обходился не дороже копѣйки.

15-го апрѣля, войска правой и лѣвой колоннъ, пройдя чрезъ Карсъ-чай по наведенному мосту у сел Джамусли. соединились на позиціи у Кюрюкъ-Дара. Въ этотъ день корпусный командиръ пропускалъ мимо себя полки, проходившіе по канпелевскому мосту, наведенному чрезъ Карсъ-чай, у Джамусли. При видѣ молодецкаго движенія эриванскаго полка, подъ звуки все того же кюрюкъ-дарпнскаго марша, онъ выразился такъ: «съ такими молодцами идти въ бой—это праздникъ».

На слѣдующій день, 16-го апрѣля, главныя силы корпуса совершили переходъ къ сел. Заиму, а кавалерія къ Магараджику. На позиціи же Кюрюкъ-Дара оставлена небольшая часть войскъ для устройства укрѣпленія, пекарень и временнаго госпиталя. Эриванцевъ и грузинцевъ, при движеніи ихъ, съ артилеріею, къ Заиму, которое они совершили кружнымъ путемъ чрезъ Халифъ-Оглы, застигла темная, холодная ночь, и войскамъ этимъ пришлось блуждать по какимъ-то невѣдомымъ горамъ и оврагамъ, прежде чѣмъ отыскали бивачное мѣсто. Въ тоже время восемь турецкихъ баталіоновъ, съ батареею, выступили изъ Карса къ Эрзеруму. Часть нашей кавалеріи, настигнувъ хвостъ этихъ баталіоновъ, взяла въ плѣнъ болѣе ста человѣкъ низама и отбила нѣсколько вьюковъ съ патронами. Другая же часть нашей кавалеріи уничтожила на десять верстъ телеграфную линію между Карсомъ и Эрзерумомъ; кромѣ того, сдѣлала еще поиски къ согаплугскимъ горамъ.

17-го апрѣля, въ день рожденія Государя Императора, послѣ молебствія, эриванскій полкъ, въ составѣ колонны, двинутъ былъ къ Визинъ-кею—съ цѣлью поддержать нашу кавалерію, далеко и молодецки углубившуюся внутрь непріятельской земли, а также усилить то впечатлѣніе, которое нами было произведено въ краѣ вообще и въ Карсѣ въ частности. На другой день полкъ, подъ проливнымъ дождемъ, достигъ Визинъ-кея. Въ этотъ же вечеръ паша кавалерія, послѣ двухчасовой артилерійской канонады по непріятелю, выведшему наперерѣзъ ей изъ Карса, отошла къ Визинъ-кею. Затѣмъ, вся пѣхотная колонна, въ томъ числѣ

й эриванцы, промокнувъ и прозябнувъ до костей, вернулась въ заимскій лагерь.

Первые дни кампаніи, конечно, у каждаго глубоко запечатлѣваются въ памяти: всякое движеніе въ сторону противника, всякій предметъ, встрѣченный на пути, возбуждаетъ интересъ и вызываетъ сужденіе. При этомъ условіи, можно себѣ представить, какъ оживились офицеры и солдаты, увидѣвъ, при слѣдованіи къ Визинъкею, юговосточную часть Карса: всѣ вдругъ заговорили, стали указывать на грозный Карадагъ, Арабъ и другія укрѣпленія, рѣзко чернѣвшія на горизонтѣ. Каждый интересовался названіемъ укрѣпленій, количествомъ въ нихъ гарнизона, равно и тѣмъ, будутъ ли турки упорно защищаться. Офицеры, изъ всего, что увидѣли, вынесли убѣжденіе, что для овладѣнія Карсомъ потребуется время, средства и силы, несравненно большія, чѣмъ мы располагали въ началѣ войны. Солдаты толковали посвоему, въ родѣ того: «ишь, куда забрался» и т. п.

ГЛАВА II.

Охотничьи команды. Движеніе вспомогательной колонны къ Ардагану. Взятіе геля-вердинскихъ высотъ. Штурмъ и паденіе Ардагана. Награды.

27-го апрѣля сдѣлано распоряженіе по корпусу о сформированіи во всѣхъ полкахъ охотничьихъ командъ, въ составѣ двухъ офицеровъ отъ полка и семи нижнихъ чиновъ изъ роты. Въ эриванскомъ полку воодушевленіе и желаніе скорѣе сразиться съ турками было такъ велико, что въ охотники вызвалась половина офицеровъ изъ всего наличнаго состава, а нижнихъ чиновъ въ каждой ротѣ отъ 40 до 50 человѣкъ. Полковой командиръ, не желая охлаждать такого похвальнаго боеваго порыва, отклонилъ отъ себя личный выборъ охотниковъ офицеровъ, а предоставилъ имъ бросить жребій между собою. Жребій палъ на капитана Шкабича и подпоручика Карамзина. Охотникамъ, между прочимъ, было предостав-

лено—замѣнить сапоги болѣе легкою обувью—поршнями.

Пока все это происходило въ главныхъ силахъ корпуса, небольшой отрядъ генерала Девеля (5) приближался со стороны Ахалцыха къ турецкой крѣпости Ардагану. Командующій корпусомъ, желая скорѣе покончить дѣло съ этою крѣпостью, выдѣлилъ изъ главныхъ силъ колонну (6) подъ начальствомъ генерала Геймана, для совокупнаго дѣйствія противъ Ардагана. Въ составъ этой колонны вошелъ и эриванскій полкъ. Вспомогательныя войска выступили изъ зимскаго лагеря 28-го апрѣля. При нихъ находился и корпусный командиръ. Войска наступали по прямой дорогѣ, идущей отъ Карса на Ардаганъ. Эриванскій полкъ выступилъ съ облегченнымъ обозомъ, имѣя на людяхъ трехдневный запасъ сухарей и на шесть дней на фурахъ. Въ четыре перехода войска приблизились къ Ардагану, и 1-го мая, въ десять часовъ утра, расположились пока на юговосточномъ склонѣ геля-вердинскихъ высотъ.

Движеніе къ Ардагану совершено было въ дождливую погоду, по мѣстности безлюдной, безлѣсной, весьма высоко поднятой надъ уровнемъ моря. Въ особенности труденъ былъ переходъ отъ Джелауса—къ Джелаусъ-Эйлясъ. На этомъ пути пришлось разработывать дорогу и крутой подъемъ на гору, а также втаскивать людьми обозъ на горы. Вслѣдствіе дурной дороги обозы на ночлеги приходили поздно, поэтому горячая пища приготовлялась и раздавалась несвоевременно. Между тѣмъ, нарядъ на аванпостную службу былъ усиленъ, въ виду малочисленности нашихъ силъ. Тутъ-то солдатамъ вспомнились казарменныя занятія, когда ихъ поучали, какъ безропотно должно переносить голодъ, холодъ и всякія нужды, неизбѣжныя въ походѣ. Эриванцы, дѣйствительно, переносили ихъ стойко, мужественно, съ полнымъ сознаніемъ своего долга.

Еще до открытія кампаніи англичане совѣтовали туркамъ обратить серьезное вниманіе на Ардаганъ и укрѣпить его сколь возможно сильнѣе. Они придавали важное значеніе этой крѣпости, какъ ближайшей къ нашей границѣ, откуда идетъ кратчайшая и болѣе удобная дорога къ Ахалцыху, Боржому и Тифлису. Они указывали на Ардаганъ, какъ на операціонный базисъ для анатолійской арміи. Для насъ Ардаганъ тоже имѣлъ важное значеніе:

вопервыхъ, со взятіемъ его мы удаляли турокъ отъ нашей границы и вовторыхъ, обезпечивали фланги нашихъ войскъ, дѣйствующихъ на Карсъ и Батумъ.

Ардаганъ, находящійся въ двухъ переходахъ отъ бывшей нашей границы, расположенъ въ долинѣ, по обоимъ берегамъ рѣки Куры, которая въ этомъ мѣстѣ течетъ съ запада на востокъ и мѣстами сжата скалистыми обрывами. Надъ долиною, по обоимъ берегамъ Куры, съ юго-востока и сѣвера, постепенно возвышаются горы, вершины коихъ отстоятъ отъ города, цитадели и крѣпостныхъ сооруженій на орудійный выстрѣлъ. Такимъ образомъ, Ардаганъ расположенъ какъ бы въ котловинѣ. При современномъ состояніи огнестрѣльнаго оружія, эта крѣпость можетъ представлять сильную оборону лишь только въ такомъ случаѣ, если всѣ командующія высоты будутъ покрыты цѣлою системою укрѣпленій.

Турки, руководимые англичанами, сознали это, и къ открытію войны успѣли воздвигнуть недоступный фортъ Рамазанъ-табію, на сѣверной высотѣ, обращенной къ нашей границѣ (7). Фортъ этотъ распланированъ и построенъ по всѣмъ правиламъ инженернаго искусства. Взять его открытою силою—задача весьма трудная. На другой юго-восточной геля-вердинской высотѣ праваго берега Куры турки оканчивали постройку форта, съ цѣлою системою хитросплетенныхъ укрѣпленій. Помимо того, они заготовили матеріалъ, чтобы укрѣпить отдѣльную гору,—назовемъ ее А. Такимъ образомъ Геля-верды и А, связанные промежуточными укрѣпленіями, должны были составить наружную весьма прочную оборону со стороны Карса.

Собственно же внутреннюю оборону Ардагана составляли восемь нижнихъ укрѣпленій, окружавшихъ городъ и цитадель. Изъ нихъ три—Кая-баши, Истикямъ и Кудіанъ-чаиръ расположены были на лѣвомъ берегу Куры, а Казъ-тапаси, Сингеръ, Ахали, Дюзъ-табія и Мехрабъ-табія—на противуположномъ правомъ берегу. Всѣ эти нижнія укрѣпленія долговременной профили построены изъ земли и находились въ разстояніи дальняго ружейнаго выстрѣла отъ цитадели. Укрѣпленія Казъ-тапаси и Сингеръ со стороны города прикрыты съ сѣвера обрывомъ, а съ запада скалистымъ, почти отвѣс-

КРѢПОСТЬ АРДАГАНЪ
СЪ ОКРЕСТНОСТІЮ И СЪ ПОКАЗАНІЕМЪ
ДѢЙСТВІЯ ВОЙСКЪ
Масштабъ 400 саж. въ дюймѣ
0 100 200 300 400 800 1,200 саж.
ИЗЪЯСНЕНІЕ ЗНАКОВЪ
Турки
Эриванскій п.
Руск.
Проч. войска
Укр. Рамазанъ табія
Р.Д.
Укр.
Бивакъ Эрив. Пол.
Д. Сазара
Р. Кура
Д. Чумакейнъ
Дор. въ Ахалкалаки
Укр. Кудіанъ чаиръ
Эриванск. п.
АРДАГАНЪ
Укр. Кая-баши
Ук. Истикямъ
Укр. Мехрабъ табія
Укр. Ахали
Ук. Казъ-тапаси
Укр. Дюзъ табія
Укр. Сингеръ
4й б. Эриванск. п.
1й б. Эриванск. п.
Гела верды
Укр. Эмиръ-оглы
Укр.
2й б. Эриванск. п.
Д. Сахбара
Д.Д.

нымъ оврагомъ, въ который проложена была единственная тропа къ Курѣ. Укрѣпленія эти соединялись съ городомъ посредствомъ шоссе, которое огибаетъ скалистый оврагъ и спускается къ нижнему мосту. Три моста чрезъ Куру соединяли городъ и укрѣпленія.

2-го мая наши войска перешли къ горѣ Алагезъ и расположились лагеремъ у ея подошвы (8). Во время этого передвиженія генералъ Гейманъ, опасаясь, чтобы турки за ночь не укрѣпили гору А, приказалъ флигель-адъютанту маіору фонъ-деръ-Нонне—съ 1-мъ баталіономъ эриванцевъ занять гору А.

Порученіе это было весьма серьезное. Маіоръ фонъ-деръ-Нонне, сознавая всю важность его, съ полною распорядительностью занялъ эту гору, вечеромъ, подъ усиленнымъ артилерійскимъ огнемъ съ Геля-верды и принялъ всѣ мѣры предосторожности и рѣшимости, чтобы отстоять занятую имъ на горѣ позицію.

При занятіи высоты А, эриванцы впервые въ эту кампанію были крещены артилерійскимъ огнемъ противника, снаряды котораго, благодаря чрезвычайной крутизнѣ подъема, или ударялись въ гору, или далеко перелетали за нее, или не разрывались, такъ что стрѣльба эта не причинила первому баталіону ровно никакого вреда. Такимъ образомъ, первое знакомство съ турецкою артилеріею было далеко не въ ея пользу и дало право офицерамъ перваго баталіона говорить такъ: «бояться артилеріи нечего—она только морально дѣйствуетъ, но неразрушительно.»

Вмѣстѣ съ отдѣленіемъ перваго баталіона, генералъ Гейманъ, по прибытіи на бивакъ отряда, приказалъ начальнику охотничьей команды капитану Шкабичу потревожить ночью Геля-верды, чтобы отвлечь вниманіе турокъ отъ горы А. Шкабичъ, выслѣдивъ мѣстность, по которой долженъ былъ наступать, послѣ сумерокъ повелъ своихъ молодцовъ охотниковъ на это рискованное предпріятіе. Пользуясь пересѣченною мѣстностью и наступившею темною ночью, охотники подошли незамѣченными со стороны горжи на 300 шаговъ, и тутъ наткнулись на турецкій секретъ и аванпосты. При этомъ произошла незначительная схватка, въ которой легко раненъ штыкомъ въ грудь рядовой охотникъ Афанасьевъ—первая жертва въ полку. Это столкновеніе произвело въ лагерѣ у турокъ

тревогу. Они съ Геля-верды открыли артилерійскій и ружейный огонь. Шкабичъ, считая свою задачу исполненною, началъ отходить и отступилъ безъ урона.

Между тѣмъ, маіоръ фонъ-деръ-Нонне, офицеры и нижніе чины его баталіона всю ночь провели не смыкая глазъ, наготовѣ. Малѣйшій шорохъ, звукъ, блеснувшій огонекъ въ сторонѣ противника, все это возбуждало вниманіе; все чудилось въ темнотѣ, что вотъ-вотъ турки атакуютъ гору, которая имъ такъ необходима. При такомъ сильно-возбужденномъ состояніи, вдругъ, среди ночнаго безмолвія, съ Геля-верды показались огненные снопы, грянули орудійные выстрѣлы, и заискрились ружейные огоньки. Что такое? раздалось шепотомъ въ рядахъ 1-го баталіона. Всѣ встрепенулись, навострили уши и приготовились встрѣтить враговъ; но черезъ нѣсколько минутъ все утихло, и опять водворилась мертвая тишина. Первый баталіонъ, ничего незнавшій о дѣйствіи охотниковъ, былъ поставленъ въ крайнее недоумѣніе. Нечаянные орудійные выстрѣлы и затѣмъ мгновенное затишье еще болѣе усилили подозрѣніе въ томъ, не подкрадываются ли турки, чтобы внезапно броситься на приступъ горы А.

Въ такомъ выжидательномъ состояніи баталіонъ провелъ всю ночь.

Наконецъ, забрезжило. Природа освѣтилась лучами дня. Всѣмъ вздохнулось легко—и стало весело. Вскорѣ прибылъ на смѣну баталіонъ тифлисцевъ, высланный еще съ вечера, но въ темнотѣ немогшій отыскать гору А.

Вечеромъ, третьяго мая, полкъ получилъ распоряженіе о производствѣ работъ по возведенію батарей, назначенныхъ для бомбардированія Геля-верды. Мѣста расположенія батарей были опредѣлены во время произведенной утромъ рекогносцировки, на которую приглашенъ былъ и полковой командиръ полковникъ Толстой. Второй и третій баталіоны строили батареи на шестнадцать орудій; четвертый баталіонъ, смѣнившій баталіонъ тифлисцевъ на горѣ А., тамъ возводилъ закрытіе для четырехъ девяти-фунтовыхъ осадныхъ орудій и такого же числа шести-фунтовыхъ мортиръ. 1-й баталіонъ тащилъ на себѣ орудія, предназначенныя для дѣйст-

вія съ вершины А., и въ тоже время составлялъ ихъ прикрытіе. Земляныя работы своевременно были окончены настолько, какъ донесъ полковой командиръ, что артилеріею поставить было можно. Къ этому необходимо присовокупить, что въ ту же ночь люди 4-го и 1-го баталіоновъ проложили дорогу зигзагами на протяженіи болѣе версты—для облегченія вывоза орудій на подъемъ горы А., на которую съ трудомъ взбирались пѣшіе люди.

Между тѣмъ, за полчаса до открытія бомбардированія Геля-верды, орудія и мортиры доставлены еще не были. Оказалось, что артилерійскіе офицеры, бывшіе утромъ на рекогносцировкѣ, съ цѣлью изслѣдованія пути, по которому имъ предстояло везти орудія къ указаннымъ мѣстамъ на батареи, ночью заблудились и заявили маіору фонъ-деръ-Нонне, прикрывавшему ихъ съ баталіономъ, что дальнѣйшій путь имъ неизвѣстенъ. Маіоръ Нонне далъ объ этомъ знать командиру полка и получилъ среди ночи приказаніе—выслать три роты на вершину А., для усиленія работъ, а орудія оставить подъ прикрытіемъ роты. По доведеніи этого до свѣдѣнія командующаго корпусомъ, онъ приказалъ, въ виду чрезвычайной крутизны подъема на А., мортиры оставить тамъ, гдѣ онѣ остановились, а осадныя девяти-фунтовыя пушки во что бы то ни стало подвезти и поднять на А. Съ наступленіемъ дня, это было исполнено эриванцами. Достаточно было командиру полка обратиться къ людямъ 1-го и 4-го баталіоновъ и сказать имъ: «братцы, безъ паряда, ступайте къ орудіямъ и тащите ихъ сюда!». Всѣ нижніе чины, несмотря на то, что провели всю ночь безъ сна и въ усиленной работѣ, съ полнымъ рвеніемъ сбѣжались къ орудіямъ, впряглись въ нихъ и живо втащили ихъ на крутизну. Работа эта была выполнена подъ артилерійскимъ огнемъ противника, который, лишь только замѣчалъ на открытыхъ мѣстахъ группы людей, образовывавшіяся возлѣ каждаго орудія, тотчасъ учащалъ стрѣльбу по нимъ. Но и на этотъ разъ его огонь былъ безвреденъ.

Наконецъ, орудія были установлены и усилили бомбардированіе. Артилерія главнымъ образомъ сосредоточила свой огонь на Геля-верды, подготовляя тѣмъ колоннѣ генерала Девеля атаку на этотъ фортъ съ фронта. Послѣ удачнаго дѣйствія нашихъ орудій,

генералъ Девель двинулъ свои войска на приступъ. Елисаветпольскій полкъ, бойко и смѣло наступавшій впереди, былъ встрѣченъ гибельнымъ огнемъ. Генералъ Геймanъ, желая облегчить атаку съ фронта, лично повелъ въ помощь генералу Девелю 2-й и 3-й баталіоны эриванцевъ и два баталіона бакинцевъ на Геля-верды. Однако, баталіоны эти не имѣли столкновенія съ турками, потому что гарнизонъ Геля-верды, видя съ одной стороны безостановочное, отчаянное наступленіе елисаветпольцевъ, а съ другой—боясь быть окруженнымъ колонною Геймана, бросился бѣжать (9). Потеря въ колоннѣ генерала Девеля состояла изъ двадцати убитыхъ нижнихъ чиновъ, четырехъ офицеровъ и 94-хъ нижнихъ чиновъ раненыхъ.

По занятіи Геля-верды, всѣ войска, кромѣ назначенныхъ въ гарнизонъ этого форта, отведены въ лагерь. Со взятіемъ этого укрѣпленія (10), командовавшаго надъ крѣпостью, наши дѣйствія приняли характеръ рѣшительный.

Утромъ, 5-го мая, была объявлена диспозиція для штурма Ардагана, который предположено начать послѣ усиленнаго бомбардированія нижнихъ укрѣпленій. Сигналомъ для одновременнаго движенія войскъ на приступъ должны были служить ракеты, пущенныя изъ ставки командующаго корпусомъ. Эриванскій полкъ вошелъ въ составъ колонны генерала Геймана. Баталіоны получили слѣдующее назначеніе: первый долженъ былъ овладѣть укр. Спигеромъ, четвертый—штурмовать лѣво-фланговый фортъ Казъ-тапаси и занять нижній мостъ по теченію р. Куры. При этомъ баталіонѣ находилась охотничья команда, а при первомъ—рота саперъ. Второй баталіонъ, по диспозиціи, оставленъ въ резервѣ на горѣ А., а 3-й въ лагерѣ для прикрытія вагенбурга.

Съ утра полкъ занялъ опредѣленныя мѣста. Офицеры 1-го и 4-го баталіоновъ, въ ожиданіи ракетъ, сошлись вмѣстѣ; къ нимъ присоединился подполковникъ бакинскаго полка Потебня, бывшій эриванецъ. Отыскалась у кого-то бутылка вина. Подполковникъ Потебня предложилъ тостъ въ честь старыхъ своихъ сослуживцевъ и пожелалъ, чтобы эриванцы въ этотъ день напомнили туркамъ прежнихъ эриванцевъ. Вслѣдъ за этимъ тостомъ и распитою бутылкою вина была пропѣта заздравная грузинская пѣсня, столь

извѣстная всѣмъ кавказцамъ.

Въ это время, около четырехъ съ половиною часовъ пополудни, взвились сигнальныя ракеты (11). Офицеры, пожелавъ другъ другу счастливаго исхода штурма, розошлись по мѣстамъ. Тогда, между прочимъ, маіоръ Поппе, обратясь къ офицерамъ, сказалъ: «господа, мы должны всѣ или умереть, или взять Сингеръ. При нынѣшнемъ молодомъ составѣ полка, для нихъ важно первое удачное дѣло; постараемся поддержать старинную славу нашего полка». Подполковникъ Микеладзе объявилъ офицерамъ, что они будутъ его видѣть впереди, гдѣ имъ будетъ угрожать бо́льшая опасность.

Одновременно съ началомъ движенія, командующій корпусомъ приказалъ командиру 2-го баталіона маіору князю Путятину занять промежутокъ, образовавшійся между бакинскимъ и тифлисскимъ полками и штурмовать укрѣпленіе Ахали. При 2-мъ баталіонѣ находилась 3-я стрѣлковая рота, взамѣнъ 6-й, конвоировавшей орудія въ отрядъ генерала Девеля. Баталіоны наступали поротно, тонкимъ строемъ и въ такомъ порядкѣ: въ первой линіи шла охотничья команда и стрѣлковыя роты, во второй 1-я, 2-я, 4-я, 10-я и 12-я роты, а въ третьей линіи знаменныя роты: 3-я, 5-я и 11-я. По общему плану, войска распредѣлены были такъ: правый флангъ составляли 4-й и 1-й баталіоны эриванскаго полка и саперная рота, состоявшая при 1-мъ баталіонѣ; центръ составлялъ бакинскій полкъ, а лѣвый флангъ—2-й баталіонъ эриванцевъ и тифлисскій полкъ. Турки встрѣтили наши войска сначала артилерійскимъ, затѣмъ, съ двухъ тысячъ шаговъ, ружейнымъ огнемъ. По мѣрѣ того, какъ разстояніе между ними и нашими линіями сокращалось, они все болѣе и болѣе усиливали стрѣльбу. Самый дѣйствительный огонь ихъ былъ съ пятисотъ шаговъ, гдѣ были поставлены знаки, обозначавшіе разстояніе.

Эриванцы, развернутые въ густыя цѣпи, двигались стройно, безостановочно, какъ на маневрахъ, держа ружья вольно. Знамена были распущены; полковая музыка, слѣдовавшая за первымъ баталіономъ, играла полковой кюрюкъ-дарийскій маршъ. Вблизи Государевой роты ѣхалъ безстрашно генералъ Гейманъ, а за 1-ю стрѣлковою ротою—полковой командиръ полковникъ Толстой. Шеф-

скую роту велъ на штурмъ командиръ ея флигель-адъютантъ капитанъ Шлиттеръ. По смѣлому движенію эриванцевъ, разсказывалъ одинъ изъ участвовавшихъ въ дѣлѣ батарейныхъ командировъ, заранѣе можно было расчитывать на побѣду и предсказать, что слава въ ней будетъ принадлежать эриванцамъ. Они вполнѣ доказали, что достойны носить вензель Его Величества.

Подойдя къ веркамъ шаговъ на двѣсти, ближайшія къ цѣпи роты слились съ цѣпью и образовали съ ней одну линію. Всѣ одинаково отважно и лихо рвались впередъ; офицеры были во главѣ. Первый баталіонъ, двигавшійся по лощинѣ, перпендикулярно къ фронту Сингера, опередилъ всю боевую линію, почему и главная тяжесть штурма преимущественно легла на него. Въ теченіе пятнадцати минутъ отъ перваго удара онъ потерялъ 124 человѣка нижнихъ чиновъ убитыми и ранеными и двухъ офицеровъ раненными—поручиковъ Курочкина и Барабашева 1-го.

Маіоръ Нонне, подойдя къ укрѣпленію шаговъ на тридцать, въ мертвомъ пространствѣ далъ вздохнуть людямъ, а затѣмъ онъ, офицеры и нижніе чины, отважно, съ грознымъ «ура», устремились на Сингеръ. Саперная рота, подъ командою своего храбраго капитана Васильева, не отставала отъ эриванцевъ. Турки не выдержали этого напора и бѣжали (42). Маіоръ Нонне по исходящему углу бруствера въѣхалъ въ укрѣпленіе: одновременно съ нимъ, командиръ второй роты штабсъ-капитанъ Мирзоевъ и поручикъ Вольскій, одаренные ловкостью и силою, вскочили первыми на верки Сингера. Когда они взлѣзли на брустверъ, то въ нѣсколькихъ шагахъ передъ ними были еще видны спины безпорядочно убѣгавшей толпы турецкаго низама. Штабсъ-капитанъ Мирзоевъ и Вольскій пріостановились на нѣсколько секундъ, чтобы отдохнуть. Въ это время возлѣ нихъ уже собралась довольно значительная группа солдатъ, которые также оправлялись послѣ подъема на крутой брустверъ, куда они подсаживали другъ друга. Вдругъ, послышалось приказаніе, чтобы собраться и устроиться послѣ штурма. Мирзоевъ, сознавая, что не слѣдуетъ упускать изъ вида драгоцѣнную минуту преслѣдованія и видя, что турки уже начинаютъ уходить, крикнулъ: впередъ! и бросился за непріятелемъ. Бывшіе около него сол-

даты разныхъ ротъ стремительно кинулись за нимъ. Сначала казалось почти невозможнымъ настигнуть турокъ: они не бѣжали, а летѣли въ страшной паникѣ; но затѣмъ, разстояніе между ними и горстью преслѣдовавшихъ ихъ эриванцевъ стало сокращаться болѣе и болѣе.

Дѣло въ томъ, что турки изъ Казъ-тапаси и Сингера бросились по кратчайшей тропинкѣ и по совершенно обрывистому берегу Куры къ мосту, чтобы скорѣе проникнуть на ту сторону рѣки. Тропинка, по которой они бѣжали, была такъ узка, что по ней можно было пройти въ одиночку, и кое-гдѣ въ два человѣка. Ихъ было много,—оттого они и столпились. Мирзоевъ, Вольскій и передовые люди успѣли на нихъ насѣсть. Эти храбрые офицеры, увлеченные преслѣдованіемъ врага и—сказать, впрочемъ, правду—не встрѣчая серьезнаго сопротивленія, пробились, или проще—растолкали съ своими солдатами турокъ и многихъ столкнули въ Куру, хотя нѣкоторые и сами, объятые ужасомъ, бросались съ обрыва въ рѣку. Мирзоевъ лично изрубилъ двухъ турокъ. Слѣдовавшій за нимъ унтеръ-офицеръ его роты Иванъ Чмыръ, замѣтя, что раненый турокъ прикладывается сзади въ Мирзоева, бросился на этого турка и пронзилъ его штыкомъ, но раненый все же успѣлъ выстрѣлить; къ счастью, пуля пролетѣла мимо. Вольскій, въ числѣ первыхъ, очутился у моста. Часть гарнизона, успѣвшая перебѣжать на противуположный берегъ, а также турки, защищавшіе укрѣпленія лѣваго берега, открыли по насъ непрерывный огонь. Но Мирзоевъ все же пробѣжалъ мостъ, занялъ противуположный берегъ и засѣлъ за камни. Между тѣмъ, позади его, чрезъ мостъ, все еще бѣжали турки; на нихъ насѣли подходившіе въ то время наши другія роты, уже устроенныя. Мирзоевъ и Вольскій, видя приближеніе своихъ резервовъ, рѣшились на отчаянное дѣло: двигаться дальше на укрѣпленіе Кая-баши. Лѣвый берегъ Куры также крутъ; передъ укрѣпленіями, его вѣнчавшими, была небольшая площадка. Едва Мирзоевъ съ ничтожною горстью людей выбрался на эту площадку, какъ турки оставили свои грозныя укрѣпленія и бросились бѣжать. Такимъ образомъ, первымъ взошелъ на Кая-баши Мирзоевъ. Здѣсь онъ захватилъ въ плѣнъ турецкаго генерала Алинашу.

Поручикъ Вольскій, точно также какъ и Мирзоевъ, неустрашимо и доблестно дѣйствовалъ съ частью людей Государевой роты. Эти офицеры, соревнуя другъ другу, неслись впередъ, ободряя своею отвагою нижнихъ чиновъ. Безспорно, имъ принадлежитъ первенствующая слава въ этомъ достопамятномъ штурмѣ, а также ихъ баталіонному командиру, который, по занятіи верковъ, тотчасъ сталъ направлять подходившихъ людей къ мосту, куда и самъ за ними поѣхалъ. Когда маіоръ фонъ-деръ-Нонне спустился верхомъ по крутой тропѣ къ мосту, то раненый турокъ привсталъ и хотѣлъ въ него выстрѣлить, но рядовой первой роты, замѣтивъ намѣреніе турка, живо подбѣжалъ къ нему и, выбивъ ружье изъ его рукъ, закололъ раненаго.

Разсматривая подвиги Мирзоева и Вольскаго, видимъ, что въ пылу боя, увлекшись побѣдою, они не стали устроивать ротъ, а бросились преслѣдовать ошеломленнаго противника. Если бы эти офицеры не взяли на себя починъ преслѣдованія, то турки могли пріостановиться, залечь за обрывистымъ берегомъ Куры и оттуда стрѣлять по устроивавшимся нашимъ частямъ. Такимъ образомъ, рѣшимость этихъ храбрыхъ офицеровъ навѣрно спасла у насъ жизнь нѣсколькимъ десяткамъ человѣкъ и дала возможность легко занять переправу.

Что же касается до дѣйствій четвертаго баталіона, то онъ, предводимый своимъ отважнымъ командиромъ подполковникомъ Микеладзе, хотя и наступалъ съ такимъ же безстрашіемъ и энергіею, какъ первый, но такъ какъ ему пришлось пройти до Казъ-тапаси разстояніе большее, нежели первому до Сингера, то шедшіе впереди охотники капитана Шкабича и четвертая стрѣлковая рота въ то время приблизились къ Казъ-тапаси, когда первый баталіонъ уже занялъ Сингеръ, и турки бѣжали по обрыву.

Подполковникъ Микеладзе, точно выполняя приказаніе генерала Геймана, направилъ свой баталіонъ къ нижнему мосту—съ цѣлью пресѣчь дорогу бѣгущему непріятелю. Но лишь только роты четвертаго баталіона стали спускаться къ Курѣ, какъ нѣсколько турецкихъ таборовъ, покровительствуемые огнемъ своей артилеріи, выбѣжали изъ укрѣпленія Кая-баши и открыли во флангъ ротамъ

жестокую и столь частую стрѣльбу съ противуположнаго берега, что изъ стаи голубей, случайно попавшихъ въ эту минуту въ сферу огня, нѣсколько штукъ пали, убитые пулями.

Между тѣмъ оказалось, что проникнуть къ нижнему мосту по самому берегу чрезвычайно затруднительно, такъ какъ скалистый обрывъ мѣстами почти упирался въ воду, а пробраться по низменному берегу могли только одиночные люди. Поэтому, роты четвертаго баталіона вынуждены были опять приподняться и чрезъ укр. Казъ-тапаси направиться къ мосту, такъ сказать, слѣдомъ за первымъ баталіономъ. При этомъ лучшіе стрѣлки, по приказанію поручика князя Вачнадзе, залегли за камни, по окраинѣ обрыва, и вступили въ перестрѣлку съ непріятелемъ, вышедшимъ изъ Каябаши.

Въ тоже время поручикъ Карамзинъ, съ отважнѣйшими людьми, не обращая вниманія на жестокій огонь, пробрался къ мосту. Совершая столь трудное движеніе по узкому дефиле, Карамзинъ выпустилъ по непріятелю, спасавшемуся вплавь по теченію Куры, всѣ шесть зарядовъ изъ револьвера, а люди его, настигнувъ скучившихся въ узкомъ дефиле турокъ, штыками сталкивали ихъ въ воду. Возлѣ моста непріятель сотнями бросался въ воду, ища въ ней спасенія, но и здѣсь ему пощады не было: мѣткія пули поражали плывущихъ навыборъ; вода окрасилась ихъ кровью; другіе, барахтаясь въ водѣ, топули, такъ что весьма немногимъ удалось спастись. Маіоръ фонъ-деръ-Нонне свидѣтельствуетъ, что, въ моментъ приближенія его къ мосту, турокъ такъ много было въ рѣкѣ, что картину погибели ихъ можно уподобить потопленію горсти мухъ въ стаканѣ воды.

Второй баталіонъ маіора князя Путятина, какъ сказано выше, былъ направленъ на укр. Ахали, гарнизонъ котораго тоже не выдержалъ нашей рѣшительной атаки, и лишь только на Сингеръ было внесено знамя перваго баталіона, бросился бѣжать въ городъ и засѣлъ въ строеніяхъ.

На Ахали и Дюзъ-табія первыми взошли 2-я и 3-я стрѣлковыя роты. Здѣсь случился слѣдующій эпизодъ: фельдфебель 3-й стрѣлковой роты Бубанецъ, первымъ вскочившій въ Ахали, уви-

дѣвъ нѣсколько человѣкъ турокъ, желавшихъ подъ прикрытіемъ бруствера убѣжать въ городъ, бросился прямо имъ наперерѣзъ. Турки, видя, что одинъ человѣкъ преграждаетъ имъ дорогу, пріостановились и ощетинили штыки; но Бубанецъ, прислонясь спиною къ брустверу, отпарировалъ шашкой ихъ штыки и двумъ изъ нихъ нанесъ раны. Въ это время подбѣжали къ Бубанцу навыручку нѣсколько стрѣлковъ и прикололи остальныхъ.

Второй баталіонъ, не останавливаясь въ занятыхъ укрѣпленіяхъ, по слѣдамъ бѣгущихъ турокъ ворвался въ городъ и сталъ штурмовать его по обоимъ берегамъ Куры. Турки упорно защищались въ зданіяхъ, даже изъ госпиталя стрѣляли; наши войска несли чувствительный и совершенно напрасный уронъ. Вслѣдствіе этого, генералъ Гейманъ приказалъ 11-й ротѣ штабсъ-капитана Гринцевича, зашедшей въ городъ по шоссе, со знаменемъ 4-го баталіона, ударить отбой, а войскамъ устроиться на сѣверной окраинѣ города.

Къ восьми часамъ вечера все было кончено; пальба утихла. Эриванскій полкъ быстро собрался на эспланадѣ Кая-башн. Сюда прибылъ командующій корпусомъ. Объѣзжая полки, онъ поздравлялъ ихъ съ достославною побѣдою и искренно благодарилъ за примѣрное мужество, выказанное на штурмѣ. Въ тоже время хоры полковыхъ музыкантовъ играли нашъ народный гимнъ. Эти столь дорогіе для насъ звуки и побѣдные крики впервые огласили Ардаганъ. Радость была общая: офицеры взаимно другъ друга поздравляли съ побѣдою и цѣловались; въ ротахъ шеренги были повернуты одна къ другой лицомъ, и боевые товарищи, окрещенные огнемъ непріятеля, тоже обнимались и цѣловались. Трудно на бумагѣ выразить этотъ военный восторгъ, эти задушевныя поздравленія и рѣчи, которыя произносились въ такія торжественныя минуты побѣды, подъ вліяніемъ пролитой, но еще неостывшей крови своего противника. Больше всего офицеры восхищались поведеніемъ своихъ молодыхъ солдатъ, которые превзошли ихъ ожиданія. Они своею безпредѣльною храбростью и самоотверженіемъ показали, что съ ними можно идти смѣло въ бой. Солдаты же, видя своихъ офицеровъ впереди, видя ихъ безстрашіе, еще сильнѣе увѣровали въ **нихъ.**

Для окончательнаго торжества нужно было еще взять фортъ Рамазанъ-табію, который пока былъ занятъ непріятелемъ. На военномъ совѣтѣ рѣшено: на разсвѣтѣ слѣдующаго дня штурмовать Рамазанъ. Эриванскій полкъ получилъ назначеніе—атаковать фортъ со стороны горжи въ то время, когда колонна генерала Девеля бросится на него съ фронта.

Съ наступленіемъ сумерокъ полковникъ Толстой, согласно полученнымъ указаніямъ, перешелъ съ полкомъ и расположился бивакомъ у подножія сѣверной высоты, на которой чернѣлъ грозный Рамазанъ. Поздно вечеромъ присоединился къ полку и 3-й баталіонъ, непринимавшій прямаго участія въ штурмѣ.

Полкъ, собравшись вмѣстѣ, ликовалъ побѣду. Бивакъ былъ оживленъ, утомленіе боя и предшествующія двѣ ночи, проведенныя безъ сна и въ работѣ, забыты. Для подкрѣпленія силъ солдатамъ весьма кстати роздано по чаркѣ водки. Закускою же имъ служили съѣстные припасы, добытые въ турецкихъ лагеряхъ и брошенные тамъ въ большомъ количествѣ. Офицеры и солдаты, собравшись группами, передавали впечатлѣнія перваго боя. Всѣ были нравственно возбуждены и сознавали, что честно и свято выполнили свой долгъ; сверхъ того, каждый зналъ, что этою побѣдою порадуетъ своего обожаемаго Августѣйшаго Шефа, своихъ отцовъ, свои семьи, которыя съ нетерпѣніемъ ждали извѣстій съ театра войны.

Возлѣ командира полка сидѣлъ плѣнный Али-паша и чрезъ прапорщика Агамалова, знавшаго турецкій языкъ, передавалъ слѣдующее: «мы никакъ не расчитывали, чтобы русскіе такъ скоро штурмовали крѣпость. Намъ казалось, что для взятія такой крѣпости понадобятся мѣсяцы. Въ особенности насъ поразило невозмутимое спокойствіе вашихъ солдатъ, которые подъ нашимъ огнемъ шли, какъ желѣзные, будто заколдованные отъ нашихъ снарядовъ и пуль. Это хладнокровіе навело на нашихъ солдатъ ужасъ; ихъ не могли удержать на мѣстахъ; они, какъ безумные, бросились бѣжать, прыгали въ кручу, бросались въ рѣку».

Когда Али-паша окончилъ разсказъ, уже наши солдаты, эти желѣзные бойцы, спали богатырскимъ сномъ вокругъ своего командира, чтобы проснуться до разсвѣта и снова идти въ бой—куда

поведетъ начальство. Не спалось только командиру полка. Задача, данная полку, была почти неодолима. Рамазанъ со стороны горжи, откуда его должны были штурмовать эриванцы, былъ также недоступенъ, какъ и съ фронта. Горжу составляла высокая каменная оборонительная стѣна; единственныя ворота прикрывалъ траверсъ такой же профили, какъ и стѣна. Взобраться на эти стѣны возможно было только по лѣстницамъ, а ихъ-то и не было. Эспланада горжи шаговъ на триста отлично обстрѣливалась ружейнымъ огнемъ. Сверхъ наружной обороны, внутри форта помѣщалась оборонительная, казематированная казарма съ двухъ-ярусным огнемъ.

Для предстоящаго штурма полковникъ Толстой сдѣлалъ слѣдующія распоряженія: капитану Шкабичу, съ наступленіемъ ночи, велѣлъ подняться съ охотниками на высоту и залечь за ея окраиной; вслѣдъ за охотниками туда же направленъ и третій баталіонъ маіора Меликова. Съ остальными баталіонами полковникъ Толстой предполагалъ туда двинуться самъ. Съ разсвѣтомъ, какъ охотники, такъ и роты третьяго баталіона, должны были быстро броситься къ воротамъ горжи и во что бы ни стало овладѣть ими.

Среди темной ночи, соблюдая строжайшее безмолвіе, охотники Шкабича съ необычайною ловкостью вскарабкались на крутую высоту и остановились за ея окраиной. Отсюда Шкабичъ выслалъ патруль къ грозно-чернѣвшему Рамазану, съ цѣлью выслѣдить—выставлены ли у турокъ передъ стѣною сторожевые посты, и откуда удобнѣе и ближе подойти къ воротамъ. Спустя нѣкоторое время, когда уже приближался часъ штурма, возвращается патруль и доноситъ, что турки бѣгутъ съ Рамазана. Конечно, Шкабичъ о столь радостномъ для насъ событіи послалъ тотчасъ донесеніе командиру полка и въ третій баталіонъ, а затѣмъ—двинулся къ Рамазану и съ первыми проблесками дня занялъ его безъ выстрѣла, при чемъ только захвачено въ плѣнъ нѣсколько отсталыхъ турокъ. И такъ, несмотря на видимую несокрушимость форта, несмотря на его крѣпкія, высокія стѣны, турки, послѣ панесеннаго имъ погрома 5-го числа, не отважились его защищать. Такъ палъ для непріятеля неприступный Рамазанъ-табія, который при упорной защитѣ могъ

сто́ить намъ громадныхъ жертвъ. Вслѣдъ за охотниками вошли въ Рамазанъ роты третьяго баталіона и расположились въ немъ. Въ это время вдали показалась колонна и генерала Девеля, долженствовавшая штурмовать съ фронта. Утромъ, шестаго мая, была окончательно провѣрена убыль людей въ ротахъ и оказалось: полкъ потерялъ убитыми 24-ре нижнихъ чина и ранеными: двухъ оберъ-офицеровъ и 105-ть нижнихъ чиновъ. Вся же наша потеря подъ Ардаганомъ 5-го мая слѣдующая: убито—одинъ офицеръ и 48-мь нижнихъ чиновъ; ранено: шесть офицеровъ и 248-мь нижнихъ чиновъ (13). Большая часть нашихъ раненыхъ всю ночь оставалась на полѣ битвы, а многіе даже съ неперевязанными ранами. Ихъ только на другой день подобрали, перевязали къ вечеру и выдали горячую пищу.

Первая битва показала, что санитарная наша часть далеко не удовлетворяла своему назначенію. Не было ни достаточно врачей, ни перевязочныхъ средствъ, ни санитаровъ и носилокъ. Подвижной дивизіонный лазаретъ, въ полномъ своемъ составѣ, находился въ лагерѣ, при оставшейся тамъ бригадѣ. Въ полку между наличными офицерами состоялась подписка въ пользу раненыхъ. На собранныя деньги тотчасъ былъ купленъ и розданъ чай, сахаръ и табакъ. Когда раненыхъ перевезли въ Манглисъ, то жены офицеровъ устроивали въ пользу ихъ спектакли, дарили имъ разныя вещи и всячески старались облегчить ихъ участь. Въ распоряженіе генерала Геймана было выслано 75-ть рублей для раздачи раненымъ подъ Ардаганомъ. Онъ эти деньги роздалъ раненымъ эриванцамъ.

Седьмаго мая, при собраніи всѣхъ войскъ, отслужено благодарственное молебствіе за дарованную побѣду, при салютѣ 101 выстрѣла изъ отбитыхъ орудій.

И такъ, первое наше предпріятіе увѣнчалось полнѣйшимъ успѣхомъ: Ардаганъ палъ въ теченіе двухъ дней; пораженіе гарнизона было полное; около 1750-ти непріятельскихъ тѣлъ похоронено въ первые дни послѣ штурма; остальная часть гарнизона разсѣялась по деревнямъ; немногіе только пробрались въ Карсъ и Батумъ.

Въ Ардаганѣ взято девяносто пять орудій и большое количе-

ство ручнаго оружія; сверхъ того, намъ достались огромные артилерійскіе и продовольственные запасы и цѣлый складъ шанцеваго инструмента (14). Большая часть орудій новѣйшихъ системъ и весьма хорошей отдѣлки; особенно были хороши девятнадцать шестидюймовыхъ и пять 24-рехъ-фунтовыхъ береговыхъ. По приблизительному расчету, ардаганскія укрѣпленія, съ вооруженіемъ и запасами, стоили туркамъ отъ трехъ до четырехъ милліоновъ рублей.

Полкъ удостоился получить слѣдующія награды:

Четвертому баталіону пожаловано георгіевское знамя (15). По опредѣленію кавалерской думы награждены орденомъ св. Георгія 4-й степени: полковникъ Толстой, подполковникъ Микеладзе, флигель-адъютанты: маіоръ фонъ-деръ-Нонне и капитанъ Шлиттеръ; маіоръ князь Путятинъ—золотымъ оружіемъ. Всѣ остальные офицеры получили очередныя награды, а наиболѣе отличившимся нижнимъ чинамъ роздано командующимъ корпусомъ въ Ардаганѣ 49-ть знаковъ отличія военнаго ордена.

Кромѣ того, Его Императорское Величество, въ знакъ особой милости къ полку, изволилъ удостоить командира полка званія флигель-адъютанта.

Командующій корпусомъ, въ письмѣ своемъ въ Петербургъ къ отцу командира эриванскаго полка, генералу Толстому, лестно отозвался о подвигахъ, совершенныхъ эриванцами въ день ардаганскаго погрома подъ начальствомъ его сына. Весьма вѣроятно, что отецъ съ гордостью читалъ это письмо.

ГЛАВА III.

Возвращеніе полка въ заимскій лагерь. Движеніе вокругъ Карса къ Аравартану. Пріѣздъ Его Высочества Главнокомандующаго арміею. Рекогносцировка Верблюжьей горы. Предполагаемый штурмъ Шораха. Отраженіе непріятельской вылазки на аравартанскихъ высотахъ 3-го іюня.

Простоявъ лагеремъ у Ардагана три дня, полкъ, 9-го мая, въ составѣ колонны генерала Геймана, выступилъ обратно въ заим-

скій лагерь, куда и прибылъ 12-го мая. Въ Ардаганѣ же остался небольшой отрядъ подъ начальствомъ полковника Комарова (16). Войска заимскаго лагеря съ большимъ почетомъ встрѣтили побѣдителей Ардагана: онѣ выстраивались по пути слѣдованія и торжественно привѣтствовали возвращавшіеся полки крикомъ «ура»; земляки и знакомые усердно цѣловались. Роты же грузинскаго полка, по кавказскому обычаю, угощали эриванцевъ обѣдомъ и чаркою водки.

Обстрѣлянные эриванцы, а нѣкоторые уже съ георгіевскими крестами на груди, разсказывали землякамъ о кровавыхъ эпизодахъ штурма. Разумѣется, при этомъ кавалеры пользовались авторитетомъ; на нихъ смотрѣли съ уваженіемъ и нѣкоторою завистью. Разсказы большею частью оканчивались фразою такого рода: «страсть, сколько его наклали; да куда-жъ ему супротивъ нашихъ!»

Во время нашихъ дѣйствій подъ Ардаганомъ войска заимскаго лагеря три раза производили рекогносцировки къ Карсу со стороны Карадага. Гарнизонъ упорно сидѣлъ въ своихъ прочныхъ фортахъ, и только во время второй рекогносцировки, 4-го мая, турецкіе баши-бузуки вышли въ поле и имѣли столкновеніе съ нашимъ конно-иррегулярнымъ дагестанскимъ полкомъ, при чемъ, къ общему сожалѣнію, смертельно раненъ генералъ князь Челокаевъ.

По прибытіи изъ Ардагана колонны генерала Девеля, рѣшено было блокировать Карсъ со всѣхъ сторонъ. Съ этою цѣлью главные силы корпуса раздѣлены были на два отряда. Для блокады кр. Карса со стороны нашей границы была назначена 39-я дивизія, съ частью кавалеріи, подъ начальствомъ генерала Девеля, которому приказано приблизиться къ Карсу и стать лагеремъ у Мацра.

Отряду же генерала Геймана, въ составъ котораго вошла вся кавказская гренадерская дивизія, 1-й кавказскій саперный баталіонъ и большая часть кавалеріи, приказано блокировать Карсъ со стороны Эрзерума,—для чего этимъ войскамъ нужно было совершить кружное движеніе на Визинъ-кей, Орлокъ, Хаджи-Халиль и Ардостъ, чтобы зайти въ тылъ Карсу; командующій корпусомъ и его штабъ находились при этомъ отрядѣ (17).

Эриванскій полкъ, послѣ двухдневнаго отдыха, опять высту-

пилъ изъ зимскаго лагеря, въ составѣ отряда генерала Геймана. Въ четыре дня отрядъ совершилъ фланговый маршъ около Карса и 18-го мая сталъ лагеремъ на лѣвомъ берегу Карсъ-чая, у селенія большой Тикмы, недалеко отъ эрзерумской дороги. Движеніе къ Тикмѣ совершено въ большомъ порядкѣ, несмотря на неблагопріятную погоду и гористую, плохо разработанную дорогу. Трудень былъ переходъ отъ Визинъ-кея къ Орлоку. Эриванцамъ, слѣдовавшимъ въ арріергардѣ, цѣлый день довелось провести подъ дождемъ и идти по разгрязненной почвѣ, вытаскивая увязавшія въ грязи повозки. По прибытіи же поздно вечеромъ на бивакъ, пришлось разбивать палатки буквально въ лужахъ грязи. Ко всему этому ночью поднялась сильная стужа, отъ которой промокшая одежда заледенѣла; за ночь орлокскія высоты покрылись снѣгомъ, а чрезъ нихъ нашему отряду предстояло двигаться дальше. Съ утра стали пролагать дорогу на Орлокъ и тащить туда людьми артилерію и обозъ. По прибытіи въ Тикму, четвертый баталіонъ, не успѣвъ отдохнуть, тотчасъ былъ назначенъ въ Кюрюкъ-Дара за провіантскимъ транспортомъ. Тѣмъ временемъ, ночью, съ 17-го на 18-е мая, наша кавалерія, слѣдовавшая на одинъ переходъ впереди отряда, напала у Бегли-Ахмета на турецкую кавалерію Кундухова и, послѣ жаркой рукопашной схватки, разсѣяла ее и захватила у нея два горныхъ орудія ([18]).

20-го мая изъ тикминскаго лагеря была произведена рекогносцировка, съ цѣлью выбора мѣста для расположенія колонны генерала Геймана—для дѣйствій на Карсъ съ западной стороны; позиція выбрана у селенія Когалы, куда отрядъ перешелъ 22-го мая, по прибытіи четвертаго баталіона съ провіантомъ. У Когалы войска расположились на возвышенностяхъ, имѣя впереди фронта глубокій оврагъ, а за нимъ высокую гору, которая была занята усиленнымъ наблюдательнымъ постомъ. Правый флангъ нашей позиціи у Когалы былъ приведенъ въ оборонительное положеніе: на немъ построены укрѣпленія полевой профили—для полка пѣхоты и батареи; въ тоже время разработана дорога къ селенію Аравартану, лежащему на сѣверъ отъ Карса. По окончаніи означенныхъ работъ, на позиціи у Когалы оставленъ тифлисскій полкъ съ батареею, для бло-

кированія Карса съ западной его стороны; остальныя же войска, въ томъ числѣ и эриванскій полкъ, передвинуты къ Аравартану. Здѣсь отрядъ расположился въ глубокомъ ущельи, имѣя передъ своимъ фронтомъ высокія горы весьма съ крутыми подъемами. На вершинахъ этихъ горъ, отстоящихъ отъ лагеря на близкій орудійный выстрѣлъ, были выставлены наши сторожевые посты. Съ занятіемъ Аравартана отрядъ генерала Геймана вошелъ въ связь съ отрядомъ генерала Девеля, расположеннымъ у селенія Мацра; туда же былъ проведенъ походный телеграфъ, и разработана дорога. Разстояніе, раздѣляющее Аравартанъ отъ Мацра, равнялось небольшому переходу. Такимъ образомъ, отрядъ генерала Геймана, пролагая себѣ дорогу, совершилъ почти кругъ около Карса.

На аравартанской позиціи полкъ, въ рядахъ отряда, имѣлъ счастіе представиться Его Высочеству Главнокомандующему арміею. Ставка Его Высочества находилась у Мацра, а потому, по осмотрѣ войскъ и позиціи на Аравартанѣ, Главнокомандующій, вмѣстѣ съ командующимъ корпусомъ и его штабомъ, изволилъ отбыть въ мацрипскій лагерь. Въ тоже время рѣшено было бомбардировать карадагскія, чахмахскія и шорахскія укрѣпленія.

28-го мая, генералъ Геймапъ и командующій дивизіею генералъ Комаровъ произвели рекогносцировку къ Шораху подъ прикрытіемъ втораго и третьяго баталіоновъ эриванскаго полка.

Для этой цѣли еще ночью были высланы охотники отъ эриванскаго и мингрельскаго полковъ, подъ общимъ начальствомъ капитана Шкабича, для занятія Верблюжьей горы, находившейся на орудійный выстрѣлъ отъ фортовъ Шораха. Охотники съ успѣхомъ исполнили это опасное предпріятіе. Они въ темную ночь, соблюдая строжайшую тишину и безмолвіе, имѣя вожаками фельдфебеля охотничьей команды Дерепалку и рядоваго Моргунова, до разсвѣта заняли Верблюжью гору и, укрывшись за ея неровностями, оставались на ней незамѣченными турками до прибытія туда сводныхъ ротъ, составленныхъ изъ лучшихъ стрѣлковъ втораго и третьяго баталіоновъ. Сводными ротами, по вызову, командовали: капитанъ Теріевъ и поручикъ Алексѣевъ. Остальныя роты тѣхъ же баталіоновъ, по распоряженію генерала Геймана, оставлены впереди деревни

Чивтликъ, въ скрытномъ мѣстѣ, чтобы не подвергать ихъ дѣйствію непріятельскаго огня: но, не менѣе того, турки съ форта Лазъ-тепеси обстрѣливали ихъ навѣснымъ орудійнымъ огнемъ.

Со сводными ротами прибыли на Верблюжью гору генералы Геймань и Комаровъ, вмѣстѣ съ артилерійскими и саперными офицерами—для выбора мѣстъ подъ батареи. При занятіи вышеупомянутой горы сводными ротами, турки ее сильно обстрѣливали огнемъ артилеріи; въ особенности они участили свои выстрѣлы, когда рекогносцирующія войска стали отступать. Одновременно съ тѣмъ, часть турецкой пѣхоты, выйдя изъ укрѣпленій, завязала перестрѣлку и стала насѣдать на охотниковъ и стрѣлковъ. Но вскорѣ отборные стрѣлки дали себя почувствовать непріятелю, и онъ сталъ держаться приличной дистанціи. При этомъ случаѣ ранено 6-ть эриванцевъ. Открытая рекогносцировка генерала Геймана на Верблюжью гору указала туркамъ, что эта гора, будучи занята нашими батареями, можетъ ихъ сильно тревожить на Шорахѣ, а потому они въ ту же ночь постарались ее укрѣпить своими батареями и окружили ее траншеями.

Къ 1-му іюня осадный паркъ былъ придвинутъ частью къ Мацра, частью къ Аравартану. Осадныя батареи предположено было заложить въ ночь съ 2-го на 3-е іюня, съ такимъ расчетомъ, чтобы отрядъ генерала Геймана въ теченіе ночи устроилъ и вооружилъ 6-ть батарей осадными орудіями, а отрядъ генерала Девеля 17-ть батарей. Всѣ двадцать три батареи должны были открыть канонаду одновременно, утромъ 3-го іюня.

Подъ обаяніемъ ардаганской побѣды, на военномъ совѣтѣ рѣшено: батареями громить чахмахскія и шорахскія укрѣпленія до четырехъ часовъ пополудни 3-го іюня, а въ четыре часа, когда батареи подготовятъ атаку, предположено: кавказскою гренадерскою дивизіею штурмовать шорахскія, а 39-ю дивизіею—чахмахскія укрѣпленія. На шорахскихъ горахъ расположены три форта: Тохмасъ, Тихъ и Лазъ-тепеси. Фортъ Тохмасъ—четырехсторонняя крѣпостца, вѣнчаетъ самую высшую точку въ группѣ шорахскихъ горъ и командуетъ надъ всѣми остальными укрѣпленіями Карса. Здѣсь инженерное искусство сдѣлало все, что только могла выработ-

тать современная наука. Тохмасъ имѣлъ три обороны: 1-я—звѣздообразной фигуры гласисъ съ банкетомъ для стрѣлковъ, 2-я—земляной валъ въ тридцать футъ толщины и тридцать высоты и 3-я—въ серединѣ его казематированная казарма или редюитъ съ двухъярусным огнемъ. Между гласисомъ и валомъ большею частью выдолбленъ въ скалѣ глубокій, въ 18-ть футъ, ровъ, съ двумя равелинами. Ширина рва передъ фасами наверху 50-ть футъ, эскарпы одежды не имѣли. Вооруженіе Тохмаса составляли 17-ть орудій и 10-ть мортиръ; изъ нихъ три полупудовыхъ стояли на плоской крышѣ казармы. Въ укрѣпленіи былъ пороховой погребъ. Передъ переднимъ фасомъ заложены три каменометныхъ фугаса. Фортъ Тихъ-тепеси имѣлъ центральное положеніе на шорахскихъ высотахъ. На немъ было семь орудій и столько же мортиръ; впереди его гласиса былъ заложенъ фугасъ. Кромѣ того, правый флангъ Тихъ-тепеси прикрытъ выдвинутымъ впередъ люнетомъ; отъ этого люнета тянулась каменная траншея къ Лазъ-тепеси. Лазъ, называемый турками Чахмахъ, имѣлъ сильную оборону съ фронта: онъ состоялъ изъ трехъ, рядомъ расположенныхъ, неправильныхъ люнетовъ, соединенныхъ общимъ прикрытымъ путемъ съ гласисомъ. Валы имѣли отъ 11-ти до 32-хъ футъ высоты и отъ 31-го до 33-хъ футъ толщины. Горжа его упиралась въ небольшой обрывъ. Это единственное мѣсто, откуда представлялась возможность вести атаку, но и то ночью, такъ какъ пространство передъ горжею днемъ обстрѣливалось перекрестнымъ прицѣльнымъ огнемъ съ трехъ укрѣпленій.

Стало быть, во время дня, войска, ранѣе чѣмъ могли бы явиться сюда, были бы разстрѣляны. Ночью же, подъ прикрытіемъ темноты, отсюда доступы были возможны. Оборону его составляли 13 орудій и 8 мортиръ. Подступы къ фортамъ почти не имѣютъ мертвыхъ пространствъ, неподверженныхъ настильному огню. Подъемъ на шорахскія высоты чрезвычайно труденъ по своей продолжительности и крутизнѣ;—каково же взбираться на него подъ перекрестнымъ огнемъ.

Шорахскія горы имѣютъ видъ дикій, мрачный, какъ будто обожженный. Такая сумрачная, зловѣщая внѣшность невольно наводитъ страхъ и уныніе.

Безспорно, Шорахъ есть главный нервъ Карса, поэтому турки, а въ особенности англичане, еще въ 1855-мъ году обратили на него серьезное вниманіе и сдѣлали все для его недоступности. Непріятель желалъ, чтобы мы вели на него атаку. Вслѣдствіе расположенія нашего у Аравартана, вниманіе турокъ было приковано къ Шораху. Комендантъ, для усиленія обороны верковъ, высылалъ на ночь даже горожанъ. Турки вѣрили въ неприступность Шораха; они съ гордостью вспоминали кампанію 1855-го года, когда нашъ упорный штурмъ былъ ими отбитъ съ большимъ для насъ урономъ. Кромѣ того, они знали, что въ данномъ случаѣ шорахскія укрѣпленія имѣютъ профиль несравненно сильнѣе прежнихъ, рвы глубже и шире, вооруженіе вдвое лучше, чѣмъ въ прошлую кампанію. Нѣтъ сомнѣнія, что наши войска, не щадя жизни, свято исполнили бы свой долгъ и геройски штурмовали бы эти неприступные форты; но является сомнѣніе: этотъ героизмъ достигъ ли бы желанной цѣли? Тутъ нужно было побѣдить природу и искусство, помимо защиты!

Какъ бы ни была тягуча сила человѣка, какимъ бы онъ не обладалъ мужествомъ, но есть тому и другому предѣлы. Въ этомъ и состоитъ задача—уловить предѣльную точку, дальше которой идти нельзя.

Эриванскому полку предназначалось взять фортъ Лазъ-тепеси. Согласно диспозиціи по главнымъ силамъ корпуса, полкъ сталъ готовиться къ этой рѣшительной, далеко неравной борьбѣ. Шансовъ на успѣхъ у насъ не было. Офицеры сознавали, что, при самомъ счастливомъ для насъ оборотѣ штурма, многимъ и многимъ прійдется лечь, прежде чѣмъ мы достигнемъ верковъ. Въ этотъ памятный для кавказской гренадерской дивизіи день офицеры писали прощальныя письма къ семействамъ и роднымъ.

Но вдругъ, погода быстро стала измѣняться: все грознѣе и грознѣе надвигались тучи; поднялась страшная гроза; нѣсколько ударовъ молніи послѣдовало вблизи лагеря; около полудня полилъ сильный дождь и не переставалъ до самой ночи. Однако безстрашный генералъ Геймашъ, съ наступленіемъ сумерокъ, двинулся изъ лагеря къ мѣстамъ заложенія батарей. Дорога пролегала по лѣвому берегу р. Аравартанки и, пройдя деревню Чивтликъ, сворачивала

на правый берегъ, на возвышенностяхъ котораго были опредѣлены пункты для батарей. Эриванскій полкъ наступалъ въ головѣ колонны. Дорога была размыта дождемъ и сильно разгрязнена, такъ что командующій дивизіею приказалъ полкамъ держаться нѣсколько лѣвѣе, гдѣ мѣстность не была настолько залита водою. Головная часть эриванскаго полка, а за ней и вся колонна, въ темнотѣ ночи значительно удалилась влѣво и прошла деревню Чивтликъ.

Между тѣмъ, генералъ Гейманъ, опередивъ авангардъ и подъѣхавъ къ избраннымъ мѣстамъ для заложенія батарей, пріостановился въ ожиданіи эриванцевъ; но такъ какъ прошло минутъ десять, а головная часть не показывалась, то онъ, не зная причины замедленія, послалъ нѣсколькихъ адъютантовъ съ приказаніемъ поторопить эриванцевъ. Когда же эриванцы были направлены адъютантами къ деревнѣ Чивтлику и уже подходили къ ней, въ это время прибылъ казакъ изъ лагеря съ телеграммою отъ генерала Девеля, который увѣдомлялъ, что онъ, по случаю сильной грязи, возвратился въ лагерь, такъ какъ осадная артилерія не можетъ быть подвезена къ батареямъ.

Результатомъ этого извѣстія было то, что Гейманъ, послѣ нѣкотораго колебанія, повернулъ войска кругомъ и направилъ ихъ обратно въ лагерь.

И такъ, не сбейся головная часть эриванцевъ съ дороги и начни работы до полученія телеграммы, то навѣрное генералъ Гейманъ не отступилъ бы. Тутъ нельзя не видѣть какого-то особаго предопредѣленія. При возвращеніи, эриванцы встрѣтили тяжеловѣсную осадную артилерію не болѣе какъ въ полуверстѣ отъ лагеря, завязшую въ грязи. Уже было около полуночи.

На слѣдующій день, когда прояснилось, эриванцы, обсохнувъ и согрѣвшись на солнцѣ, спали послѣ обѣда глубочайшимъ сномъ. Конюхи, пасшіе лошадей вокругъ лагеря, тоже спали. Вдругъ, около двухъ часовъ пополудни, раздалось повсюду: «посмотрите, турки, турки наступаютъ на нашъ лагерь.» Не можетъ быть, думалось каждому, кто находился въ палаткѣ. Неужели они посмѣютъ. . . среди бѣлаго дня. . . невольно срывалось съ языка. Однако, выйдя изъ палатки, каждый убѣждался, что вдали дѣйстви-

тельно непріятель подвигался въ нашу сторону. Занявъ аравартанскія высоты, онъ поднялъ туда нѣсколько легкихъ орудій и открылъ учащенный огонь по нашему лагерю, а въ особенности сильно обстрѣливалъ артилерійскій паркъ; но, благодаря необыкновенному счастью, всѣ снаряды его или переносило, или не допосило. Нѣкоторые же изъ удальцовъ уже стали спускаться въ ущелье и открыли ружейный огонь, при чемъ успѣли захватить нѣсколько пасшихся лошадей и часть маркитантскаго скота.

Генералъ Гейманъ, выйдя изъ палатки, сдѣлалъ слѣдующія распоряженія: приказалъ своему ординарцу скакать въ кавалерійскій лагерь, расположенный по дорогѣ къ Когалы, и велѣть кавалеріи и тифлисскому полку, не мѣшкая ни минуты, зайти туркамъ въ тылъ. Въ тоже время онъ приказалъ командиру эриванскаго полка и лично передалъ начальнику охотничьей команды капитану Шкабичу, чтобы онъ, съ охотниками, имѣя въ поддержкѣ роту, завязалъ бы съ турками перестрѣлку и удерживалъ ихъ на горахъ; остальныя же части полка должны были оставаться на мѣстѣ. Затѣмъ, генералъ совершенно спокойно смотрѣлъ на усиливавшуюся стрѣльбу турокъ. Эриванцы, не зная его распоряженій, съ недоумѣніемъ спрашивали другъ друга: чего мы ждемъ? Развѣ горсть охотниковъ и одна рота могутъ отбросить такія значительныя силы противника? Эриванцы рвались въ бой, но приказаніе обязывало не трогаться. Впослѣдствіи, когда выяснился планъ Геймана, эриванцы вполнѣ увѣровали въ его боевую находчивость.

Между тѣмъ, дежурныя части грузинскаго полка, по тревогѣ, быстро бросились на смѣло наступавшаго противника, остановили его мѣткимъ своимъ огнемъ, а затѣмъ лихо кинулись на него въ атаку. Въ тоже время охотники эриванскаго полка, подъ начальствомъ капитана Шкабича и поручика Карамзина, имѣя въ ближайшей поддержкѣ четвертую стрѣлковую роту, незамѣтно и быстро пробирались на вершину, куда также поспѣшалъ и лѣвый флангъ турокъ. Отбросивъ ихъ отъ вершины, охотники открыли имъ во флангъ и вдоль ихъ цѣпи учащенный мѣткій огонь. Турки, тѣснимые съ фронта грузинцами и сильно поражаемые во флангъ охотниками, стали постепенно очищать возвышенности. Въ этотъ мо-

ментъ показались наши драгуны—сѣверцы. Они неслись въ тылъ съ лѣваго фланга противника, который въ эту минуту охотники осыпали съ близкихъ дистанцій мѣткимъ огнемъ. Лишь только турки замѣтили, что ихъ обскакиваетъ кавалерія, какъ тотчасъ пустились бѣжать врассыпную къ шорахскимъ укрѣпленіямъ. Всетаки драгуны успѣли настигнуть ихъ хвостъ и рубили его вплоть до подъема къ веркамъ, откуда гарнизонъ давно уже открылъ артилерійскій огонь, а нѣсколько таборовъ, съ распущенными знаменами, занявъ Верблюжью гору, открыли оттуда учащенный огонь по сѣверцамъ.

Одновременно съ сѣверцами, правый флангъ охотничьей команды, ближайшій къ драгунамъ, вмѣстѣ съ ними устремился и преслѣдовалъ бѣгущихъ; при этомъ, рядовой Моргуновъ, настигнувъ нѣсколько человѣкъ турокъ, какъ богатырь, безъ страха, бросился на нихъ и сталъ работать штыкомъ; но, въ пылу рукопашной схватки, непріятельская пуля поразила его въ грудь. Онъ на другой день умеръ, оставивъ по себѣ доблестную славу въ полку.

Дерзкій планъ турокъ могъ быть задуманъ и приведенъ въ исполненіе только благодаря нашей безпечности, которая выразилась въ слѣдующемъ: во время нашего движенія для заложенія батарей, аванпостная казачья цѣпь была снята, и затѣмъ, по возвращеніи войскъ въ лагерь, болѣе не выставлялась, такъ какъ сотни, бывшія на аванпостахъ, полагали, что онѣ свою очередь отбыли, а начальство ихъ и аванпостное полагало, что прежняя цѣпь займетъ аванпосты. Вслѣдствіе всего этого упустили сдѣлать нарядъ. Такимъ образомъ, нашъ отрядъ съ полуночи и до двухъ часовъ дня оставался безъ охраны. Очевидно, турки, узнавъ объ этомъ отъ жителей деревни Чивтликъ, рѣшились врасплохъ напасть на нашъ лагерь. Это было для нихъ тѣмъ легче, что они знали характеръ мѣстности впереди нашего лагеря, предоставлявшей имъ всѣ преимущества, а именно: съ аравартанскихъ высотъ легкими орудіями удобно обстрѣливается все ущелье, гдѣ былъ сгрупированъ нашъ лагерь.

Положимъ, на этотъ разъ попытка турокъ нанести намъ вредъ окончилась для нихъ полнымъ пораженіемъ; но, при болѣе устой-

чивомъ непріятелѣ и при большей его численности, пришлось бы дорого поплатиться за такого рода безпечность. Въ вылазкѣ принимали прямое участіе четыре табора, а также часть жителей и жительницъ Карса и деревни Чивлика. По показанію дезертировъ, сражавшіеся таборы настолько были разстроены, что горсть уцѣлѣвшихъ людей пришлось разбить по другимъ таборамъ. На другой день битвы насчитано 105 непріятельскихъ тѣлъ до линіи нашихъ аванпостовъ. Въ числѣ убитыхъ находились двѣ женщины. Наша потеря: убито 11-ть нижнихъ чиновъ, ранено 108-мь, безъ вѣсти пропалъ одинъ. Въ этомъ числѣ эриванскаго полка убитъ одинъ и ранено девять.

За распорядительность и мужество, выказанныя капитаномъ Шкабичемъ при отраженіи лѣваго фланга противника, онъ удостоился получить золотое оружіе.

ГЛАВА IV.

Первый походъ за Соганлугъ. Участіе полка въ зивинскомъ дѣлѣ 13-го іюня. Отступленіе отъ Зивина къ Мацра. Траншейная служба подъ Карсомъ. Полковой праздникъ. Отступленіе къ Кюрюкъ-Дара.

Послѣ аравартаяской битвы планъ нашихъ дѣйствій подъ Карсомъ пришлось измѣнить. Главнокомандующій анатолійскою арміею Мухтаръ-паша успѣлъ къ этому времени сформировать два корпуса, и съ однимъ изъ нихъ открылъ наступательныя дѣйствія противъ малочисленнаго нашего эриванскаго отряда, который, подъ начальствомъ генерала Тергукасова, занявъ 18-го апрѣля, безъ боя, Баязетъ, смѣло углубился внутрь непріятельской страны, по направленію къ Эрзеруму. Главнымъ поводомъ къ этому движенію послужила телеграмма отъ 30-го мая, въ которой генералу Тергукасову было предложено, чтобы, въ виду предстоявшаго открытія бомбардированія карскихъ укрѣпленій, онъ производилъ бы активныя энергическія демонстраціи противъ непріятеля, сосредоточеннаго на Соганлугѣ,

чтобы воспрепятствовать ему спуститься къ Карсу. Другой турецкій корпусъ, подъ начальствомъ Измаилъ-паши, укрѣпился на зивинской позиціи.

Одновременно съ этимъ, сынъ бывшаго предводителя кавказскихъ горцевъ, Шамиля, Кази-Магома, собравъ въ Курдистанѣ огромныя шайки, осадилъ нашъ незначительный гарнизонъ въ Баязетѣ и угрожалъ тылу эриванскаго отряда.

Въ виду всего вышеизложеннаго, рѣшено было: мацринскимъ отрядомъ генерала Девеля продолжать осаду и бомбардированіе Карса, а отряду генерала Геймана двинуться за Соганлугъ, атаковать зивинскую позицію и, въ случаѣ удачи, занять Кепри-кей, чтобы такимъ образомъ стать въ тылъ корпусу Мухтаръ-паши. Кромѣ того, движеніемъ за Соганлугъ полагали лишить карскій гарнизонъ послѣдней надежды на подкрѣпленіе извнѣ. Между тѣмъ, происшедшія битвы на Драмъ-дагѣ 4-го іюня и на Даярѣ 9-го іюня хотя и покрыли славою войска эриванскаго отряда, но обнаружили, что непріятель располагаетъ огромными силами, и незначительному отряду генерала Тергукасова бороться съ ними, безъ поддержки, въ высшей степени затруднительно. 9-го іюня, согласно предвзятому плану, генералъ Гейманъ, съ облегченнымъ обозомъ, выступилъ за Соганлугъ. При этомъ отрядѣ находился командующій корпусомъ, съ частью своего штаба. Въ день выступленія погода стояла сѣренькая. Эриванскій полкъ шелъ въ арріергардѣ; пройдя фланговымъ маршемъ около Карса, онъ расположился на ночь у селенія большаго Катаплы, на правомъ берегу Карсъ-чая, на луговинѣ, орошаемой напускною водою. На слѣдующій день эриванскій полкъ, наступая въ головѣ колонны, заведенъ былъ въ трясину, изъ которой два съ половиною часа вытаскивали 2-ю батарею кавказской гренадерской бригады, съ ея лучшими лошадьми. Между тѣмъ оказалось, что вправо и влѣво отъ трясины пролегали сухія, хорошія дороги. При дальнѣйшемъ движеніи, голова колонны, имѣя проводниками турокъ, сдѣлала кружное движеніе, удлинявшее путь на нѣсколько верстъ. Въ сумеркахъ только отрядъ достигъ Сарыкамыша и расположился у подножія соганлугскихъ горъ, въ сосновой рощѣ. Ночь стояла тихая, костры пылали тысячами. Эриванцамъ

ГУБЛ. БИБЛ. имени В. И. ЛЕНИНА С. С. С. Р.

сосновый лѣсъ напомнилъ ихъ роскошную штабъ-квартиру Манглисъ, съ чуднымъ, здоровымъ климатомъ. Вообще, настроеніе гренадеръ было великолѣпное. Съ такими войсками можно было сдѣлать чудеса. Движеніе къ Зивину имѣло видъ торжественнаго праздничнаго шествія. Музыка и пѣсни въ полкахъ не умолкали: эриванцы иначе не проходили возлѣ командующаго корпусомъ, какъ только подъ звуки славянскаго марша.

Съ утра, 11-го іюня, отрядъ, пройдя осетинскую деревню Сарыкамышъ, сталъ подыматься на согаплугскія горы, по дорогѣ къ уроч. Мелидюзъ и далѣе къ Меджингерту.

По этому пути въ 1828 году графъ Паскевичъ побѣдоносно двигался къ Эрзеруму. Дорога эта весьма плохая, подъемы чрезвычайно круты, такъ что саперный баталіонъ и вызванныя впередъ рабочія команды отъ полковъ разработывали дорогу по мѣрѣ движенія впередъ; но, несмотря на это, орудія и парковые ящики приходилось поднимать въ гору при помощи людей. Притомъ, по-временамъ шелъ дождикъ, разгрязнилъ почву; это еще болѣе затрудняло и замедляло движеніе. Къ ночи только голова колонны успѣла прибыть на меджингертскую позицію; остальныя войска и обозы заночевали на пути слѣдованія, на протяженіи нѣсколькихъ верстъ.

На слѣдующій день, 12-го іюня, предполагалось выступленіе къ Зивину сначала въ девять часовъ утра, потомъ въ одиннадцать и наконецъ—въ три часа пополудни. Въ результатѣ же оказалось, что наступленіе отложено до слѣдующаго дня, такъ какъ грузинскій полкъ, слѣдовавшій въ арріергардѣ, прибылъ къ Меджингерту только къ вечеру. Съ Меджингерта замѣчены были два турецкихъ лагеря у Дели-Баба, изъ корпуса Мухтара, оперировавшаго противъ отряда генерала Тергукасова. Извѣстій изъ отряда генерала Тергукасова мы не имѣли никакихъ. Лазутчики же и жители сбивчиво разсказывали о большомъ сраженіи, происшедшемъ между корпусомъ Мухтара и эриванскимъ отрядомъ; но какой результатъ былъ этого сраженія—они не могли объяснить или объясняли весьма разнорѣчиво.

Наши войска и начальники горѣли нетерпѣніемъ скорѣе сра-

ПЛАНЪ
ЗИВИНСКАГО СРАЖЕНІЯ 13го ІЮНЯ

ИЗЪЯСНЕНІЕ ЗНАКОВЪ

Руск.
- Турки
- Эриванскій п.
- Проч. войска

зиться съ корпусомъ Измаилъ-паши и подать руку помощи эриванскому отряду. По диспозиціи, слѣдовало у Мелидюза устроить вагенбургъ подъ прикрытіемъ восьми ротъ и одной батареи—куда свезти всѣ тяжести. Остальнымъ же войскамъ отряда, въ томъ числѣ и эриванскому полку, предназначалось, на 13-е іюня, подняться до разсвѣта и тронуться въ три часа утра къ Зивину.

Дорога чрезъ глубокій меджингертскій оврагъ хотя и была накануѣ разработана, но всетаки артилерію пришлось втаскивать на гору съ припряжкою выносовъ и съ помощью людей,—что чрезвычайно замедляло движеніе. Къ полудню, отрядъ, безъ обоза и артилерійскаго парка, едва успѣлъ сосредоточиться на высотахъ Дава-Боины. Здѣсь войскамъ данъ привалъ. Въ этотъ день погода стояла ясная, на небѣ ни одной тучки; солнце жгло нестерпимо. Солдаты, несмотря на сильную усталость отъ труднаго подъема, мучимые жаждою, разбрелись съ котелками, розыскивая воду; нѣкоторые спускались версты на двѣ, на три въ ущелья и возвращались большею частью безъ воды, облитые потомъ. Закуска солдата—сухой сухарь и кусокъ вареная мяса съ солью еще больше усиливали жажду и разслабленіе.

Командующій корпусомъ, со штабомъ, остановился на отдѣльной высотѣ. Отсюда простымъ глазомъ были видны линіи непріятельскихъ укрѣпленій и два лагеря, изъ которыхъ одинъ былъ расположенъ на лѣсистой вершинѣ, а другой, большой, у ея подошвы. Вглядѣвшись въ непріятельскую позицію, всякій предрѣшалъ, что подступы къ ней гораздо удобнѣе и доступнѣе съ праваго нашего фланга. Но тутъ у каждаго изъ насъ невольно являлась коварная мысль, что, дѣйствуя на лѣво-фланговыя укрѣпленія противника, мы предоставляемъ ему возможность бѣжать, и что турки, не дождавшись нашей атаки, непремѣнно отступятъ. Такое самообольщеніе и увѣренность въ своей силѣ обуяли всѣхъ, начиная отъ солдата до генерала, и подозрѣнія паши относительно бѣгства турокъ становились тѣмъ крѣпче, что, по свѣдѣніямъ, у нихъ считали на зивинской позиціи всего лишь до шести таборовъ. Мы же располагали пятнадцатью баталіонами, сорока шестью пѣшими и конными орудіями, восемью эскадронами и тридцатью четырмя сотнями. На ос-

нованіи такого рода соображеній и собранныхъ свѣдѣній, рѣшено было—безъ предварительной рекогносцировки вести войска прямо на штурмъ въ концѣ этого же дня. Въ силу такого рѣшенія, начальнику кавалеріи приказано, со всею кавалеріею, зайти въ тылъ праваго фланга противника, въ тоже время мингрельскій полкъ долженъ былъ съ фронта штурмовать право-фланговыя укрѣпленія Арабъ-тепе. Главной колоннѣ, въ составѣ трехъ баталіоновъ грузинцевъ, всего тифлисскаго полка, роты саперъ и двухъ легкихъ батарей, подъ начальствомъ командующаго гренадерскою дивизіею генерала Комарова, приказано штурмовать центральныя укрѣпленія. Детали этой диспозиціи энергично переданы генераломъ Гейманомъ полковымъ и баталіоннымъ командирамъ, собраннымъ на высоту. Эриванскому же полку велѣно, оставаясь въ резервѣ на высотѣ Дава-Бояны, прикрывать три девяти-фунтовыя батареи, которыя должны были огнемъ своимъ подготовить атаку штурмующимъ колоннамъ.

Лишь только наши войска тронулись съ мѣста, какъ турки открыли артилерійскій огонь. Это было около двухъ часовъ пополудни. Съ самаго начала, наши двѣ четырехъ-фунтовыя батареи выѣхали на позицію, но ихъ снаряды далеко не долетали до линіи непріятельскихъ укрѣпленій. Эти батареи стали перемѣнять позицію. Между тѣмъ, батарейные командиры девяти-фунтовыхъ батарей, выбравъ позицію, стали вывозить на нее орудія подъ огнемъ непріятельскихъ батарей и затѣмъ, вступили съ ними въ состязаніе. Эриванскій полкъ расположился на флангахъ и нѣсколько сзади этихъ батарей. Такимъ образомъ, на правомъ флангѣ стали въ ротныхъ колоннахъ 4-й и 2-й баталіоны, а на лѣвомъ—3-й и 1-й. Эриванцы, не принимая прямаго участія въ дѣлѣ 13-го іюня, лишь съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдили за ходомъ боя,—и вотъ, какъ о немъ разсказываютъ очевидцы:

По мѣрѣ того, какъ грузинцы спускались и поднимались на правый берегъ зивинскаго оврага, турки все сильнѣе и сильнѣе развивали ружейный огонь. За грузинцами, въ баталіонныхъ колоннахъ, двигался тифлисскій полкъ въ сферѣ артилерійскаго и отчасти ружейнаго огня. Грузинцы, не взирая на страшную крутиз-

ну подъема, безостановочно лѣзли въ гору. Турки открыли адскій огонь; десятки тысячъ пуль осыпали атакующихъ ежеминутно, но они, предводимые своимъ отважнымъ командиромъ полковникомъ Рыдзевскимъ и имѣя во главѣ офицеровъ, достигли первой линіи ретраншаментовъ и вытѣснили оттуда турокъ.

Правѣе деревни Зивина выдвинулись на высоту въ колоннахъ тифлисцы и взводъ 6-й батареи. Насталъ ужасный періодъ боя. Въ нѣсколько секундъ были перебиты артилерійскія лошади и прислуга. Тифлисцы, встрѣченные почти въ упоръ безпрерывными залпами, подверглись разстрѣлу. Въ этотъ моментъ раненъ командующій дивизіею генералъ Комаровъ и большая часть окружавшихъ его лицъ. Тифлисцы должны были прилечь за гребнемъ возвышенности.

Въ центрѣ, по занятіи передовыхъ окоповъ, оказался впереди атакующихъ глубокій оврагъ, съ особенно крутыми скатами, за которымъ еще грознѣе, еще недоступнѣе высилась вторая линія укрѣпленій. Подступы къ ней еще болѣе подвержены были перекрестному обстрѣлу. Это неожиданное, почти неодолимое препятствіе озадачило, но не остановило штурмующихъ. Они напрягаютъ послѣднія силы, подпираясь ружьями, карабкаются на эту стѣну. Здѣсь завязывается послѣдній, ожесточенный періодъ боя. Находясь отъ траншей въ разстояніи 50—100 шаговъ, грузинцы и тифлисцы неоднократно, одушевляемые своими командирами, геройски бросаются на траншеи и главный редутъ, съ батареею, Топъ-дагъ, расположенный на холмѣ, но всѣ эти атаки только увеличиваютъ число жертвъ. Взять центральныя укрѣпленія съ фронта, а въ особенности редутъ, было выше человѣческихъ силъ.

Мингрельцы съ такою же настойчивостью штурмовали правофланговыя укрѣпленія и также, взявъ съ боя передніе окопы и засѣки, остановились передъ второю линіею траншей и редутовъ. Что же касается до нашей артилеріи, то она не могла принять дѣятельнаго участія въ атакѣ зивинской позиціи, по причинѣ полной недоступности для нея мѣстности, ближайшей къ этой позиціи. Три девяти-фунтовыя батареи все время стрѣляли съ разстоянія около 1700 саженей. Недолго пришлось и эриванскому полку простоять

на мѣстѣ: третій, а затѣмъ первый баталіоны получили приказаніе отъ генерала Геймана—прикрыть 4-ю батарею, выдвинутую противъ право-фланговыхъ укрѣпленій и составить резервъ мингрельцамъ; послѣ нихъ, 2-й и 4-й баталіоны, по волѣ командующаго корпусомъ, двинуты впередъ, подъ начальствомъ подполковника Микеладзе, съ цѣлью поддержать атаку грузинцевъ справа. Командующій корпусомъ, посылая 2-й и 4-й баталіоны, не зналъ, что 1-й и 3-й баталіоны уже двинуты на лѣвый флангъ битвы. Когда же ему было доложено объ этомъ командиромъ полка полковникомъ Толстымъ и о томъ, что девяти-фунтовыя батареи остались безъ прикрытія, то онъ тотчасъ послалъ приказаніе подполковнику Микеладзе—ни подъ какимъ предлогомъ не вступать въ дѣло, а прикрывать нашъ правый флангъ. Приказаніе это застало баталіоны уже въ ханычайскомъ ущельи, въ сферѣ дальняго ружейнаго огня. Микеладзе безотлагательно исполнилъ приказаніе: остановился и укрылъ роты за закрытіе, но уже одна изъ шальныхъ пуль сильно ранила въ ногу поручика Барабашева 2-го. Въ это время отъ командира грузинскаго полка полковника Рыдзевскаго прискакалъ ординарецъ съ убѣдительнѣйшею просьбою—поддержать штурмующую колонну справа. Подполковникъ Микеладзе, видя, что часть турецкой пѣхоты и спѣшенной кавалеріи зашла во флангъ грузинцамъ, а часть ихъ кавалеріи собирается ударить во флангъ штурмующимъ, вынужденнымъ нашелся выдвинуть впередъ охотничью команду и 2-ю стрѣлковую роту для занятія гребня, съ котораго турки поражали грузинцевъ сильнымъ продольнымъ огнемъ. Лишь только охотники и стрѣлковая рота, подъ начальствомъ капитана Шкабича, двинулись черезъ рѣчку Ханы-чай, вправо отъ эрзерумской дороги, на возвышенность, какъ турки обратили весь свой огонь на нихъ, но отборные молодцы охотники и стрѣлки бѣгомъ пробѣжали сферу адскаго огня и, приподнявшись на высоту, въ свою очередь открыли бѣглый и мѣткій огонь и заставили непріятеля укрыться въ траншеяхъ ([19]).

Уже вечерѣло. Маіоръ князь Путятинъ, испросивъ разрѣшеніе у подполковника Микеладзе, двинулъ на поддержку капитана Шкабича 4-ю роту, съ которою и самъ отправился на гребень. Здѣсь

произошелъ слѣдующій случай, нелишенный интереса: когда наши оттѣснили турокъ и заняли гребень, то изъ глубины оврага внятно стали долетать стоны нашихъ раненыхъ. Объ этомъ доложили князю Путятину, прибывшему въ цѣпь. Онъ вызвалъ охотниковъ изъ стрѣлковъ и команды Шкабича и вмѣстѣ съ ними бросился въ оврагъ спасать раненыхъ. Благодаря наступившей темнотѣ, это рискованное предпріятіе увѣнчалось успѣхомъ, и раненые были спасены. Тѣмъ, кто могъ идти, былъ указанъ путь отступленія, а тяжело раненые вынесены изъ оврага. Князь Путятинъ свидѣтельствуетъ, что на это отважное предпріятіе первымъ бросился портупей-юнкеръ Арди-швили и увлекъ съ собою своихъ солдатъ.

Что касается до перваго и третьяго баталіоновъ, то дѣятельность ихъ была слѣдующая: генералъ Гейманъ, двинувъ эти баталіоны къ 4-й батареѣ, прибылъ и самъ на ея позицію. Здѣсь, убѣдившись, что для прикрытія батареи и на случай поддержанія лѣваго фланга достаточно одного баталіона, онъ приказалъ маіору Меликову, съ третьимъ баталіономъ, направиться вверхъ по зивинскому оврагу и, пройдя деревню Зивинъ, составить резервъ грузинцамъ. Генералъ Гейманъ, отдавая это приказаніе, не зналъ, что, по распоряженію корпуснаго командира, двинуты туда два баталіона, второй и четвертый. Въ тоже время генералъ Гейманъ послалъ полковаго инструктора штабсъ-капитана Савоніуса узнать, въ какомъ положеніи находится битва на возвышенностяхъ, занятыхъ грузинцами. Пока Савоніусъ скакалъ, командиръ 2-й роты штабсъ-капитанъ Мирзоевъ, подъ артилерійскими снарядами и изрѣдка падавшими пулями, вскипятилъ походный чайникъ и угостилъ Геймана чаемъ.

Савоніусъ привезъ слѣдующее донесеніе: грузинцы упорно держатся передъ второю линіею укрѣпленій, но далѣе проникнуть не могутъ. Генералъ Гейманъ, выслушавъ донесеніе, сказалъ: «хорошо; завтра я беру эриванскій полкъ, выбиваю ихъ изъ остальныхъ укрѣпленій, становлюсь къ нимъ лицомъ; тогда посмотримъ, что они сдѣлаютъ».

Однако, столь рискованному преднамѣренію не суждено было осуществиться: командующій корпусомъ, получивъ свѣдѣнія о гро-

мадной нашей убыли и усмотрѣвъ изъ хода сраженія, что зивинская позиція была занята непріятелемъ численностью не менѣе 15,000 человѣкъ, рѣшилъ, съ наступленіемъ ночи, отступить. На долю третьяго баталіона выпала въ этомъ дѣлѣ хотя пассивная роль, но не менѣе того весьма трудная. Ему пришлось съ праваго фланга нашей позиціи передвинуться на лѣвый и затѣмъ—обратно. Оба эти движенія совершены по зивинскому ущелью, которое сильно обстрѣливалось дальними пулями противника. Кромѣ того, во время этихъ маршей довелось нѣсколько разъ пройти въ бродъ довольно глубокую рѣчку Зивинъ-чай. Въ сумеркахъ маіоръ Меликовъ подошелъ къ селенію Зивину. Здѣсь онъ получилъ приказаніе отъ полковника Рыдзевскаго—расположиться за передовыми траншеями, которыя такъ геройски были взяты грузинцами.

До самаго вечера всѣ съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдили за появленіемъ нашей кавалеріи, въ составѣ почти двухъ дивизій, въ тылу непріятеля. Полагали, что такая масса конницы, показавшись въ тылу у турокъ, наведетъ на нихъ страхъ и во всякомъ случаѣ заставитъ оттянуть туда войска,—чѣмъ, конечно, облегчится атака и съ фронта. Но, къ несчастью, маневрированіе нашей кавалеріи не увѣнчалось успѣхомъ: оказалось, что нашъ колоновожатый офицеръ, будто бы изучавшій дороги въ азіятской Турціи, завелъ ее въ такія непроходимыя мѣста, что къ вечеру только, послѣ величайшихъ усилій, голова колонны могла взобраться на высоту. При поднятіи же конной батареи нѣсколько зарядныхъ ящиковъ опрокинулось и одинъ слетѣлъ въ кручу. Начальникъ кавалеріи, видя полнѣйшую невозможность дѣйствовать на выбившихся изъ силъ лошадяхъ и на мѣстности изрытой глубокими оврагами, донесъ объ этомъ командующему корпусомъ и получилъ приказаніе—отступить. Почти одновременно съ отступленіемъ кавалеріи стали показываться непріятельскія колонны, двигавшіяся изъ Кепри-кея на помощь Измаилъ-пашѣ.

До самой ночи турки, не уменьшая силы огня, обстрѣливали все пространство, занятое нашими войсками. Слыша ихъ безпрерывную стрѣльбу и видя, въ сумеркахъ, массу огня, извергающуюся изъ окоповъ, можно было предположить, что они дѣйствуютъ

не ружьями, а какими-то адскими машинами. Никогда въ прежнія войны не доходилъ до такой силы огненный бой, и никогда онъ не имѣлъ такого обширнаго обстрѣла. Нѣкоторыя пули падали далѣе двухъ верстъ отъ линіи огня. Турки не цѣлились, а обсыпали ливнемъ пуль изъ своихъ скорострѣльныхъ ружей все пространство, занятое нашими войсками.

Эриванскому полку поручено прикрыть отступленіе штурмующихъ колоннъ. Цѣлую ночь эриванцы простояли лицомъ къ противнику; всю ночь подъ ихъ прикрытіемъ собирали раненыхъ и выносили на высоту Дава-Бояны, гдѣ находилась ставка командующаго корпусомъ и три девяти-фунтовыя батареи, подъ прикрытіемъ 1-й стрѣлковой роты и двухъ сотенъ конно-иррегулярнаго полка, людей малонадежныхъ. Нужно замѣтить, что 1-я стрѣлковая рота была оставлена на высотѣ Дава-Бояны по распоряженію командира 1-го баталіона, для прикрытія патронныхъ ящиковъ и обоза. Разсказываютъ, что командующій корпусомъ, узнавъ отъ полковаго командира, что на горѣ, кромѣ иррегулярныхъ сотенъ, еще находится у прикрытія батареи и его ставки стрѣлковая рота эриванцевъ, былъ чрезвычайно обрадованъ этимъ извѣстіемъ.

Изрѣдка ночью турки открывали огонь по нашимъ людямъ, собиравшимъ раненыхъ. Еще до разсвѣта, эриванцы стали очищать позицію и постепенно отходить на возвышенности лѣваго берега р. Ханы-чай. Турки, видя на разсвѣтѣ медленное и въ порядкѣ совершаемое отступленіе, не рѣшились перейти въ наступленіе. Такимъ образомъ, эриванцы завершили благополучно послѣдній актъ этого неудавшагося кроваваго дѣла. Отступленіемъ руководилъ генералъ Авиновъ. Послѣднимъ снялся съ позиціи 3-й баталіонъ маіора Меликова.

И такъ, полкъ, не принимая прямаго участія въ этомъ дѣлѣ, тѣмъ не менѣе находился въ теченіи всего боя въ сферѣ артилерійскаго и отчасти ружейнаго огня; кромѣ того, 2-й и 4-й баталіоны, выдвинутые вправо, находились въ положеніи весьма серьезномъ. Они парализовали намѣреніе турокъ обхватить насъ справа, а охотники второй стрѣлковой роты, съ поддержкою 4-й, взяли штурмомъ гребень, съ котораго турки наносили чувствительный

вредъ грузинцамъ.

Такимъ образомъ, нашей самоувѣренности былъ нанесенъ чувствительный ударъ. Мы пренебрегли силами противника, не постарались ихъ узнать, мы не изслѣдовали подступовъ къ его позиціи, не изслѣдовали дорогъ; мы какъ будто забыли, что наступательныя дѣйствія противъ сильно укрѣпленныхъ и едва доступныхъ отъ природы оборонительныхъ позицій противника, безъ предварительной серьезной рекогносцировки частью отряда, крайне рискованы и противорѣчатъ требованіямъ и правиламъ военнаго искусства, основаннымъ на боевой практикѣ прежнихъ войнъ. Зивинская оборонительная позиція, исторически извѣстная своею неприступностью, въ данномъ случаѣ была искусственно усилена, какъ нельзя лучше. Словомъ, всѣ причины, выраженныя выше, вся обстановка этого несчастнаго дѣла сложились не въ нашу пользу. Говоря по справедливости, наши войска вели себя безупречно; онѣ показали, что достойны славы героевъ: онѣ, усталыя до изнеможенія, облитыя потомъ, подъ палящими лучами солнца, карабкались на такія недоступныя крутизны, на которыхъ ихъ раненые и убитые товарищи не въ состояніи были удерживаться, а скатывались въ кучу. При всемъ этомъ, войска до самой ночи удержали за собою взятыя съ боя позиціи и не позволили непріятелю перейти въ наступленіе при численномъ его превосходствѣ въ силахъ.

Штурмъ зивинской позиціи намъ дорого стоилъ: убито офицеровъ 7, нижнихъ чиновъ 118; ранено офицеровъ 25, нижнихъ чиновъ 663; контужено офицеровъ 5, нижнихъ чиновъ 26; безъ вѣсти пропало 16 человѣкъ,—всего выбыло изъ строя 860 человѣкъ. Въ этомъ числѣ эриванскій полкъ потерялъ убитыми 2-хъ и ранеными 21 нижняго чина. Кромѣ того, ранецъ, какъ сказано выше, поручикъ Барабашевъ ([20]).

Послѣ зивинскаго боя, отрядъ генерала Геймана, далеко выдвинувшійся впередъ, сразу очутился въ весьма опасномъ положеніи. Съ фронта, не болѣе какъ на артилерійскій выстрѣлъ, находился отъ насъ противникъ въ превосходныхъ силахъ, ободренный, до нѣкоторой степени, отбитіемъ нашего штурма; въ тылу же, у подножія Соганлуга, жили заклятые наши враги—горцы, выселен-

ные съ Кавказа, народъ воинственный, съ дѣтства привыкшій владѣть оружіемъ. Они, при помощи нѣсколькихъ таборовъ, высланныхъ изъ Карса, легко могли запереть нашъ выходъ съ горъ и во всякомъ случаѣ угрожали нашему тылу. При такихъ условіяхъ, и въ виду малочисленности нашихъ силъ, о наступательныхъ дѣйствіяхъ не могло быть и рѣчи; оставаться на занятой позиціи въ оборонительномъ положеніи мы тоже не могли, вслѣдствіе невозможности подвозить продовольственные и боевые запасы, такъ какъ для прикрытія ихъ всякій разъ понадобился бы значительный отрядъ. Оставался единственный исходъ—отступленіе, но и оно ставило наши войска въ критическое положеніе, потому что обнаруживало передъ непріятелемъ нашу малочисленность и, конечно, благотворно вліяло на его нравственный духъ. При всемъ этомъ, мы должны были отступать по дурной дорогѣ, пролегавшей по лѣсистымъ горамъ и глубокимъ ущельямъ, имѣя большой обозъ и огромный транспортъ раненыхъ. Естественно, при такой обстановкѣ и при болѣе предпріимчивомъ противникѣ, отступленіе отъ Зивина намъ могло стóить неисчислимыхъ жертвъ, но намъ удалось совершить его благополучно. Турки еще помнили Башъ-Кадыкляръ и Кюрюкъ-Дара; они боялись вступить съ нами въ открытый бой; они даже съ утра, 14-го іюня, стали возводить новые окопы на своей недоступной позиціи, расчитывая, по всей вѣроятности, что мы повторимъ штурмъ.

Наши войска весь день 14-го іюня провели на склонѣ Дава-Бояны, въ четырехъ верстахъ отъ зивинской позиціи, погребая убитыхъ и облегчая участь раненыхъ. Съ наступленіемъ сумерокъ, войскамъ приказано отступать по верхней сѣверной дорогѣ къ мелидюзскому вагенбургу. Движеніе происходило почти всю ночь. Раненыхъ везли на тряскихъ фурахъ, на казачьихъ лошадяхъ, а болѣе трудныхъ несли на носилкахъ.

Эриванскому и мингрельскому полкамъ, какъ наименѣе пострадавшимъ въ зивинскомъ дѣлѣ, приказано слѣдовать въ арріергардѣ и прикрывать отступленіе при движеніи чрезъ Соганлугъ. Эриванцы, сознавая въ какомъ трудномъ и опасномъ положеніи очутился нашъ отрядъ, зорко слѣдили за непріятелемъ и припяли

всѣ нужныя мѣры предосторожности. Полкъ все время былъ наготовѣ, чтобы дать врагамъ рѣшительный отпоръ. Всѣ эти дни приходилось позже всѣхъ вступать на ночлежные пункты. Арріергардъ, при переходѣ чрезъ Соганлугъ, былъ почти предоставленъ самому себѣ. Случись тутъ нападеніе непріятеля—и нельзя было расчитывать на скорую поддержку, такъ какъ артилерія и войска, слѣдуя по дорогѣ, растягивались на огромное протяженіе.

Наконецъ, 17-го іюня, отрядъ спустился съ соганлугскихъ горъ на обширную карскую долину; тутъ вздохнулось легче. Турецкій корпусъ, подъ личнымъ начальствомъ Мухтаръ-паши, слѣдовавшій за нами въ одномъ переходѣ, не былъ для насъ опасенъ; напротивъ, у всѣхъ явилось желаніе снова вступить съ нимъ въ бой въ открытомъ уже полѣ: численнаго перевѣса мы не боялись.

По отступленіи въ лагерь у Мацра, часть карскаго гарнизона, 21-го іюня, во время расположенія отряда у Хаджи-Халиля, выдвинулась къ нашей позиціи; но лишь только гренадеры заняли боевую линію, турки отступили подъ прикрытіе крѣпостныхъ верковъ.

23-го іюня полкъ участвовалъ на общемъ смотру, произведенномъ Главнокомандующимъ у Халифъ-Оглы войскамъ, возвратившимся изъ подъ Зивина. Грустно было смотрѣть на грузинцевъ и тифлисцевъ, подъ побѣдоносными знаменами которыхъ недоставало такъ много героевъ.

Послѣ смотра, Его Высочество изволилъ уѣхать въ Александрополь, а отрядъ генерала Геймана въ тотъ же день соединился съ мацринскимъ и сталъ во второй линіи. Эриванцы расположились лагеремъ у Меликъ-кея, у самой рѣчки Карсъ-чая. Отсюда, съ вечера 26-го іюня и въ теченіе цѣлыхъ сутокъ, полкъ ходилъ въ траншеи, для прикрытія осадныхъ батарей, дѣйствовавшихъ по карскимъ веркамъ.

Тяжелая и нравственно гнетущая траншейная служба—въ тоже время одна изъ самыхъ мучительныхъ. Надо обладать крѣпкими, закаленными въ бояхъ нервами, чтобы цѣлый день простоять или пролежать въ траншеи, ничего не дѣлая и хладнокровно созерцая, какъ съ трескомъ лопаются вокругъ бомбы и гранаты, грозя съ

минуты на минуту разорвать человѣка въ куски. Эти минуты, при такомъ положеніи, ползутъ всегда слишкомъ медленно, такъ что день кажется цѣлою вѣчностью. Тутъ, присущая каждому человѣку, а тѣмъ болѣе молодому, жажда жизни—это лучшее благо—выказывается во всей силѣ, такъ какъ каждый офицеръ и солдатъ вполнѣ предоставлены себѣ, своимъ думамъ. Въ описываемое время комплектъ офицеровъ въ полку почти наполовину состоялъ изъ молодежи, для которой война была дѣломъ совершенно новымъ. Нѣкоторыя изъ этихъ лицъ, отправляясь на театръ военныхъ дѣйствій, оставили молодыхъ женъ и малыхъ дѣтей, и въ эти томительныя минуты имъ поневолѣ приходилось думать о нихъ; нѣкоторые, подъ зловѣщую музыку бомбъ и гранатъ, даже писали письма къ своимъ семействамъ. Старые офицеры, испытанные годами прежней боевой жизни, такъ сказать, бывалые на своемъ вѣку не въ одномъ бою, а въ мирное время скучавшіе о прежнихъ походахъ, были, какъ они выражались, въ своей стихіи: они какъ-то равнодушно, почти апатично, смотрѣли на падающіе снаряды, и, подъ грохотъ канонады, пили кахетинское вино и курили папиросу за папиросой, какъ бы стремясь окончательно притупить свои нервы.

Къ вечернимъ сумеркамъ, 27-го іюня, канонада совершенно утихла; офицеры и солдаты свободно выпрямили свои усталые члены отъ неестественнаго сидѣнія въ продолженіи дня;—такъ строго было воспрещено высовываться и выходить изъ траншей. Вечеромъ, въ ожиданіи смѣны, офицеры дѣлали другъ другу визиты и передавали впечатлѣнія дня. Когда же у кого либо поспѣвалъ чай, заваренный тутъ же въ походномъ чайникѣ, то онъ забывалъ все его гнетущее и съ наслажденіемъ утолялъ свою жажду. Затѣмъ, каждый всецѣло проникался только однимъ неизъяснимымъ желаніемъ—какъ можно скорѣе смѣниться, попасть въ палатку и заснуть на своей неприхотливой походной постели. Но, какъ будто нарочно, надвинулись тучи, полилъ дождь, и смѣна прибыла, вмѣсто девяти, только въ одиннадцать часовъ ночи. А ночь стояла до того темная, что даже подъ ногами ничего не было видно, и на разстояніи трехъ верстъ отъ траншей до лагеря пришлось заблудиться въ до-

рогѣ. Вслѣдствіе этого, 3-й баталіонъ только передъ разсвѣтомъ попалъ въ лагерь. По пути, нѣкоторые нижніе чины, мучимые жаждою, самовольно кинулись къ рѣкѣ—пить воду, и за это были строго наказаны.

Въ полку, по заведенному искони порядку, офицеры держатъ себя относительно нижнихъ чиновъ строго, а въ походѣ тѣмъ болѣе. Они отъ старыхъ офицеровъ усвоили себѣ правило, что чѣмъ больше строгости и меньше поблажекъ, тѣмъ часть способнѣе къ выносливости въ бою. Солдатъ, воспитанный желѣзными руками, и самъ пріобрѣтаетъ эти качества,—а это залогъ побѣды. При всей наружной строгости, офицеры все же горячо любятъ своихъ солдатъ, помогаютъ имъ словомъ и дѣломъ, а въ походахъ переносятъ безропотно съ ними всякія нужды и въ бою становятся всегда впереди своихъ ротъ. Но разъ солдатъ провинился,—онъ долженъ понести наказаніе безъ всякаго снисхожденія; миловать нельзя. Это завѣтъ молодымъ офицерамъ.

По возвращеніи изъ подъ Зивина, командиръ полка флигель-адъютантъ полковникъ Толстой, заболѣвъ подагрою, передалъ командованіе полкомъ подполковнику Микеладзе.

Сосредоточеніе нашихъ отрядовъ у Мацра дало возможность Мухтаръ-пашѣ, съ полевыми войсками, подойти къ Карсу, при чемъ перевѣсъ въ силахъ оказался далеко не въ нашу пользу. Поэтому, было рѣшено—прекратить дѣйствія подъ Карсомъ и отойти всѣми силами на позиціи, которыя бы достаточно прикрывали наши границы.

Къ 28-му іюня, всѣ осадныя орудія съ батарей были сняты, и главныя силы корпуса стали послѣдовательно отходить къ Кюрюкъ-Дара.

Въ день Петра и Павла, 29-го іюня, эриванцы праздновали свой полковой праздникъ на позиціи у Зашма. Молебствіе и панихида за упокой павшихъ товарищей были совершены подъ открытымъ небомъ. На молебствіи присутствовали: командующій корпусомъ генералъ-адъютантъ Лорисъ-Меликовъ, начальникъ всей пѣхоты генералъ-лейтенантъ Геймань, другія начальствующія лица и многіе ратные сослуживцы и товарищи. Въ числѣ гостей находились:

генералъ французской службы графъ де-Курси и корреспонденты нѣкоторыхъ газетъ.

По окончаніи церковнаго парада, ротмистръ Панчулидзе, возившій донесеніе къ Государю Императору о взятіи Ардагана и возвратившійся обратно въ отрядъ, передалъ полку слѣдующія незабвенныя слова Августѣйшаго Шефа:

«Я горжусь моими эриванцами; они достойно заявили себя на штурмѣ Ардагана».

Въ отвѣтъ на эти дорогія слова, музыка заиграла народный гимнъ, и раздалось неудержимое „ура", проникнутое теплымъ вѣрноподданническимъ чувствомъ; затѣмъ, всѣ присутствующіе на парадѣ раздѣлили съ эриванцами походную закуску, устроенную подъ большими палатами. Первый тостъ командующій корпусомъ провозгласилъ за здоровье Государя Императора и пожелалъ полку, чтобы онъ новыми отличіями, новыми побѣдами порадовалъ своего обожаемаго Шефа. Конечно, послѣдовалъ опять восторженный взрывъ, служившій лучшимъ отвѣтомъ на благія пожеланія.

Въ этотъ торжественный день для полка много было высказано сердечныхъ словъ, много выражено лестныхъ похвалъ за его неувядаемую боевую и примѣрную службу.

Къ крайнему огорченію, разгаръ праздника былъ застигнутъ бурею, которая разметала почти всѣ палаты; впрочемъ, къ вечеру они опять были поставлены, и собравшіеся гости продолжали пировать съ хозяевами. Предметомъ разговора, конечно, были текущія военныя событія; въ особенности много говорили о переправѣ нашей южной арміи чрезъ Дунай, совершившейся 14-го іюня. Здѣсь же на всѣ возможные мотивы передавались извѣстія изъ Чечни и Дагестана о вспыхнувшемъ тамъ возстаніи, на усмиреніе котораго потребовалось отдѣлить изъ состава кавказской арміи двѣ старыя, испытанныя пѣхотныя дивизіи. Эти извѣстія были несовсѣмъ пріятны: всѣ видѣли, что дѣла наши усложняются, и кампанія окончится далеко не такъ скоро, какъ полагали.

Въ сумеркахъ, когда запылалъ костеръ и налитъ былъ въ стаканы глинтвейнъ, пришелъ начальникъ корпуснаго штаба генералъ Духовской и прочиталъ радостную для всѣхъ телеграмму,

только-что полученную отъ генерала Тергукасова. Въ ней сообщалось, что эриванскій отрядъ благополучно отступилъ со всѣми ранеными и тяжестями къ Игдырю, отражая ежедневно насѣдавшаго противника. Затѣмъ, запасшись тамъ провіантомъ и боевыми запасами, генералъ Тергукасовъ двинулся налегкахъ къ осажденному Баязету, разбилъ 28-го іюня турецкія войска, блокировавшія городъ, и освободилъ нашъ малочисленный гарнизонъ.

Загремѣли тосты въ честь освободителя баязетскаго гарнизона, его молодецкаго отряда и героевъ-мучениковъ Баязета. Въ этой незабвенной защитѣ въ полной силѣ выказалось безпредѣльное самоотверженіе и доблесть русскаго офицера и солдата. Гарнизонъ, въ теченіи двадцати-трехдневной осады, отражалъ непріятельскія атаки, питаясь въ послѣднее время кониной и получая въ сутки нѣсколько ложекъ испорченной воды, такъ какъ ее можно было добывать лишь по ночамъ, съ боя. Добытая цѣною крови вода была умышленно турками испорчена—посредствомъ гніющихъ труповъ. Непріятель, зная крайне бѣдственное положеніе гарнизона, предлагалъ льстивыя условія для сдачи, но всѣ его предложенія были единодушно отвергнуты. Гарнизонъ рѣшился лучше умереть, чѣмъ осрамить честь и русское знамя.

Комендантъ и защитникъ Баязета былъ капитанъ Штоквичъ. Прежде онъ долго служилъ въ эриванскомъ полку и только за нѣкоторое время до открытія кампаніи выбылъ изъ полка. Въ знаменитомъ для эриванцевъ кюрюкъ-даринскомъ дѣлѣ 1854-го года, Штоквичъ былъ раненъ при лихой атакѣ 3-мъ баталіономъ турецкаго центра([21]).

Полковой праздникъ былъ завершенъ, по кавказскому обычаю, качаніемъ на рукахъ, при крикахъ «ура», почетныхъ гостей. Французскому генералу чрезвычайно поправилась эта военная кавказская овація.

При переходѣ на позицію у Энгикея, когда полкъ переправлялся въ бродъ на лѣвый берегъ Карсъ-чая, стоявшіе тутъ бивакомъ нижегородскіе драгуны привѣтствовали эриванцевъ кюрюкъ-даринскимъ маршемъ. Эриванцы, въ свою очередь, проходя около ихъ бивака, играли въ честь ихъ полка нижегородскій маршъ. Эти старѣйшіе полки давно уже вели между собою кавказское куначество—дружбу,

которая была скрѣплена взаимною поддержкою въ битвахъ при Башъ-Кадыкляръ и Кюрюкъ-Дара.

ГЛАВА V.

Лагерныя занятія у Кюрюкъ-Дара. Рекогносцировка къ Визинъ-кею 16-го іюля. Бой 6-го августа.

6-го іюля главныя силы корпуса стали двумя лагерями—у Кюрюкъ-Дара и у Башъ-Кадыкляра. Эриванскій полкъ, въ составѣ своей дивизіи, расположился на правомъ флангѣ кюрюкъ-дарин-скаго лагеря.

Почти параллельно нашему движенію, отъ Орлока все болѣе и болѣе подвигались къ нашей границѣ полевыя войска Мухтаръ-паши, постепенно занимая и сильно укрѣпляя аладжинскія высоты. Съ нашего обсерваціоннаго пункта—горы Караялъ, и въ особен-ности съ горы Кизилъ-тапы, находившейся верстахъ въ двухъ впе-реди нашего авангарднаго лагеря, отлично были видны всѣ эволю-ціи, производившіяся въ турецкихъ лагеряхъ. Турки по цѣлымъ днямъ и ночамъ безъ устали трудились надъ возведеніемъ форти-фикаціонныхъ сооруженій.

Наши войска, находясь въ выжидательномъ положеніи на своихъ позиціяхъ, ежедневно по утрамъ, до наступленія жары, за-нимались строевыми ученіями, при чемъ въ эриванскомъ полку было обращено вниманіе на разсыпной строй и прикладку въ разныхъ положеніяхъ. На одномъ изъ строевыхъ ученій 1-го баталіона при-сутствовалъ генералъ де-Курси. Стройное, молодцоватое движеніе эри-ванцевъ ему видимо понравилось. Онъ выдалъ нижнимъ чинамъ, бывшимъ на ученіи, сто рублей.

Аванпостная служба въ полку выполнялась также со всею строгостью. Приказаніями по полку неоднократно подтверждалось, чтобы офицеры обращали строжайшее вниманіе на соблюденіе всѣхъ установленныхъ правилъ сторожевой службы. Охотники и команда,

чередуясь съ грузинцами, черезъ ночь ходили въ секретъ. Въ тоже время, приказомъ по корпусу, начальникомъ всѣхъ аванпостовъ былъ назначенъ полковникъ Граббе, снискавшій общую любовь и уваженіе въ корпусѣ своимъ привѣтливымъ обращеніемъ съ подчиненными.

Кромѣ наряда на аванпосты, почти ежедневно отъ полка назначался баталіонъ или на фуражировку, или для прикрытія транспорта, или же для занятія ночью горы Каралъ.

На пополненіе убыли полка 15-го іюля прибыла первая партія новобранцевъ, въ числѣ 250 человѣкъ. Новобранцы хорошо были подготовлены въ шестимѣсячный срокъ въ 13-мъ гренадерскомъ запасномъ баталіонѣ, но вообще, всѣ молодые солдаты были до нѣкоторой степени изнурены усиленными занятіями и въ особенности тифлисской жарой, такъ какъ они передъ выступленіемъ въ походъ несли караульную службу въ Тифлисѣ.

16-го іюля, командующій корпусомъ нашелъ нужнымъ произвести рекогносцировку къ Визинъ-кею—лѣвому флангу непріятельскаго расположенія. Для этой рекогносцировки были взяты изъ пѣхоты эриванскій и грузинскій полки. Молодыхъ солдатъ, прибывшихъ наканунѣ изъ Тифлиса и еще неуспѣвшихъ отдохнуть и оправиться послѣ продолжительнаго похода, приказано было тоже поставить въ строй—для испытанія ихъ годности къ боевой службѣ. Къ полудню, нашъ авангардъ, состоявшій изъ кавалеріи, безпрепятственно подошелъ къ горѣ б. Ягны и, выдвинувъ къ Визинъ-кею кавалерійскую цѣпь, занялъ эту гору только незначительнымъ пикетомъ. Подъ прикрытіемъ кавалеріи, генералъ Лорисъ-Меликовъ объѣхалъ б. Ягны и остановился почти у подножія, лицомъ къ Визинъ-кею, откуда отлично были видны непріятельскія укрѣпленія и конусообразныя ихъ палатки.

Турки, разсыпавъ цѣпь и выславъ впередъ баши-бузуковъ, стали наступать нѣсколькими стройными линіями. Наша казачья батарея, выѣхавъ на позицію, открыла огонь по группамъ баши-бузуковъ. Турки, въ свою очередь, вывезли изъ лагеря у Визинъ-кея дальнобойныя орудія и стали отвѣчать. Ихъ снаряды далеко перелетали; наши же наполовину не долетали до орудій. Въ тоже

время, незамѣтнымъ образомъ, турецкіе всадники, пробравшись со стороны Авліара къ вершинѣ б. Ягны, сбили оттуда нашъ милиціонный пикетъ и открыли огонь съ вершины въ тылъ и во флангъ по свитѣ и конвою, сгруппировавшимся возлѣ командующаго корпусомъ, направляя большую часть своихъ выстрѣловъ по его голубому значку. Такимъ образомъ, оплошность нашего авангарда, незанявшаго достаточными силами командующей высоты, не дозволила генералу Лорисъ-Меликову произвести должнаго осмотра мѣстности и подвергла его серьезной опасности. Ему пришлось обогнуть половину горы Ягны подъ сильнымъ ружейнымъ огнемъ противника. На отходившую нашу милицію сильно насѣдали баши-бузуки, бросаясь даже въ шашки. Командующій корпусомъ приказалъ драгунамъ произвести атаку. Атака, дѣйствительно, была блистательная; но драгуны, попавъ подъ фланговый огонь съ б. Ягны, потеряли нѣсколько человѣкъ.

Одновременно съ этимъ, эриванцы и грузинцы, съ двумя батареями, запявъ промежутокъ между горами б. и м. Ягны, пріостановились въ ожиданіи дальнѣйшихъ приказаній. Правый флангъ эриванскаго полка упирался въ гору м. Ягны, имѣя уже на ней часть стрѣлковъ. Лѣвый флангъ грузинцевъ упирался въ гору б. Ягны, гдѣ турки все болѣе и болѣе усиливались. Затѣмъ, они начали спускаться, но, встрѣченные мѣткимъ огнемъ грузинцевъ, остановились. Эриванцамъ и грузинцамъ приказано прикрыть отступленіе. Нѣсколько турецкихъ таборовъ со стороны деревни Буланахъ намѣревались обойти насъ съ тыла, а потому бригада была своевременно повернута къ нимъ фронтомъ; послѣ этого маневра, парализовавшаго ихъ намѣреніе, войска наши стали отходить перекатами.

День стоялъ невыносимо жаркій. На всемъ пространствѣ отъ Караяла до Визинъ-кея не было ни ручейка, ни родника. Войска изнемогали отъ жажды, въ особенности молодые солдаты: они, отъ усиленнаго маневрированія—около 50-ти верстъ въ оба конца—и нестерпимой жажды до того изнемогли, что въ нѣсколькихъ верстахъ отъ лагеря десятками падали безъ чувствъ по дорогѣ. За ними изъ лагеря были высланы всѣ фуры полка и дивизіоннаго лазарета, съ

водою. Многіе изъ солдатъ, ускользнувъ изъ строя, уходили въ стороны, отыскивали дождевыя лужи и, припавъ къ нимъ, пили гнилую воду.

На эту рекогносцировку, при температурѣ, доходившей до сорока градусовъ, молодые солдаты были выведены въ сукопныхъ шароварахъ, сшитыхъ изъ неворсованнаго толстаго сукна. Конечно, эти шаровары растирали имъ въ шагу и мѣшали свободному движенію. Въ прежніе походы въ азіятской Турціи, при графѣ Паскевичѣ, въ 1828—1829 годахъ, и при генералѣ Муравьевѣ въ 1855-мъ году, разрѣшено было носить нанковые шаровары. Въ кавказскія лѣтнія экспедиціи также иначе не выходили, какъ въ нанковыхъ или синихъ парусинныхъ шароварахъ. Въ эриванскомъ полку, при полковомъ командирѣ полковникѣ Фохтѣ, устроена была въ штабъ-квартирѣ даже синильня, гдѣ окрашивалась парусина и холстъ для шароваръ.

Движеніе наше къ Визинъ-кею указало туркамъ на необходимость укрѣпить гору м. Ягны.

Въ іюлѣ мѣсяцѣ, пять гвардейскихъ офицеровъ преображенскаго полка были прикомандированы къ эриванскому полку для участія въ дѣлахъ, а именно: штабсъ-капитаны баронъ Розенъ, Бельгардъ, князь Несвицкій, Пищевичъ и поручикъ Галлеръ. Первымъ четыремъ были поручены въ командованіе роты. Тутъ нелишнее разсказать, какъ два барона, вслѣдствіе своей любознательности, едва не попали въ плѣнъ, произведя переполохъ и въ полку. Дѣло было такъ: 25-го іюля, штабсъ-капитанъ баронъ Розенъ и подпоручикъ баронъ Бейстъ, испросивъ разрѣшеніе у подполковника Микеладзе, поѣхали осматривать развалины города Ани, бывшей столицы Арменіи. Имъ было извѣстно, что у Ани, около Арпачая, стоитъ нашъ наблюдательный отрядъ. На этомъ основаніи они отъ башъ-кадыклярскаго лагеря поѣхали не кружной дорогой, обезпеченной нашими аванпостами, а прямымъ путемъ, и, не доѣзжая Ани, чуть не попали въ руки турецкаго разъѣзда. Только, благодаря быстротѣ своихъ лошадей, они успѣли избѣгнуть плѣна; залпъ же, пущенный имъ въ догонку, пролетѣлъ мимо. По докладѣ объ этомъ командующему корпусомъ, онъ объявилъ баронамъ

строгій выговоръ за несоблюденіе должныхъ мѣръ предосторожности (*).

Къ августу мѣсяцу начали прибывать изъ Россіи части 40-й дивизіи, съ ея артилеріею; затѣмъ, вся она вступила въ составъ корпуса. Къ тому же времени часть ардаганскаго отряда была придвинута къ Караялу. Тогда, на усиленіе отряда генерала Тергукасова представилась возможность выдѣлить небольшую колонну, а остальными войсками рѣшено было произвести наступленіе къ правому флангу непріятельскаго расположенія и взять редутъ Инахъ-тепеси. Съ этою цѣлью войска, съ разсвѣтомъ 6-го августа, выступили тремя колоннами: для атаки редута Инахъ-тепеси назначена была колонна генерала Девеля, въ составѣ 17-ти баталіоновъ и 48-ми орудій; для демонстраціи къ Визинъ-кею—колонна полковника Комарова, изъ двухъ полковъ и восьми орудій; колоннѣ-же генерала Геймана, которую составляла гренадерская дивизія, велѣно было поддерживать связь между вышесказанными колоннами, удерживать непріятеля въ центрѣ, въ его позиціяхъ, и, въ случаѣ надобности, усилить атаку на редутъ ([22]).

Генералъ Девель, по осмотрѣ мѣстности и редута Инаха, нашелъ, что взятіе его штурмомъ несомнѣнно потребуетъ потери нѣсколькихъ сотъ человѣкъ и не принесетъ намъ существенныхъ выгодъ, такъ какъ не измѣнитъ положенія прочихъ турецкихъ войскъ. Кромѣ того, по взятіи этого укрѣпленія, въ немъ весьма трудно держаться, такъ какъ турки въ первую же ночь легко могли бы приспособить траншеи и батареи на сосѣднихъ высотахъ и обстрѣливать оттуда внутренность Инаха. Въ виду изложеннаго, генералу Девелю разрѣшено ограничиться лишь тѣмъ, чтобы выдвинуть части авангарднаго лагеря впередъ, на высоту селенія Кюльверанъ, не предпринимая штурма Инахъ-тепеси, и затѣмъ, приказано его колоннѣ, уже завязавшей бой, отступать. Такое же приказаніе было послано генералу Гейману, который, съ кавказскими гренадерами, имѣя въ боевой линіи вторую бригаду, а въ резервѣ первую, уступомъ справа, оттѣснилъ утромъ турецкую кавалерію и занялъ позицію между Суботапомъ и Хаджи-Вали. Три батареи открыли огонь по турец

(*) Приказъ по полку № 205-й.

кимъ ретраншаментамъ. Непріятель держался вдали, а потому генералъ Гейманъ приказалъ бригадному командиру генералу Авинову, съ эриванскимъ и грузинскимъ полками, взять вправо къ б. Ягны и расположиться на полпути, между Суботаномъ и б. Ягны, служа поддержкою тамъ, гдѣ окажется нужнымъ, но не ввязываясь ни въ какомъ случаѣ въ отдѣльный бой.

Между тѣмъ, небольшая колонна полковника Комарова, отбросивъ утромъ кавалерію, заняла шестью ротами гору б. Ягны. Турецкая пѣхота все болѣе и болѣе придвигалась къ тому мѣсту. На южныхъ склонахъ завязался ожесточенный орудійный и ружейный бой, далеко неравный по числительности. Четыре турецкихъ табора произвели атаку на вершину б. Ягны, но были отбиты съ потерею. Наконецъ, у насъ обнаружился недостатокъ въ патронахъ. Находясь въ такомъ крайне критическомъ положеніи, Комаровъ, согласно полученному приказанію, сталъ въ полдень отступать на бригаду генерала Авинова, которая въ это время находилась въ семи верстахъ отъ него. Непріятель сильно насѣдалъ, въ особенности на лѣвый флангъ, при чемъ двѣ ожесточенныя атаки пришлось севастопольцамъ и владикавказцамъ отбить штыками, такъ какъ патроны были почти всѣ разстрѣляны.

На помощь къ этой малочисленной, такъ мужественно отбивавшейся колоннѣ, послана была наша кавалерія; въ тоже время бригада генерала Авинова была уже почти на высотѣ б. Ягны, но нѣсколько лѣвѣе. Генералъ Гейманъ, передвинувъ эриванцевъ и грузинцевъ немного вправо и развернувъ въ боевой порядокъ, открылъ огонь изъ восьми орудій во флангъ насѣдавшимъ туркамъ; первому же баталіону эриванцевъ приказалъ идти на подкрѣпленіе къ отступавшей колоннѣ Комарова.

Маіоръ фонъ-деръ-Нонне построилъ баталіонъ поротно въ двѣ линіи, повернулъ роты направо и, подъ огнемъ артилеріи, двинулъ ихъ по направленію къ отступавшимъ. До прибытія этого подкрѣпленія, турецкая пѣхота, опасаясь удара во флангъ, пріостановила свое энергичное преслѣдованіе. Первый баталіонъ, занявъ лѣвый флангъ бывшаго расположенія, прикрылъ дальнѣйшее отступленіе, Турки еще нѣсколько верстъ хотя и преслѣдовали насъ ар-

тилерійскимъ огнемъ, но безвредно. Послѣ этого боя нѣкоторые обвиняли эриванцевъ въ томъ, что они не поддержали надлежащимъ образомъ колонну Комарова. Но это несправедливо. Дѣйствительно, эриванскій полкъ былъ ближайшій къ горѣ Ягны; но нужно помнить, что полкъ въ началѣ боя находился въ составѣ дивизіи, а затѣмъ—въ составѣ бригады, имѣвшей свои цѣли. Кромѣ того, полкъ стоялъ въ резервѣ; стало быть, никакимъ образомъ полкъ или части его не могли произвольно отдѣлиться для наступленія, тѣмъ болѣе, что разстояніе, разобщавшее эриванцевъ отъ мѣста боя, было не менѣе шести-семи верстъ. Адъютанты, присланные полковникомъ Комаровымъ, хотя и обращались съ просьбою о подкрѣпленіи, но они тотчасъ были обращаемы къ высшему начальству. Полковникъ Комаровъ, какъ лицо болѣе другихъ заинтересованное этимъ дѣломъ, нисколько не обвинялъ полкъ,—что можно заключить изъ слѣдующаго обстоятельства, бывшаго въ день битвы: когда баталіонъ прибылъ на подкрѣпленіе, и маіоръ Нонне являлся Комарову, то онъ сказалъ: «очень, очень радъ». На это Нонне отвѣчалъ: «къ сожалѣнію, кажется, поздно.—«Да», произнесъ полковникъ, «поздновато; трудно было выходить изъ боя». Но такъ какъ въ этихъ словахъ слышался упрекъ, то Нонне сказалъ: «мы—люди подначальные: что намъ прикажутъ».... «Да я полкъ и не виню». Это были послѣднія слова полковника Комарова.

Что же касается генерала Геймана, то онъ, имѣя свои цѣли и не зная вначалѣ, какой оборотъ пріметъ битва, не рѣшался обезсилить свою колонну выдѣленіемъ подкрѣпленій для демонстрирующей колонны; но когда образъ дѣйствій непріятеля выяснился, то по направленію къ б. Ягны была выдвинута бригада и затѣмъ, выдѣленъ баталіонъ на подкрѣпленіе.

Разбирая бой 6-го августа, видимъ, что въ самомъ началѣ главная цѣль битвы была отвергнута, на основаніи логическихъ доказательствъ, непредусмотрѣнныхъ ранѣе. Разъ же атака на Инахъ не осуществилась, то демонстрація къ лѣвому флангу противника хотя и достигла желаннаго результата, т. е. привлекла на себя большую часть турецкихъ силъ, но была безполезна.

Все мужество, которое выказали демонстрирующія войска, и

тѣ жертвы, которыхъ намъ стóитъ этотъ бой, не принесли для насъ ровно никакихъ выгодъ, а противнику дали право думать, что онъ отразилъ наше нападеніе и одержалъ побѣду,—такъ какъ турки всякое чужое отступленіе считаютъ пораженіемъ.

ГЛАВА VI.

Кизилъ-тапинскій бой 13-го августа.

Битва 6-го августа видимо ободрила турокъ. Мухтаръ-паша сталъ помышлять объ активныхъ дѣйствіяхъ, тѣмъ болѣе, что это вызывалось необходимостью: уже приближалась осень съ ея холодными ночами, въ особенности на горахъ, гдѣ былъ раскинутъ непріятельскій лагерь. Естественно, холодъ вызывалъ желаніе у турокъ спуститься съ горъ внизъ, гдѣ было сравнительно теплѣе и къ водѣ ближе; но это нельзя было сдѣлать до тѣхъ поръ, пока въ нашихъ рукахъ находилась гора Кизилъ-тапа, откуда мы могли обстрѣливать плоскость (23).

Мухтаръ-паша поставилъ себѣ цѣлью завладѣть Кизилъ-тапою. На этомъ основаніи, чтобы отвлечь наше вниманіе отъ пункта, избраннаго имъ для атаки, онъ, съ свойственною азіятцамъ хитростью, сталъ распространять слухъ, что часть своихъ войскъ выдѣляетъ къ Измаилъ-пашѣ, для вторженія въ Эриванскую губернію. Спустя же дня два, у насъ въ лагерѣ стали носиться упорные слухи, что Мухтаръ намѣревается напасть на правый флангъ нашего расположенія на Кюрюкъ-Дара.

Въ силу этихъ слуховъ, добытыхъ нашими лазутчиками, 11-го августа, была выдѣлена колонна генерала Девеля изъ авангарднаго лагеря, въ числѣ семи съ половиною баталіоновъ, двѣнадцати орудій и четырехъ сотенъ казаковъ къ деревнѣ Кигачъ и далѣе къ Кульпамъ, съ тѣмъ, чтобы, по обстоятельствамъ, оперировать противъ войскъ Измаилъ-паши (24). Съ выдѣленіемъ же этой колонны, главнымъ силамъ корпуса приказано держаться въ оборонительномъ по-

ложеніи до прибытія 1-й гренадерской дивизіи и казачьихъ оренбургскихъ и астраханскихъ полковъ; кромѣ того, приказано обезпечить свои позиціи укрѣпленіями. Для усиленія нашего праваго фланга, 12-го августа передвинута изъ авангарднаго лагеря часть пѣхоты. Такимъ образомъ, у насъ въ башъ-кадыклярскомъ (авангардномъ) лагерѣ осталось, въ концѣ концовъ, пять баталіоновъ, двѣ батареи и кавалерія.

Мухтаръ-паша зорко слѣдилъ за каждымъ нашимъ шагомъ. Онъ имѣлъ вѣрныхъ лазутчиковъ, которые ему сообщали о всѣхъ нашихъ передвиженіяхъ, о нашихъ силахъ и средствахъ. Кромѣ лазутчиковъ, къ нему ежедневно дезертировали мусульмане нашихъ иррегулярныхъ полковъ и передавали рѣшительно все, что у насъ дѣлается. Словомъ, мы были окружены шпіонами. При такой обстановкѣ, трудно было командующему корпусомъ замаскировать образъ своихъ дѣйствій, скрыть свои цѣли. Свѣдѣнія же о непріятелѣ, добываемыя у насъ цѣною золота, были крайне скудны. Наши лазутчики больше затемняли суть дѣла, чѣмъ выясняли истину. Для развѣдокъ намъ служили большею частью карапапахи—народъ, дѣйствительно, пронырливый, юркій, но далеко не изъ смѣлыхъ. Кромѣ того, и турки къ нимъ относились подозрительно и безцеремонно, такъ что всѣхъ, подозрѣваемыхъ въ шпіонствѣ, они вѣшали безъ дальнихъ околичностей.

Кизилъ-тапа съ 6-го іюля по 13-е августа была въ нашемъ распоряженіи, но мы, по безпечности, не укрѣпили ее и не заняли соотвѣтственно войсками, хотя и не могли не знать, что эта высота, находясь среди плоскости, имѣетъ вообще важное значеніе, какъ крѣпкій опорный пунктъ. Для насъ она имѣла даже особенное, первенствующее значеніе, потому что, прочно занимая ее, мы удерживали противника на горахъ, парализуя его наступательныя дѣйствія. Мы же ограничивались высылкою туда на день наблюдательныхъ кавалерійскихъ пикетовъ, а ночью занимали гору однимъ баталіономъ, тогда какъ для прочной обороны кизилъ-тапинской позиціи нужно не менѣе четырехъ баталіоновъ.

Только въ виду значительнаго уменьшенія силъ авангарда, приказано было корпусному инженеру укрѣпить кизилъ-тапинскую

высоту и проложить на нее дорогу, для ввоза орудій ([25]). Къ вечеру 12-го августа, по донесенію изъ башъ-кадыклярскаго лагеря, въ корпусной квартирѣ считали инженерныя работы оконченными([26]). На этомъ основаніи, диспозиціею на 12-е-же августа, гарнизономъ на Кизилъ-тапу назначены два баталіона владикавказскаго полка и четыре орудія. Когда этотъ гарнизонъ, съ наступленіемъ сумерокъ, приблизился къ Кизилъ-тапѣ, то оказалось, что дорога была далеко не окончена, а укрѣпленія сдѣланы самымъ небрежнымъ образомъ,— такъ, по крайней мѣрѣ, повѣствуетъ и князь Мещерскій въ «Сборникѣ военныхъ разсказовъ», т. I., стр. 231. Не имѣя возможности втащить орудія на высоту, вслѣдствіе чрезмѣрной крутости ската, гарнизонъ, въ двухъ верстахъ отъ высоты, остановился на позиціи. По докладѣ объ этомъ начальнику авангарда, онъ приказалъ оставить на ночь гору попрежнему подъ прикрытіемъ одного баталіона имеретинскаго полка, который, нужно замѣтить, весь день трудился надъ возведеніемъ укрѣпленій, а гарнизону—оставаться до утра на занятой позиціи.

Естественно, турки знали, что мы укрѣпляемъ Кизилъ-тапу, а провѣдавъ о нашемъ намѣреніи занять ее болѣе прочнымъ гарнизономъ, рѣшились въ ту же ночь предупредить насъ.

Ночь стояла тихая, звѣздная. Въ нашихъ лагеряхъ спали глубокимъ сномъ, не зная, что собирается гроза. Около трехъ съ половиною часовъ ночи послышались артилерійскіе выстрѣлы ([27]). Съ быстротою электричества пронеслось извѣстіе по кюрюкъ-дарискому лагерю, что турки напали. Эриванцы быстро встрепенулись, наскоро одѣлись и вышли изъ палатокъ. Караяльскія горы хотя и мѣшали видѣть линію огня, но по направленію выстрѣловъ опредѣляли, что бой идетъ около Кизилъ-тапы.

Солдаты, заслыша стрѣльбу, предполагали, что это наши охотники дразнятъ турокъ, и насчетъ своего противника отпускали характерныя остроты. Вообще, наши нижніе чины, послѣ ардаганскаго погрома, относились къ силамъ турокъ съ пренебреженіемъ и называли ихъ трусами—за то, что они вездѣ окапываются, а не выходятъ въ поле, въ открытый бой. За это же самое даже и Мухтаръ-пашу окрестили именемъ Мухтарки. Послѣ же кизилъ-тапин-

скаго дѣла, Мухтаръ-паша вошелъ въ почетъ и величался Мухтаромъ Ивановичемъ. Въ другой группѣ слышались сужденія такого рода, что передъ турками не слѣдуетъ отступать, а надо смѣло кинуться на ихъ позиціи, и тогда они не устоятъ: солдаты вѣрили въ свои силы.

Съ минуты на минуту стрѣльба усиливалась; походный телеграфъ, соединявшій ставку начальника авангарда съ квартирою корпуснаго штаба, сообщалъ неутѣшительныя извѣстія. О нападеніи на Кизилъ-тапу, очевидцы разсказываютъ такъ: около трехъ часовъ ночи турецкая конница, съ посаженною на крупахъ лошадей пѣхотою, быстро подъѣхала къ нашимъ аванпостамъ. Нѣкоторые изъ всадниковъ были одѣты такъ же, какъ и наши милиціонеры, и даже кричали порусски: «не стрѣляйте, это свои». Нѣкоторые говорятъ, что на окликъ данъ былъ отзывъ. Двойные всадники кинулись на цѣпь, сбили ее и устремились на гору, имѣющую сравнительно пологій спускъ къ Аладжѣ. Позади конницы бѣжали лучшіе арабистанскіе таборы паши Мехмедъ-бея, воодушевляемые муллами и напоенные опіумомъ (28). Натискъ ихъ былъ такъ стремителенъ, что имеретинцы, бывшіе на горѣ, едва успѣли разобрать ружья и спасти знамя, какъ были осыпаны градомъ пуль и отброшены съ большимъ урономъ. Турки, занявъ гору, сейчасъ же стали ее укрѣплять и ввозить на нее свои легкія орудія, изъ которыхъ открыли огонь по нашему авангардному лагерю. По первымъ выстрѣламъ, владикавказцы и остальные два баталіона имеретинцевъ двинулись навыручку, но пока подошли—уже было поздно: турки сильно заняли всю возвышенность. Несмотря на это, подошедшіе баталіоны нѣсколько разъ, подъ адскимъ огнемъ, съ полнымъ самоотверженіемъ, бросались на штурмъ. При этомъ, владикавказцы успѣли даже занять крайній лѣвый пригорокъ, но далѣе проникнуть не могли: турки довели силу своего огня до какого то бѣшенаго грохота.

Кизилъ-тапа, какъ вулканъ, дымилась и сверкала огнями.

Въ первыя минуты тревоги была послана телеграмма генералу Девелю въ Кигачъ, на мѣсто его ночлега, чтобы онъ вернулся обратно и ударилъ на правый флангъ Кизилъ-тапы (29).

Когда же разсвѣло и окончательно выяснился рѣшительный

образъ дѣйствій турокъ противъ Кизилъ-тапы, то тогда только, около пяти часовъ утра, изъ кюрюкъ-дарпнскаго лагеря была послана на выстрѣлы колонпа полковника Комарова, въ числѣ пяти баталіоновъ, а вслѣдъ за этой колонной выдвинута къ сѣверному подножію Караяла 2-я бригада кавказской грепадерской дивизіи; для прикрытія же всего кюрюкъ-дарпнскаго поля выставлена 1-я бригада той же дивизіи.

Эриванскій полкъ занялъ правую оконечность нашего боеваго расположенія, лицомъ къ большому Ягны, при чемъ въ цѣпи были разсыпаны стрѣлковыя роты; за каждою изъ нихъ поставлено по ротѣ, для поддержки, а затѣмъ, остальныя роты составили баталіонные резервы.

Въ подкрѣпленіе нашимъ войскамъ былъ высланъ къ Кизилъ-тапѣ тифлисскій полкъ, а на поддержку колонны Комарова, смѣло устремившейся на центръ непріятеля, къ Суботапу и далѣе, мингрельскій полкъ. Такимъ образомъ, у насъ на правомъ флангѣ для прикрытія Караяла и кюрюкъ-дарпнскаго лагеря остались эриванскій и грузинскій полки.

Колонна Комарова подверглась жестокому перекрестному огню. Онъ самъ былъ раненъ въ числѣ первыхъ. Начальство надъ его колонной принялъ бывшій командиръ эриванскаго полка флигель-адъютантъ полковникъ Гурчинъ. Онъ, видя, что непріятель, въ числѣ девяти баталіоповъ, двухъ полковъ кавалеріи, съ артилеріею, явно намѣревается отъ Хаджи-Вали обойти его правый флангъ, и что положеніе его небольшой колонны, далеко врѣзавшейся въ центръ непріятеля, серьезное—сталъ искусно маневрировать и оттягивать перекатомъ свои войска на весьма удобную для защиты позицію. По прибытіи, въ помощь къ нему, мингрельскаго полка, опъ выдвинулъ его вправо, для противодѣйствія обхвату. Съ этой минуты попытки турокъ сбить колонну Гурчина были безуспѣшны и сто́или имъ огромныхъ жертвъ, какъ это впослѣдствіи выяснилось.

Одновременно съ движеніемъ отъ Хаджи-Вали, нѣсколько турецкихъ колоннъ выдвинулось изъ за Ягны въ боевомъ порядкѣ противъ эриванскаго полка; онѣ видимо пытались охватить

нашъ правый флангъ со стороны горы Кабахъ-тапы. Двѣ же сотни ихъ конницы, пробравшись незамѣтнымъ образомъ по лощинѣ, уже начали строиться, чтобы атаковать во флангъ нашу цѣпь; но, встрѣченныя мѣткимъ огнемъ 1-й и 3-й стрѣлковыхъ ротъ и залпомъ изъ орудій, бросились вразсыпную назадъ; пѣхота же ихъ открыла дальній огонь. Между тѣмъ, 4-й баталіонъ, подъ командою капитана Шкабича, примкнулъ своимъ лѣвымъ флангомъ къ мингрельскому полку и сразу попалъ въ сферу частаго огня. Этотъ баталіонъ съ утра и до самаго вечера велъ жаркій бой. Повременамъ густая цѣпь непріятеля приближалась къ нашей цѣпи на 500 шаговъ и ближе, но всякій разъ бѣглый и мѣткій огонь 4-го баталіона опрокидывалъ ее назадъ. Люди этого баталіона разстрѣляли три комплекта патроновъ. Этотъ фактъ вполнѣ свидѣтельствуетъ, съ какою настойчивостью турки наступали на этотъ пунктъ, желая прорвать нашу тонкую цѣпь, за которой въ резервѣ находилась всего лишь одна рота.

Командующій баталіономъ свидѣтельствуетъ, что командиры 12-й и 11-й ротъ, капитанъ Спировъ и штабсъ-капитанъ баронъ Розенъ хладнокровно руководили огнемъ своихъ частей и воодушевляли нижнихъ чиновъ, спокойно расхаживая по цѣпи, при чемъ баронъ Розенъ раненъ, а также раненъ въ цѣпи прапорщикъ Побаевскій.

Нельзя не упомянуть, что иногда огонь турецкой пѣхоты былъ изумительно мѣтокъ. Маіоръ Нопне разсказываетъ, что изъ пяти первыхъ пуль, направленныхъ во 2-ю роту, съ разстоянія болѣе 2,000 шаговъ, двѣ были дѣйствительны: одна попала прямо въ грудь рядовому Голикову, а другая ранила въ плечо рядоваго Юнкова. Голиковъ убитъ наповалъ. Этотъ бравый солдатъ, при штурмѣ Ардагана, въ числѣ первыхъ наступалъ на укрѣпленіе Спигеръ, при чемъ раненъ пулею въ грудь, гдѣ она и осталась. За мужество, выказанное подъ Ардаганомъ, онъ былъ представленъ къ георгіевскому кресту. Съ нетерпѣніемъ Голиковъ ждалъ этой царской награды, и лишь только оправился отъ первой раны, выпросился въ отрядъ и опять поступилъ въ ряды роты. Капралъ, тутъ же лежавшій, взглянувъ на убитаго, замѣтилъ: «не дождался бѣдняга георгіев-

скаго креста, а ужъ какъ онъ интересовался».

Турки пристрѣлялись: снаряды ихъ ложились мѣтко; одна граната шлепнулась въ промежуткѣ между рядовыми 2-й роты Волковымъ и Ковалевымъ, лежавшими на шагъ разстоянія, но, къ счастью, не разорвалась, а только подняла столбъ пыли. Волковъ и Ковалевъ, очнувшись отъ сюрприза, осѣнили себя крестомъ. Подошедшій къ нимъ фельдфебель, увидѣвъ ихъ цѣлехонькими, весело сказалъ: «ну, братцы, теперича вамъ жить до самой смерти: вы свой чередъ миновали». Изъ слѣдующихъ гранатъ одна упала возлѣ штабсъ-капитана Мирзоева, а другая у ногъ поручика Середы, но и эти гранаты не разорвало.

Нѣсколько разъ эриванцы, по приказанію бригаднаго командира генерала Авинова, то подвигались впередъ, то отступали назадъ, съ цѣлью уменьшить дѣйствительность прицѣльнаго непріятельскаго огня. На этомъ флангѣ битвы, всѣ попытки турокъ продолжать наступленіе встрѣчали полное противодѣйствіе. Они, видя невозможность сбить эриванцевъ съ позиціи, стали отступать—очевидно, съ цѣлью заманить эриванцевъ подъ огонь своихъ батарей и скрытой пѣхоты; но на эту уловку турокъ эриванцы не поддались, а потому, три турецкихъ баталіона, ложно отступавшихъ, вернулись въ боевую линію.

Поручикъ Середа разсказываетъ, что, при отступленіи непріятеля, наши стрѣлки устроили по немъ охоту: звено 3-й стрѣлковой роты, подъ руководствомъ рядоваго Черникова, высмотрѣвъ, что группа турокъ, около 6-ти человѣкъ, устроила засаду въ лощинѣ, рѣшилось съ нею покончить. Черниковъ, а за нимъ его товарищи, стали на животахъ подползать къ лощинѣ и нѣсколько лѣвѣе ея, прикрываясь при этомъ травою перекати-поле. Подползши на дѣйствительный выстрѣлъ, звено дружнымъ залпомъ уложило трехъ человѣкъ, а трое бросились бѣжать. Когда Черниковъ съ товарищами вернулся въ цѣпь, то ротный командиръ сдѣлалъ ему выговоръ за то, что онъ такъ далеко выдѣлился изъ цѣпи. На это Черниковъ отвѣтилъ: «ваше благородіе, турки пустились на хитрость, вотъ мы ихъ за это и наказали».

Изъ дѣйствій противника видно было, что онъ, демонстрируя

противъ нашего праваго фланга, напрягалъ всѣ усилія отстоять Кизилъ-тапу и оттѣснить нашъ лѣвый флангъ, въ чемъ онъ и успѣлъ (30). Къ двумъ часамъ дня наши войска всей боевой линіи отошли на позицію. Ружейный огонь почти прекратился, только изрѣдка тамъ и сямъ еще слышались одиночные выстрѣлы среди артилерійской канонады.

Дальнѣйшій планъ нашихъ дѣйствій заключался въ томъ, чтобы, дождавшись прихода генерала Девеля, одновременно штурмовать Кизилъ-тапу съ трехъ сторонъ; но такъ какъ около четырехъ часовъ получено было извѣстіе, что колонна генерала Девеля ранѣе вечера не можетъ прибыть, то и рѣшено не приступать къ штурму, несмотря на нѣкоторый успѣхъ тифлисскаго полка.

Съ наступленіемъ сумерокъ канонада повсюду затихла. Непріятель сталъ отходить на новыя позиціи. Ночью эриванцы заняли свой лагерь, гдѣ, не раздѣваясь, были наготовѣ. Всѣ полагали, что турки съ утра возобновятъ битву. Въ бою 13-го августа полкъ понесъ сравнительно незначительныя потери: убито четыре нижнихъ чина; ранено два офицера и 36-ть нижнихъ чиновъ.

Вся же наша потеря простиралась до 991 человѣка; въ этомъ числѣ офицеровъ сорокъ два.

Нельзя пройти молчаніемъ того, что слѣдующую ночь послѣ кизилъ-тапинскаго боя, на караяльскія высоты, находившіяся теперь въ семи верстахъ передъ фронтомъ противника, были высланы только 1-й баталіонъ эриванцевъ и баталіонъ грузинцевъ, тогда какъ для обороны Караяла нужно по меньшей мѣрѣ два полка. Первый баталіонъ эриванцевъ, сознавая опасность своего положенія и зная, какъ важенъ для насъ Караялъ, всю ночь провелъ безъ сна, съ оружіемъ въ рукахъ. Маіоръ Нонне разсказывалъ, что онъ и офицеры сами слѣдили за плоскостью, разстилавшеюся отъ Караяла до турецкихъ позицій. Луна въ эту ночь слабо освѣщала равнину, а повремепамъ набѣгавшія тучки, то тамъ то сямъ, проявляли тѣни, въ видѣ темныхъ пятенъ. Всякое такое пятно, замѣченное на плоскости, вызывало подозрѣніе, не турки ли наступаютъ.

Эриванцы, въ такихъ опасныхъ случаяхъ, стояли чутко и съ

удвоенною энергіею отбывали службу. На нихъ велика надежда— имъ нужно оправдать довѣріе.

Нельзя не сознаться, что въ минувшую кампанію многія начальствующія лица выказали мало предпріимчивости, мало подвижности. Неоднократно приходилось слышать со стороны ихъ такія отговорки, такіе резоны: «чего я буду соваться? Невидаль какая—турецкая позиція! Пошлютъ, такъ съумѣю за себя постоять, а нужно будетъ умереть, такъ и умру». Вотъ фактъ: маіоръ фонъ-деръ-Нонне, будучи назначенъ на Караялъ, на всю ночь, тщательно осмотрѣлъ эти высоты, и убѣдясь, что для охраны ихъ нужна по крайней мѣрѣ бригада, доложилъ объ этомъ одному штабному полковнику. Но каково было его удивленіе, когда штабный полковникъ, ниразу не бывшій на Караялѣ, сталъ краснорѣчиво убѣждать маіора Нонне, что онъ заблуждается, что ему положительно нѣтъ никакой надобности прикрывать всей высоты, а что онъ долженъ только занять выдающійся мысокъ—на томъ основаніи, что остальная часть Караяла будетъ у него въ тылу. Горько ошибался штабный полковникъ и ошибался потому, что говорилъ наугадъ, ниразу тщательно не осмотрѣвъ всей высоты. Напротивъ, фронтъ Караяла тянется параллельно Аладжѣ, занятой турками, а мысокъ обращенъ къ г. Ягны, откуда наименѣе всего мы могли ожидать нападенія.

Самое лучшее время для наступательныхъ дѣйствій войскъ Мухтаръ-паши было 14-го и 15-го августа, когда нашъ лѣвый флангъ, находясь подъ вліяніемъ неудачи, стоялъ въ страшномъ безпорядкѣ около Огузлы. Не въ лучшемъ положеніи находились и войска кюрюкъ-дарпнскаго лагеря: онѣ были почти изолированы, и лагерь ихъ расположенъ перпендикулярно фронту противника на Аладжѣ. На лѣвомъ флангѣ кюрюкъ-дарпнскаго лагеря, въ разстояніи отъ $2^1/_2$ до 5-ти верстъ, возвышались караяльскія горы, которыя такъ слабо нами были заняты, какъ указано выше. Еслибы Мухтаръ-паша перешелъ въ наступленіе, то врядъ ли мы удержали бы Караялъ—этотъ стратегическій ключъ нашихъ позицій. 14-го и 15-го августа Караялъ былъ почти въ такомъ же положеніи, какъ Кизилъ-тапа передъ ея паденіемъ.

Между тѣмъ, Мухтаръ не извлекъ никакихъ выгодъ изъ боя

13-го августа, а напротивъ, спустивъ большую часть войска на плоскость, онъ еще болѣе растянулъ свой фронтъ и съ лихорадочною поспѣшностью возводилъ укрѣпленія на новыхъ позиціяхъ—готовясь къ оборонѣ.

Главная ошибка Мухтара заключалась въ томъ, что онъ упустилъ изъ вида занять учь-тапинскую высоту, которая нами тоже не была занята въ первые дни послѣ дѣла. Занятіемъ учь-тапинской позиціи, весьма сильной по природѣ, онъ оттѣснялъ нашъ лѣвый флангъ до пограничной р. Арпачая и угрожалъ нашему тылу.

Нерѣшительность турецкаго главнокомандующаго, а, можетъ быть, и недовѣріе его къ своимъ войскамъ, намъ дали возможность опомниться, занять выгодныя позиціи, укрѣпить ихъ и дождаться подкрѣпленій.

Результатъ кизилъ-тапинской битвы было тотъ, что турки прославили имя Мухтара, а султанъ, обрадовавшись побѣдѣ, далъ ему титулъ «гази», т. е. непобѣдимаго. Всѣ мусульманскіе народы, живущіе въ нашихъ провинціяхъ Кавказа, радовались его торжеству. Нѣтъ сомнѣнія, что появленіе турецкихъ войскъ на нашей территоріи послужило бы имъ сигналомъ къ общему возстанію съ оружіемъ въ рукахъ, противъ насъ. Тогда, пожалуй, Кавказъ былъ бы залитъ кровью, потому что мы очутились бы среди открытыхъ враговъ, какъ это было въ 1812, 1825 и 1854 годахъ: еще одинъ неудачный шагъ, одно проигранное сраженіе—и всѣ эти полудикіе народы, съ варварскимъ ожесточеніемъ, бросились бы на насъ; но въ такія трудныя годины сила Всевышняго и непоколебимое мужество солдата спасали насъ.

ГЛАВА VII.

Стоянка у Караяма. Встрѣча 1-го лейбъ-екатеринославскаго гренадерскаго полка. Трехдневный бой 20-го, 21-го и 22-го сентября.

16-го августа, Его Императорское Высочество Главнокомандующій армією изволилъ прибыть въ кюрюкъ-дарпинскій лагерь и принялъ начальство надъ войсками корпуса. Присутствіе Великаго Князя во главѣ корпуса произвело благотворное вліяніе на войска. Это можно было судить даже и по состоянію лагеря, который тотчасъ измѣнилъ свою внѣшность—повеселѣлъ. По вечерамъ, въ полкахъ и у ставки Его Высочества, расположенной на сѣдловинѣ между Караяломъ и коническою горою Кара-Гузы, загремѣла музыка, послышались пѣсни.

Вновь избранная нами позиція, отъ Караяла чрезъ Байрахтаръ до Учь-ташы, была покрыта рядомъ траншей и батарей. Особенно хорошо были заняты и приспособлены къ оборонѣ два фланговыхъ пункта: Караялъ и Учь-тапа. Караяльскую позицію обороняла 2-я бригада кавказской гренадерской дивизіи, съ артилеріею, и саперный баталіонъ, а у подножія Караяла, фронтомъ къ горѣ Ягны, расположены были эриванцы и грузинцы.

Солдаты охотно возводили укрѣпленія и трунили надъ турками, говоря: «ну-ка, турка, пожалуй теперь къ намъ въ гости, и мы тебя угостимъ; не все же тебѣ зарываться въ землю, какъ кроту».

30-го августа, въ день тезоименитства Его Императорскаго Величества, Главнокомандующій разрѣшить изволилъ полку—отправить Августѣйшему Шефу Государю Императору депешу слѣдующаго содержанія:

«Горный Студень. Его Императорскому Величеству. Лейбъ-эриванцы имѣютъ счастіе принести поздравленіе своему Августѣйшему Шефу съ днемъ тезоименитства и, зная о присутствіи Вашего Императорскаго Величества подъ Плевно, молятъ Всемогущаго о торжествѣ нашего оружія, завидуя тѣмъ войскамъ, которыя имѣютъ счастіе сражаться на глазахъ своего возлюбленнаго Монарха».

На эту телеграмму военный министръ генералъ-адъютантъ Милютинъ, по приказанію Государя Императора, отвѣтилъ нижеслѣдующее:

«Государь Императоръ благодаритъ свой доблестный эриванскій полкъ за принесенное поздравленіе и выраженныя чувства.

«Его Величество изволилъ поручить мнѣ увѣдомить, что бывшій товарищъ эриванцевъ флигель-адъютантъ полковникъ Шлиттеръ, вчера, 30-го августа, убитъ во главѣ своего архангелогородскаго полка при геройскомъ взятіи сильнаго турецкаго редута подъ Плевной» (31).

Извѣстія изъ южной арміи, послѣ взятія нами штурмомъ крѣпости Никополя, 3-го іюля, получались вообще неутѣшительныя; попытки наши взять штурмомъ плевенскія укрѣпленія 8-го, 18-го іюля и 30-го августа были отбиты войсками Османъ-паши и стóили намъ ужасающихъ жертвъ (32). Горсть нашихъ шипкинскихъ героевъ, оборонявшихъ этотъ проходъ въ Балканскихъ горахъ, съ неслыханнымъ самоотверженіемъ и усиліемъ отражала атаки арміи Сулейманъ-паши и едва отстояла свои позиціи въ теченіи 9-го, 10-го и 11-го августа, до прибытія генерала Радецкаго, съ подкрѣпленіемъ (33).

Дѣла нашего ріонскаго отряда, дѣйствовавшаго со стороны Батума, были далеко не въ блестящемъ положеніи. Послѣ кровопролитнаго цихисдзирскаго боя, 11-го іюня, наши войска отошли на позицію Муха-Эстате.

Въ ріонскомъ отрядѣ смертельно раненъ флигель-адъютантъ полковникъ Теріевъ, бывшій эриванецъ (34). Въ томъ же отрядѣ сильно раненъ, осколкомъ гранаты въ бокъ и руку, полковникъ Макѣевъ, долго служившій въ эриванскомъ полку и только передъ кампаніей выбывшій изъ полка, по случаю назначенія командиромъ 2-го кавказскаго стрѣлковаго баталіона.

Въ началѣ сентября откомандированы отъ полка гвардейскіе офицеры, по случаю выступленія гвардейскаго корпуса въ южную армію. Они оставили по себѣ самое пріятное воспоминаніе у начальства и товарищей.

Въ половинѣ сентября стала подходить эшелонами, въ караяльскій лагерь, 1-я гренадерская дивизія, совершивъ путь отъ Москвы. Эриванцы, по кавказскому обычаю, 14-го сентября, встрѣчали обѣдомъ 1-й лейбъ-екатеринославскій полкъ. Въ ознаменованіе этого случая, означенные два старѣйшіе полка, украшенные Императорскимъ вензелемъ и движимые безпредѣльною любовью, повергли къ стопамъ своего Шефа и Главнокомандующаго слѣдующія телеграммы:

«Горный Студень. Государю Императору. Два полка Имени Вашего Величества—екатеринославскій и эриванскій, сойдясь вмѣстѣ на кюрюкъ-даринскихъ поляхъ и провозглашая завдравный тостъ за драгоцѣнное здоровье Вашего Императорскаго Величества, имютъ счастье выразить чувства непоколебимой вѣрноподданнической преданности и готовности лечь костьми, ради славы и побѣды своему Августѣйшему Шефу». Подписали: флигель-адъютантъ полковникъ Нефловъ и подполковникъ Микеладзе.

«Его Императорскому Высочеству Главнокомандующему кавказскою арміею. Два дружно соединившіеся полка лейбъ-екатеринославскій и эриванскій, съ самыми лучшими и задушевными пожеланіями полнаго побѣднаго успѣха надъ врагами, провозгласили тостъ за драгоцѣнное здоровье своего Августѣйшаго Главнокомандующаго».

На вышеизложенныя депеши полкъ имѣлъ счастье удостоиться слѣдующихъ отвѣтовъ: отъ Его Величества:—«Караялъ, командиру лейбъ-гренадерскаго эриванскаго полка. Радуюсь, что мои гренадерскіе полки сошлись на славныхъ для эриванцевъ кюрюкъ-даринскихъ поляхъ; увѣренъ, что и тѣ, и другіе поддержатъ свою старинную славу, какъ эриванцы имѣли уже случай доказать на дѣлѣ. Представители ихъ, состоящіе въ моемъ конвоѣ, показали себя молодцами при переходѣ черезъ Дунай и 24-го августа подъ Ловчей. Александръ».

Отъ Его Высочества Главнокомандующаго: «Спасибо обоимъ лейбъ-гренадерскимъ полкамъ за депешу. Вполнѣ радуюсь, что оба славные полка будутъ съ честью соревноваться на бранномъ полѣ и радовать своего Августѣйшаго Шефа. Михаилъ».

Съ прибытіемъ въ карайльскій лагерь 1-й гренадерской дивизіи, астраханскаго казачьяго полка и двухъ донскихъ батарей, мы стали достаточно сильнѣе противника. Въ лагерѣ только и разговора было, что о наступленіи на позицію Мухтаръ-паши. Каждый стратегъ чертилъ свой планъ атаки и доказывалъ его выгоды. Между такого рода сужденіями, большинство старыхъ кавказскихъ офицеровъ сходилось въ одномъ; они говорили: надо зайти въ тылъ непріятелю, завладѣть орлокскими высотами и оттуда вести главную атаку. Противъ же фронта, то есть—Кизилъ-тапы, Суботана и обоихъ Ягны держать только войска въ оборонительныхъ позиціяхъ, прикрывъ ихъ траншеями.

Дня за два или за три до 20-го сентября, стали ходить тайные слухи о скоромъ наступленіи на турокъ, которые, съ 13-го августа вплоть до 20-го сентября, безъ устали трудились надъ возведеніемъ укрѣпленій. Весь фронтъ ихъ отъ Ипаха включительно до м. Ягны, на протяженіи 30-ти верстъ, былъ изрытъ вдоль и поперегъ прекрасными траншеями; особенно они хорошо укрѣпили и вооружили Кизилъ-тапу и м. Ягны, поставивъ туда даже орудія большихъ калибровъ. Въ этомъ періодѣ времени Мухтаръ располагалъ 54-мя баталіонами, 10,000-ми кавалеріи и 16-ю батареями; сверхъ того, въ карскомъ гарнизонѣ было 29 баталіоновъ, 3,000 копей, 3 батареи и 184 крѣпостныхъ орудія (38).

Для уясненія плана битвы, необходимо сказать нѣсколько словъ о нашей диспозиціи. Главнымъ силамъ корпуса въ азіятской Турціи, въ составѣ 60¼ баталіоновъ, 76-ти эскадроновъ и сотенъ, съ 228 орудіями, ставилось въ задачу, на 20-е сентября, атаковать части войскъ карскаго гарнизона, выдвинувшіяся къ м. и б. Ягны и Визинъ-кею для поддержанія лѣваго фланга арміи Мухтаръ-паши. Съ этою цѣлью, наши войска раздѣлены были на два крыла: правое и лѣвое. Въ составъ праваго крыла вошли 32 баталіона, 34 эскадрона и сотни и 104 орудія. Войскамъ этого крыла предписывалось, удерживая частью силъ лѣвый флангъ Мухтаръ-паши, расположенный отъ Хаджи-Вали до Суботана, и препятствуя движенію его на помощь карскимъ отрядамъ, атаковать всѣми остальными силами отдѣлившіяся части непріятеля и нанести ему

возможное полное пораженіе.

Въ составъ лѣваго крыла, подъ начальство генералъ-лейтенанта Лазарева, вошли 11¼ баталіоновъ, 15 эскадроновъ и сотенъ и 40 орудій. Этимъ войскамъ предписывалось занять кюльверанскія высоты и часть баш-кадыкляро-кюльверанской балки, а главное—онѣ должны были удерживать войска праваго непріятельскаго флапга, дѣйствуя на него преимущественно артилерійскимъ огнемъ. Для прикрытія укрѣпленій на горѣ Учь-тапа оставлены двѣ роты, двѣ сотни и 4-ре орудія, а для прикрытія Караяла—баталіонъ александропольскаго крѣпостнаго полка и 16-ть орудій. Общій нашъ резервъ состоялъ изъ первыхъ полковъ дивизій—эриванскаго, екатеринославскаго и имеретинскаго, 12-ти эскадроновъ и сотенъ и 52 орудій, подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Шатилова. Сверхъ того, небольшой отрядъ генералъ-маіора Шелковникова, изъ 5½ баталіоновъ, 10-ти сотенъ и 12-ти орудій, сформированный за нѣсколько дней до битвы, долженъ былъ дѣйствовать на аладжинскихъ горахъ, въ тылу турецкой арміи.

Эриванскій полкъ, еще 18-го числа вечеромъ, былъ высланъ къ Учь-тапѣ для подкрѣпленія байрахтарскаго лагеря, такъ какъ отсюда былъ выдѣленъ отрядъ Шелковникова къ камбинскому посту. Простоявъ сутки на байрахтарской позиціи. эриванцы, въ сумеркахъ, 19-го числа, получили приказаніе—вернуться обратно къ Кюрюкъ-Дара и занять указанное имъ мѣсто въ резервной колоннѣ генерала Шатилова; но, прежде выступленія, на полкъ было возложено порученіе: развести возможно большее число костровъ, съ цѣлью замаскировать уходъ нашихъ войскъ съ Байрахтара. Вскорѣ сотни костровъ запылали на Байрахтарѣ; затѣмъ. эриванцы, соблюдая строжайшую тишину, двинулись къ Кюрюкъ-Дара, по мѣстности пересѣченной и сплошь усѣянной камнями.

Ночь передъ боемъ стояла темная, холодная. Подъ покровомъ ея, наши войска совершали передвиженіе, отыскивая въ темнотѣ опредѣленныя имъ диспозиціею мѣста; нѣкоторые полки. не имѣя проводниковъ, блуждали.

За нѣсколько часовъ до разсвѣта, эриванскій полкъ сталъ бивакомъ невдалекѣ отъ своего кюрюкъ-даринскаго лагеря, откуда па-

латки и тяжести были перевезены въ вагенбургъ. Возлѣ эриванскаго бивака во весь остатокъ ночи то и дѣло двигались одиночные пѣхотинцы, всадники и повозки, спрашивая, куда ушелъ такой-то полкъ или такая-то батарея, и получивъ неудовлетворительный отвѣтъ, эти отсталые люди задавали себѣ вопросы: куда же теперь идти въ темнотѣ? Эриванцамъ не спалось, несмотря на только-что слѣланный переходъ. Мысли лѣзли неотвязчиво; всякій зналъ, что съ утра начнется упорный бой; но чѣмъ онъ окончится? . . . Неужели мы испытаемъ неудачу? Неужели не добьемся до благопріятныхъ результатовъ? Нѣтъ, надо надѣяться. Войска свое дѣло сдѣлаютъ, лишь бы цѣль опредѣлена была ясно, и вѣрно намѣчены пункты атаки,—тѣмъ болѣе, что подкрѣпленій неоткуда больше ожидать, все уже собрано;—надо одолѣть. Такъ думали эриванцы, и думу свою рѣшились осуществить во что бы то ни стало. Въ эти минуты самые болтливые люди сосредоточились, притихли.

Передъ разсвѣтомъ сильно стемнѣло; затѣмъ, начало брезжить. Всѣ офицеры и солдаты чутко навострили уши, стали прислушиваться: откуда раздадутся первые выстрѣлы. Но вездѣ царила мертвая тишина, нигдѣ не было слышно ни звука, ни голоса, ни даже шелеста вѣтерка—этого вѣчнаго спутника разсвѣта. Вскорѣ съ нашей стороны, по направленію къ горѣ Кабахъ-тапа, показались группы всадниковъ. То ѣхалъ нашъ чеченскій иррегулярный полкъ, который еще къ 11-ти часамъ ночи долженъ былъ стоять на сообщеніи между Карсомъ и м. Ягны,—а онъ только въ 6-ть часовъ утра былъ на половинѣ дороги къ этой горѣ. Полкъ ѣхалъ въ безпорядкѣ. Въ рядахъ эриванцевъ послышалось замѣчаніе: «плохая на нихъ надежда». Дѣйствительно, эти мусульманскіе полки причиняли намъ больше вреда, чѣмъ пользы.

Между тѣмъ, криковъ «ура» и выстрѣловъ все еще не было, а эриванцы почему-то полагали, что наши должны ворваться въ турецкія укрѣпленія непремѣнно до свѣта.

Отъ Караяла къ Кабахъ-тапѣ вытянулась линія телеграфныхъ столбовъ; туда же проѣхалъ командующій корпусомъ Лорисъ-Меликовъ.

Наконецъ, въ 6-ть часовъ утра раздались два турецкіе сигналь-

ные выстрѣла съ горы м. Ягны. а черезъ четверть часа загремѣли первые наши орудійные выстрѣлы противъ укрѣпленій на б. Ягны. Снаряды ложились мѣтко. Въ бинокль стали видны наши войска. поднимавшіяся вразсыпную по ложбинамъ горы. Подъемъ на вершину б. Ягны чрезвычайно крутъ и продолжителенъ—болѣе версты.

Турки открыли учащенную стрѣльбу изъ своихъ шибоди. Орудій на б. Ягны не было. Нашъ 1-й кавказскій стрѣлковый баталіонъ и 3-й баталіонъ несвижскаго полка, несмотря на бѣглый огонь и крутизну, поднимались безостановочно. Это были рѣшительныя минуты. Эриванцы съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдили за каждымъ шагомъ. Съ другой стороны на б. Ягны тоже стали подниматься какія-то войска: явилось сомнѣніе. наши ли это. или турки. Вскорѣ сомнѣніе разсѣялось: по взбиравшимся войскамъ открыли изъ редута огонь; стало быть—наши. Вотъ, уже наши близко; вотъ, передовые у бруствера; турки стрѣляютъ рѣже. Наконецъ, наши ворвались въ укрѣпленіе: стрѣльба умолкла, турки бѣгутъ.

Одновременно съ движеніемъ на б. Ягны. наша артилерія открыла усиленную канонаду по укрѣпленіямъ м. Ягны. Турки изъ своихъ дальнобойныхъ и крѣпостныхъ орудій отвѣчали тѣмъ же. Колонна генералъ-маіора фонъ-Шака тоже вступила въ дѣло противъ Суботана. Лѣвое наше крыло обстрѣливало Кизилъ-тапу. Вскорѣ бой распространился на протяженіи почти сорока верстъ. Изъ Карса, въ подкрѣпленіе къ м. Ягны, была выслана часть войскъ гарнизона, которая успѣла занять позицію на откосахъ м. Ягны. Тифлисскій гренадерскій полкъ, поддерживаемый владикавказцами и кавалеріей, сбилъ турокъ, вышедшихъ изъ Карса, и преслѣдовалъ ихъ почти до деревни Колоны-кея, такъ что изъ карскихъ укрѣпленій было сдѣлано по нашимъ войскамъ нѣсколько выстрѣловъ. Въ это время перновцы и пятигорцы, оставшіеся противъ м. Ягны, пытались штурмовать эти высоты, но были встрѣчены до того сильнымъ перекрестнымъ огнемъ изъ траншей, что вынуждены были остановиться на полугорѣ, за неровностями. Дальше не было возможности продолжать штурмъ. Перновцы, въ особенности, понесли большой уронъ.

И такъ, штурмъ нашъ на м. Ягны не увѣнчался успѣхомъ.

Главная причина неудачи на этомъ пунктѣ заключалась въ томъ, что колонна генерала Роопа, назначенная для штурма м. Ягны, настолько запоздала, что выпедшая изъ Карса часть гарнизона успѣла прибыть въ помощь къ м. Ягны ранѣе, нежели наши войска повели на него рѣшительную атаку. Такимъ образомъ, мы вынуждены были, для отраженія вылазки, отдѣлить почти половину войскъ.

Естественно, оставшихся войскъ было недостаточно для штурма сильно укрѣпленной высоты: въ виду этого, съ противуположной, южной стороны, по занятіи б. Ягны, были направлены изъ резерва три баталіона грузинцевъ для поддержанія атаки на м. Ягны, но такъ какъ войска, дѣйствовавшія противъ м. Ягны, не имѣли общей связи, то не могли поколебать защитниковъ горы.

Генералъ Роопъ тремя телеграммами просилъ подкрѣпленій; но такъ какъ въ это время не только всѣ частные резервы были введены въ бой, но изъ главнаго резерва уже взяты—одинъ полкъ на лѣвое крыло, а другой къ Суботану, гдѣ турки съ ожесточеніемъ наѣдали на мингрельскій полкъ, то Его Высочество изволилъ приказать телеграфировать слѣдующее: «екатеринославскій къ Шаку, имеретинскій къ Лазареву, эриванцевъ послать нельзя; поэтому, если нѣтъ вѣрныхъ шансовъ овладѣть м. Ягны, то лучше отъ нихъ отойти».

Эриванскій полкъ нуженъ былъ для прикрытія нашего стратегическаго пункта—горы Караяла, а равно и на случай критическаго момента при дальнѣйшемъ ходѣ сраженія. Между тѣмъ, эриванцы горѣли нетерпѣніемъ вступить въ бой: всякій скакавшій адъютантъ возбуждалъ вниманіе и вызывалъ предположеніе: не за нами ли? Но адъютанты, къ неудовольствію эриванцевъ, скакали мимо.

Около 10-ти часовъ утра, вдали, на вершинахъ Аладжи, показались дымки въ видѣ небольшихъ облачковъ. Это—отрядъ Шелковникова появился въ тылу у турокъ. Всѣ радостно заговорили: «смотрите, смотрите, наши дымки опускаются ниже; значитъ, тѣснятъ турокъ. Жаль, что у Шелковникова мало силъ, а то онъ могъ бы окончательно отрѣзать путь отступленія Мухтару».

Дѣйствительно, отрядъ Шелковникова, своимъ появленіемъ на высотахъ Аладжи, сильно поколебалъ духъ Мухтара; онъ считалъ

что все потеряно, но вскорѣ убѣдился, что отрядъ нашъ невеликъ, а потому понемногу ободрился и сталъ стягивать сюда свои войска.

Къ 12-ти часамъ дня, уже вокругъ небольшаго отряда Шелковникова сосредоточилось до 10-ти таборовъ и четыре орудія: затѣмъ, силы турокъ все болѣе и болѣе росли, а вмѣстѣ съ тѣмъ росла и ихъ самоувѣренность, такъ что они двинулись даже въ атаку, но были блистательно отбиты. Къ этому времени шесть таборовъ отъ Кизилъ-Гула зашли въ тылъ Шелковникову и стали оцѣплять нашъ отрядъ все тѣснѣе и тѣснѣе. Положеніе Шелковникова было въ высшей степени критическое. Онъ въ теченіи шести часовъ защищался противъ непріятеля, нѣсколько разъ превосходившаго его въ силахъ, разстрѣлялъ патроны и несъ огромныя потери отъ перекрестнаго учащеннаго огня турокъ. Между тѣмъ, геройское самоотверженіе его отряда не приносило главнымъ нашимъ силамъ никакой пользы. Въ виду этого, Шелковниковъ рѣшился, для спасенія отряда, отступить, и совершилъ это съ изумительною находчивостью и безстрашіемъ, унеся съ собою и раненыхъ. Потеря его простиралась до 522-хъ человѣкъ.

Часамъ къ тремъ пополудни, бой на всѣхъ пунктахъ перешелъ въ сильную перестрѣлку: ни мы, ни турки не предпринимали никакихъ наступательныхъ движеній. Такого рода бой тянулся до ночи, и войска заночевали на полѣ битвы. И такъ, программа диспозиціи была только отчасти исполнена. Неудача противъ м. Ягны затормозила успѣхъ дѣла: къ тому же, растянутость боевой линіи на огромномъ протяженіи не дала возможности своевременно стягивать войска въ пункты, гдѣ отъ незначительнаго подкрѣпленія зависѣлъ успѣхъ боя. Съ наступленіемъ сумерокъ, 1-й и 4-й баталіоны эриванцевъ передвинуты были на Карааялъ, для занятія траншей и прикрытія ставки Его Высочества Главнокомандующаго арміею. Въ общемъ резервѣ остались 2-й и 3-й баталіоны эриванцевъ. Всю ночь убирали, перевозили и переносили раненыхъ къ перевязочнымъ пунктамъ и въ карааяльскіе временные госпитали.

Ночь на 21-е число стояла чрезвычайно темная, холодная;

термометръ показывалъ по реомюру нуль тепла. На бивакахъ, какъ нашихъ, такъ и турецкихъ, только кое-гдѣ горѣли огоньки. На правомъ нашемъ флангѣ кавалерія зажгла сухую траву. Видъ былъ прекрасный: цѣлое поле покрылось огненными языками. Но эта восхитительная картина мало кого интересовала; въ эту ночь было не до нея. Эриванскаго полка штабсъ-капитанъ Брюннели, завѣдывавшій дивизіоннымъ лазаретомъ, передаетъ слѣдующее: «на перевязочномъ пунктѣ у Кабахъ-тапы въ теченіи ночи раздавались неумолкаемые стоны и все одна, раздирающая душу, просьба раненыхъ: «водицы дайте, братцы, водицы! Ваше благородіе, прикажите дать глоточекъ водицы, промочить засохшій языкъ и горло.» Но эти вопли несчастныхъ не могли быть и наполовину удовлетворены, такъ какъ вода для самоваровъ и питья подвозилась за 25 верстъ, а раненыхъ была масса. Корпусный командиръ, съ своею свитою, провелъ ночь на вершинѣ Кабахъ-тапы, которую турки за день до битвы окопали траншеями и ровиками для стрѣлковъ, но не успѣли занять. Рѣдко кому въ эту ночь удалось уснуть. Около полуночи раздались громкіе крики «ура» и нѣсколько орудійныхъ выстрѣловъ: то наши охотничьи команды пробивались сквозь турецкую цѣпь къ водѣ. Въ три часа пополуночи охотники повторили нападеніе у Суботана.

Эриванцы ночь провели безъ тревогъ. На разсвѣтѣ, 1-й и 2-й баталіоны получили приказаніе присоединиться къ 3-му и 4-му баталіонамъ, составлявшимъ общій резервъ.

Второй день битвы, 21-го сентября, начатъ артилерійскою перестрѣлкою. Къ полудню канонада умолкла. Войска нашего праваго крыла были сосредоточены между б. Ягны и Хаджи-Вали. Колонна Комарова стянулась, внѣ выстрѣловъ, передъ м. Ягны. Лѣвое крыло образовало полукружіе противъ Кизилъ-тапы. Теперь весьма нелишнее сказать нѣсколько словъ о мѣстности, на которой наши войска оперировали: все пространство между Кюрюкъ-Дара, Ягны, Суботаномъ и Парветомъ представляетъ безводную, всхолмленную равнину, поперечникъ которой не менѣе 20-ти верстъ. На южной сторонѣ равнины, у подножія аладжинскихъ горъ, протекаетъ рѣчка Маврякъ-чай, занятая турками, а такъ какъ наши войска были надвинуты къ турецкимъ позиціямъ, то приходилось

подвозить воду на поле битвы почти за двадцать верстъ въ одинъ конецъ. Вслѣдствіе такой удаленности отъ воды, на другой день битвы недостатокъ ея оказался еще ощутительнѣе. Съ Караяла были высланы всѣ имѣвшіеся тамъ бурдюки и бочки, наполненные водою, но всей этой воды далеко не хватало, чтобъ утолить жажду только нижнихъ чиновъ. Къ тому же, дни стояли солнечные; сухая пища—сухари, хлѣбъ и говядина, еще болѣе усиливала жажду. Многіе солдаты, мучимые жаждою, за 20-ть верстъ отправлялись съ манерками за водой. Нѣкоторые изъ нихъ, не дойдя до воды, умирали отъ жажды, и были случаи умопомѣшательства. Въ такомъ ужасномъ состояніи нѣсколько солдатъ попало въ плѣнъ къ туркамъ. Въ особенности, изнемогала отъ жажды первая боевая линія,—что давало туркамъ 50-ть процентовъ на успѣхъ дѣла: но, несмотря на это, наши войска мужественно удерживали за собою занятыя позиціи. Около четырехъ часовъ пополудни, на непріятельскихъ позиціяхъ между Суботаномъ и Кизилъ-тапою замѣчено было передвиженіе войскъ. Всѣ наши бинокли были направлены въ ту сторону. Вскорѣ ясно обнаружилось, что около 10-ти баталіоновъ, прикрытые кавалеріею, наступаютъ къ нашимъ батареямъ, устроеннымъ впереди Караяла. Артилерія ихъ выдвинулась впередъ на позицію. Вскорѣ всѣ батареи нашего лѣваго крыла по нимъ открыли страшную канонаду; нѣкоторыя батареи стрѣляли залпами. Густыми линіями подвигалась впередъ турецкая пѣхота; видимо, она расчитывала, что нашъ центръ слабъ и ей удастся прорвать его. Снаряды турокъ начали падать у подножія Караяла, на вершинахъ коего находился Его Высочество съ своею свитою и корреспонденты. Начальникъ лѣваго крыла генералъ Лазаревъ, лишь только замѣтилъ группированіе турецкихъ войскъ за Кизилъ-тапою, тотчасъ испросилъ разрѣшеніе усилить эриванцами колонну полковника кн. Амираджиби, которую собирались атаковать турки. На подмогу Амираджиби сначала двинутъ 3-й баталіонъ маіора Меликова, непринимавшій до этого прямаго участія въ битвахъ и желавшій сразиться съ турками, а затѣмъ—2-й баталіонъ князя Путятина. Меликовъ скрытно выдвинулъ свой баталіонъ на позицію правѣе батарей и укрылъ его въ лощинѣ.

Всѣ съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдили, чѣмъ розыграется бой. Турки уже близко, уже отчетливо видны ихъ красныя фески; еще минута—и они съ крикомъ «алла» брасаются къ батареямъ. Вдругъ, наша скрытая пѣхота встрѣчаетъ ихъ выдержаннымъ огнемъ и бросается стремительно на «ура». Непріятель не могъ устоять противъ мѣткаго огня и молодецкаго удара: его офицеры, съ саблями наголо, стараются удержать бѣгущихъ, но все напрасно: они въ смятеніи летятъ безъ оглядки, бросая свои пибоди. Торжественны были для насъ эти минуты. Солдаты, зная, что Его Высочество, съ Карайла, слѣдитъ за ними, преисполненные отваги, съ неудержимою силою, понеслись впередъ, чтобъ своею молодецкою удалью порадовать Августѣйшаго Главнокомандующаго. Впереди другихъ наступалъ 3-й баталіонъ эриванцевъ; при чемъ, командиръ 3-й стрѣлковой роты поручикъ Середа, шедшій во главѣ боевой линіи, занялъ первые турецкіе стрѣлковые ложементы: но такъ какъ турки сильно обстрѣливали ихъ ружейнымъ перекрестнымъ огнемъ съ Кизилъ-тапы и Кюльверана, то Середа быстро сообразилъ и рѣшилъ такъ: остаться въ сферѣ перекрестнаго огня—безцѣльно и гибельно, отступать—опасно, а лучше наступать. Въ силу такого рѣшенія, онъ далъ свистокъ «впередъ». Стрѣлки, послушные его призыву, бросились впередъ, увлекая за собою другихъ. За стрѣлками, въ ближайшей поддержкѣ, наступали 7-я и 8-я роты. Вскорѣ непріятельская цѣпь, засѣвшая за окраиной оврага Маврякъ-чая, была опрокинута. По ея пятамъ Середа, съ отважнѣйшими людьми, достигъ траншеи, устроенной на правомъ берегу Маврякъ-чая и занялъ наружный ея ровъ. Турки находились во внутреннемъ рву: только земляная насыпь отдѣляла отъ нихъ нашихъ молодцовъ. Задача предстояла трудная,—надо было выбить турокъ изъ траншеи. Поручику Середѣ удалось выполнить это такимъ образомъ: онъ приказалъ подпоручику Моисѣеву штурмовать правый ея флангъ, фельдфебелю Бубанцу—лѣвый, а самъ сталъ дѣйствовать въ центрѣ. Бубанецъ, размозживъ голову двумъ туркамъ, высунувшимся изъ за бруствера, ворвался съ нѣсколькими солдатами, съ фланга, въ траншею. Тутъ началась страшная бойня: стрѣляютъ и колятъ съ злобною запальчивостью. Турки, взятые во флангъ,

мгновенно очищаютъ траншею и бѣгутъ къ верхнимъ укрѣпленіямъ, подъ страшнымъ огнемъ нашихъ берданокъ. Середа не приказалъ далѣе наступать; благоразуміе требовало остановиться: резервы наши были далеко, и уже сильно вечерѣло. Во взятой траншеѣ найдено 36-ть ящиковъ съ патронами, которые, по приказанію Середы, были сброшены въ трясину и потоплены. Блистательная рѣшимость этого молодаго офицера укрѣпила за нами поле битвы и дала возможность подобрать нашихъ раненыхъ и убитыхъ.

Наступившая ночь прекратила бой повсюду. Турки дорого поплатились за свою отвагу. Санитары разсказывали: «на каждаго нашего раненаго приходилось по десятку басурманъ». Эриванцамъ стóила эта молодецкая атака и взятіе траншеи—убитыми 11-ть, ранеными: прапорщика Семенова и 61-го нижняго чина.

По удостоенію кавалерской думы, маіоръ Меликовъ награжденъ георгіевскимъ крестомъ 4-й ст.; а поручики: Середа, Шервашидзе и Чикоидзе владимірскими крестами. Его Высочество пожаловалъ въ роты 3-го баталіона 40 знаковъ отличія, наиболѣе отличившимся нижнимъ чинамъ. Съ наступленіемъ ночи, 2-й баталіонъ, непринимавшій прямаго участія въ бою, занялъ аванпосты по лѣвому берегу Маврякъ-чай, противъ Кюльверана; 1-й же и 4-й баталіоны опять расположились въ траншеяхъ на Караялѣ и выставили караулъ къ ставкѣ Его Высочества. 3-й баталіонъ собранъ былъ на позицію у батарей.

Ночью, на 23-е сентября, наше правое крыло, по приказанію корпуснаго командира, было отодвинуто назадъ, на линію горы Кабахъ-тапы, и оставлены нами б. Ягны. Линія Кабахъ-тапы укрѣплена. Движеніе это вызвано было необходимостью, чтобы дать войскамъ возможность приблизиться къ водѣ. Турки, замѣтивъ утромъ, что б. Ягны нами брошены и войска отодвинуты, перешли въ наступленіе, выставивъ три дальнобойныхъ батареи: одну ниже м. Ягны, другую на скатѣ б. Ягны, и третью у Хаджи-Вали. Такимъ образомъ, непріятельская артилерія обстрѣливала Кабахъ-тапу перекрестно. Турецкая цѣпь открыла огонь далѣе, чѣмъ съ 2,000 шаговъ. Наша цѣпь, укрытая за неровностями и въ траншеяхъ, не отвѣчала на ихъ огонь. Когда же цѣпь противника придвинулась

на дѣйствительную дистанцію, то наши стрѣлки бѣглымъ огнемъ охладили порывъ турокъ и заставили ихъ, наконецъ, отойти. На другихъ пунктахъ бой почти не возобновлялся; только съ Кизилъ-тапы изрѣдка перестрѣливались наши батареи. Вечеромъ, когда стемнѣло, турки отошли на позицію, которую занимали до боя, а наши войска—къ Караялу и Байрахтару, кромѣ отряда генерала фонъ-Шака, оставленнаго на Кабахъ-тапѣ, и первой бригады кавказской гренадерской дивизіи, съ ея артилеріею, и тверскимъ драгунскимъ полкомъ, поставленныхъ впереди Караяла, у развалинъ Джамушъ-Бугантъ. Всѣ эти войска составили авангардъ корпуса, подъ командою генералъ-лейтенанта Геймана. Результатомъ трехдневнаго боя было то, что господство надъ равниною, между Ягны и Караяломъ, перешло къ намъ, и силы турецкой арміи были сильно поколеблены. Послѣднее заключеніе вскорѣ оправдалось отступленіемъ турокъ на Аладжу: но этихъ результатовъ мы достигли цѣною громадныхъ жертвъ. Убито: офицеровъ 8, нижнихъ чиновъ 484; ранено: офицеровъ 84, нижнихъ чиновъ 2,571: контужено: офицеровъ 46, нижнихъ чиновъ 196: пропало безъ вѣсти нижнихъ чиновъ 73. Всего выбыло изъ строя: офицеровъ 138, нижнихъ чиновъ 3.326.

У турокъ показана потеря до 1,000 убитыми и около 3.500 ранеными.

ГЛАВА VIII.

Бой у Суботана 27-го сентября.

Черезъ четыре дня послѣ трехдневнаго боя, Мухтаръ-паша, сосчитавъ свою убыль ([35]), пришелъ къ убѣжденію, что далѣе оставаться на равнинѣ и занимать Кизилъ-тапу невозможно. На этомъ основаніи, онъ, въ ночь съ 26-го на 27-е сентября, приказалъ войскамъ очистить Кизилъ-тапу и отступить на прежнія свои аладжинскія верхнія позиціи, занимавшіяся ими до 13-го августа, т. е. до кизилъ-тапинскаго боя. Въ ту же ночь онъ отправилъ въ Карсъ

тяжести, больныхъ и крѣпостныя орудія.

Эта пріятная для насъ новость сдѣлалась извѣстною только утромъ, 27-го сентября, хотя мы могли получить тѣ же свѣдѣнія еще ночью отъ лазутчика; но, къ сожалѣнію, онъ былъ, по недоразумѣнію, задержанъ на аванпостахъ.

Около девяти часовъ утра, какъ только съ караульскаго наблюдательнаго пункта было усмотрѣно, что Кизилъ-тапа дѣйствительно очищена турками, тотчасъ была послана впередъ отъ Караяла и Паргета кавалерія; вслѣдъ за нею приказано двинуться изъ авангарднаго лагеря 1-й бригадѣ кавказскихъ гренадеръ, а отъ Кабахъ-тапы мингрельскому полку и первому кавказскому стрѣлковому баталіону.

Въ эриванскомъ полку только-что готовились обѣдать, какъ вдругъ, изъ палатки командира полка послѣдовало приказаніе «живо, валить палатки и сносить въ обозъ! Полкъ сейчасъ выступаетъ». Все поднялось на ноги, а вмѣстѣ съ тѣмъ поднялся и неизбѣжный въ этихъ случаяхъ шумъ, говоръ, бѣготня. Команды, посланныя еще съ утра за водою въ Кюрюкъ-Дара, возвращались оттуда бѣгомъ. Обѣдать было некогда. Раздалась команда: «становись въ ружье!» Быстро полкъ собрался и выстроился впереди своего бивака. Генералъ Гейманъ, съ свойственною ему молодцоватостью, объѣхалъ баталіоны, батареи и двинулъ ихъ къ Суботану. Эриванцы и грузинцы, соревнуя другъ другу, шли бойкимъ, смѣлымъ шагомъ, подъ начальствомъ своего бригаднаго командира генерала Авинова.

Полкъ наступалъ въ слѣдующемъ порядкѣ: впереди—цѣпь, охотники; за ними—2-я и 3-я стрѣлковыя роты тонкимъ строемъ, за которыми ѣхала батарея въ развернутомъ фронтѣ, имѣя по флангамъ остальныя роты 2-го и 3-го баталіоновъ. Въ восьмистахъ шагахъ за первою липіею двигались 1-й и 3-й баталіоны, въ колоннахъ изъ середины, въ разомкнутомъ порядкѣ (36).

Подойдя къ Суботану безъ выстрѣла, весь полкъ первоначально былъ направленъ вправо—для занятія деревни Хаджи-Вали: но такъ какъ въ это время наши батареи, подъ прикрытіемъ только охотничьей команды, стали уже подниматься на правый берегъ Маврякъ-чая и занимать по окраинѣ его позицію, то генералъ Гей-

манъ лично приказалъ 9-й ротѣ поручика Крайскаго—прикрывать батарею съ праваго фланга, а вслѣдъ затѣмъ, туда же направилъ весь 2-й баталіонъ маіора князя Путятина.

По мѣрѣ того, какъ наши батареи устанавливались на позиціи, онѣ тотчасъ вступали въ состязаніе съ турецкими и вскорѣ заставили замолчать ближайшую къ намъ, взорвавъ на ней зарядный ящикъ. Одновременно съ открытіемъ артилерійскаго огня, турецкая пѣхота, спустившись съ Аладжи и занявъ нижній рядъ траншей, а также расположившись за камнями и скалистыми обрывами по склону Аладжи, открыла многоярусный огонь изъ своихъ ниводи. Охотники и 9-я рота первыми вступили въ бой; затѣмъ, на усиленіе ихъ была разсыпана 2-я рота, а правѣе ея—4-я стрѣлковая рота. Остальныя роты 2-го баталіона, пройдя Маврякъ-чай, расположились въ ближайшей поддержкѣ за цѣпью, въ разстояніи отъ нея 200—300 шаговъ.

Три роты 4-го баталіона, по указанію генерала Геймана, заняли на правомъ берегу Маврякъ-чая оставленный турками люнетъ. Здѣсь, подъ турецкими гранатами, находились: генералъ Гейманъ и полковой командиръ флигель-адъютантъ полковникъ Толстой. Весь 1-й баталіонъ сталъ въ лощинѣ западнѣе люнета, а три роты 3-го баталіона заняли деревню Хаджи-Вали. Лѣвѣе эриванскаго полка и батарей расположились грузинцы. Такимъ образомъ, эти два полка, съ своими батареями, заняли правый берегъ Маврякъ-чая и прочно утвердились на немъ, въ разстояніи 500—600 шаговъ отъ туровъ. На грузинцевъ турки попытались даже произвести атаку, съ цѣлью, конечно, отбросить ихъ за Маврякъ-чай; но, за свою отвагу, были жестоко наказаны мѣткимъ огнемъ грузинцевъ, такъ что, не доведя атаку и до половины, бросились обратно, потерявъ много убитыми и ранеными.

Послѣ неудавшейся атаки, они не возобновляли ее больше, а до самой ночи не переставали извергать массу ружейнаго огня. Они стрѣляли большею частью не цѣлясь, давая при этомъ ружьямъ большой уголъ возвышенія, такъ что роты, находившіяся въ ближайшихъ поддержкахъ, несли сравнительно огромный уронъ. Нѣкоторыя турецкія пули падали непомѣрно далеко. Одна изъ та-

ихъ шальныхъ пуль ранила на перевязочномъ пунктѣ полковаго священника Дормидонта Поповицкаго въ то время, когда онъ напутствовалъ умирающаго. Пуля попала въ спину и вышла въ грудь. Всѣ полагали, что дни батюшки сочтены, такъ какъ такія раны рѣдко излечиваются; но Всевышнему угодно было сохранить жизнь тому, который, съ крестомъ въ рукахъ, облегчалъ страданія раненыхъ воиновъ и напутствовалъ теплою молитвою переходящихъ въ жизнь вѣчную. Батюшка черезъ мѣсяцъ оправился отъ тяжкой раны и потомъ въ Манглисѣ исполнялъ свои обязанности.

Турки особенно сильно обстрѣливали пространство, занятое 2-й стрѣлковой, 4-й и 9-й ротами. Съ полудня и до вечера, цѣлыми роями проносились пули надъ этими ротами, не упуская случая и обсыпать ихъ. Командиръ 2-й стрѣлковой роты штабсъ-капитанъ Савоніусъ во все время огневаго боя стоялъ въ цѣпи на открытомъ мѣстѣ, куря трубку за трубкой. Лежавшіе возлѣ него въ цѣпи командиры: 9-й роты поручикъ Крайскій уже былъ два раза контуженъ, поручикъ Алексѣевъ раненъ, подпоручикъ Завиесцкій два раза раненъ (второй разъ онъ получилъ жестокую рану). Однако, несмотря на такую огромную убыль товарищей, Савоніусъ продолжалъ стоять. Онъ разсуждалъ такъ: турки обстрѣливаютъ весь раіонъ, находящійся въ сферѣ ихъ огня: пули ихъ поражаютъ случайно, а потому, все равно—стой или лежи: они не цѣлятъ въ предметъ, а поражаютъ пространство. Между тѣмъ, стрѣлки Савоніуса, видя, съ какимъ невозмутимымъ хладнокровіемъ, на подобіе мишени, стоитъ ихъ ротный командиръ, стали уже дѣлать предположеніе—не заколдованъ ли онъ отъ вражьихъ пуль. Вдругъ, одна пуля ударяетъ его въ поясной ремень отъ шашки, пробиваетъ ремень и пальто и останавливается, потерявъ силу; послѣдствіемъ удара оказалась лишь чувствительная контузія въ поясницу. Тутъ вскорѣ послѣдовалъ и другой эпизодъ: турецкая граната, съ страшнымъ воемъ и шипѣньемъ, упала въ двухъ шагахъ между Савоніусомъ и княземъ Путятинымъ. Савоніусъ, не измѣнивъ положенія, продолжалъ курить. Къ счастью, граната углубилась въ землю и не разорвалась. Князь Путятинъ, командуя лѣвымъ флангомъ полка, безстрашно разъѣзжалъ по цѣпи и передвигалъ, какъ самую цѣпь,

такъ и резервъ на мѣста болѣе удобныя. При одной изъ такихъ перебѣжекъ цѣпи 9-й роты шаговъ на сто впередъ, турки открыли по ней адскій огонь. Генералъ Гейманъ, принявъ перебѣжку за наступленіе и боясь, чтобы эриванцы не увлеклись успѣхомъ боя, приказалъ полковому адъютанту штабсъ-капитану Савичу передать князю Путятину, чтобы онъ ни подъ какимъ предлогомъ далѣе не наступалъ, такъ какъ полкъ свою задачу выполнилъ, т. е. *навалился* на позицію Мухтара. Это—подлинное выраженіе генерала Геймана. Савичъ, проѣхавъ почти вдоль всей цѣпи, подъ страшнымъ огнемъ, предупреждалъ каждаго изъ ротныхъ командировъ, что далѣе наступленія не будетъ, и приказано твердо держаться на занятыхъ мѣстахъ. Князя Путятина Савичъ отыскалъ около цѣпи, пѣшкомъ, такъ какъ подъ нимъ уже была ранена его лошадь. Тутъ онъ передалъ приказаніе и ему.

При дальнѣйшемъ ходѣ боя еще раненъ въ руку маіоръ Смолко, въ то время, когда онъ ѣхалъ къ 6-й ротѣ, чтобъ придвинуть ее ближе къ линіи огня, на случай атаки турокъ; кромѣ вышесказанныхъ, еще раненъ прапорщикъ Трояновъ.

Одновременно съ движеніемъ кавказскихъ гренадеръ къ Суботану, другая колонна нашихъ войскъ, отъ Байрахтара, заняла Кизилъ-тапу. Теперь на нее постарались ввезти даже осадныя орудія—для дѣйствія противъ Инахъ-тепеси. Съ наступленіемъ сумерокъ, огонь повсюду утихъ. Полкъ заночевалъ на занятыхъ позиціяхъ. Рѣдко кому изъ эриванцевъ довелось въ эту ночь уснуть: всю ночь пришлось или проработать, приспособляя къ оборонѣ брошенныя турками траншеи и копая новыя, или стоять на аванпостахъ, вблизи непріятеля.

Въ дѣлѣ 27-го сентября у насъ вообще убито 18-ть нижнихъ чиновъ и ранено 17-ть офицеровъ и 189-ть нижнихъ чиновъ. Въ эриванскомъ же полку убито 9-ть нижнихъ чиновъ и ранено 8-мь офицеровъ и 59-ть нижнихъ чиновъ. Потеря турокъ опредѣлялась до пятисотъ человѣкъ убитыми и ранеными.

Наконецъ, осуществилось и преднамѣреніе объ обходѣ турецкаго расположенія:

28-го сентября, генералъ-лейтенанту Лазареву приказано, съ

двадцатью тремя съ половиною баталіонами, шестнадцатью эскадронами и сотнями, при семидесяти двухъ орудіяхъ—двинуться чрезъ камбинскій постъ къ Дигору и Зибни, для дѣйствія въ тылъ арміи Мухтаръ-паши. Оставшіяся затѣмъ силы корпуса, придвинутыя къ Аладжѣ, распредѣлены были слѣдующимъ образомъ: у Хаджи-Вали 13½ баталіоновъ, 27-мь эскадроновъ и сотенъ, 40 орудій и 6-ть ракетныхъ станковъ. Въ составѣ этой колонны находился и эриванскій полкъ. На Кизилъ-тапѣ—7 баталіоновъ, 4 сотни и 32 орудія. Между Кизилъ-тапою и Суботаномъ—15 сотенъ. У Кабахъ-тапы—7½ баталіоновъ, 4 сотни и 16 орудій. У Кюльверана—9 баталіоновъ, 8 эскадроновъ и сотенъ и 54 орудія; кромѣ того, въ гарнизонѣ на Караялѣ оставлено 3 баталіона, при 16 орудіяхъ, а на Учь-тапѣ—1¾ баталіона, 1 сотня и 4 орудія.

Съ 28-го сентября наши батареи ежедневно перестрѣливались съ турецкими. Всѣ эти дни, включительно до 2-го октября, полкъ находился въ сферѣ артилерійскаго огня и, кочуя, провожалъ день въ траншеяхъ, у прикрытія батарей и на аванпостахъ. Изъ траншей и ложементовъ иначе нельзя было выходить днемъ за водой и пищей въ мавракъ-чайскій оврагъ, какъ вразбродъ, поодиночкѣ, иначе турецкіе артилеристы по мало-мальски порядочной группѣ людей открывали стрѣльбу.

Въ виду отдѣленія значительныхъ силъ въ обходную колонну генерала Лазарева, представлялась полная возможность туркамъ сдѣлать наступленіе на позицію у Суботана, занятую эриванцами и грузинцами съ 27-го сентября по 3-е октября. Позиція эта, какъ передовая, имѣла весьма важное значеніе, почему и была нами усилена значительными земляными работами; при чемъ, для уменьшенія потерь, работы производились почью. Все время не только нижніе чины, но и офицеры, не раздѣваясь, ложились уснуть и спали большею частью днемъ. Охотничьи команды всякую ночь тревожили непріятеля.

Среди всего этого безпокойнаго положенія, между прочимъ, произошелъ слѣдующій случай: 1-го октября, въ день Покрова, въ 5-й и 12-й ротахъ былъ ротный праздникъ. Командиръ полка разрѣшилъ этимъ ротамъ спуститься изъ траншей къ рѣкѣ Мавракъ-чай,

гдѣ для нихъ готовился обѣдъ, и гдѣ священникъ долженъ былъ отслужить молебенъ. 5-я рота, штабсъ-капитана Пономарева, проходя къ рѣкѣ, неосторожно высунулась на бугоръ. Турецкіе артиллеристы, зорко слѣдившіе за нами, немедленно открыли огонь, а затѣмъ, стали обстрѣливать оврагъ, куда спустились роты. Одна изъ гранатъ, упавшая въ оврагѣ, разорвалась среди солдатъ 12-й роты, присѣвшихъ побесѣдовать въ ожиданіи молебна. Тутъ осколками гранаты ранены: унтеръ-офицеръ Яковъ Неклюевъ и рядовые—Акимъ Конспановъ и Семенъ Зюзинъ. Столь печальное происшествіе, естественно, до нѣкоторой степени нарушило праздничное настроеніе ротъ, а турецкая граната, случайно попавшая въ группу солдатъ, вызвала разныя сужденія о турецкой артиллеріи. Большинство солдатъ отдавало ей предпочтеніе передъ нашими гранатами, хотя къ девяти-фунтовымъ нашимъ снарядамъ тоже относились съ должнымъ уваженіемъ; но за то, надъ четырехъ-фунтовыми орудіями зло подсмѣивались, называли ихъ пукалками: «только пужаетъ, а куда-жъ ей супротивъ нашей,—наполовину не беретъ.»

Когда же, 1-го октября, наши четыре дальнобойныя орудія, поставленныя правѣе Хаджи-Вали, открыли свои дѣйствія по Авліару, то солдаты слѣдили за каждымъ выстрѣломъ и сопровождали его громкимъ возгласомъ, замѣчая: «вотъ эта не уважитъ нхнимъ». Болѣе важнымъ обстоятельствомъ текущаго дня было извѣстіе, полученное съ праваго фланга: турки, въ числѣ шести таборовъ, на разсвѣтѣ, 1-го октября, подъ начальствомъ Гасанъ-бея, произвели штурмъ на гору б. Ягны, занятую баталіономъ тифлисскаго полка, но были отбиты и обращены въ бѣгство, потерявъ шесть офицеровъ и до 400 нижнихъ чиновъ.

Между тѣмъ, обходный отрядъ генерала Лазарева, 30-го сентября, сосредоточился возлѣ селенія Дигоръ, имѣя кавалерію у селенія Акрякъ. Простоявъ сутки у Дигора и устроивъ въ немъ вагенбургъ, Лазаревъ, 2-го октября, двинулся дальше. Около полудня того же числа, подойдя къ Айлю-Гуля-Верды, онъ замѣтилъ, что два непріятельскихъ табора изъ базарджикскаго ихъ лагеря и три со стороны Визинъ-кея бѣгомъ спѣшили къ командующей высотѣ Шатыръ-Оглы, съ намѣреніемъ занять ее и тѣмъ преградить намъ

путь къ визинъ-кейскимъ горамъ. Генералъ Лазаревъ, извѣстясь объ этомъ, немедленно направилъ на Шатыръ-Оглы передовую колонну; несмотря на быстроту движенія нашихъ войскъ, турки успѣли предупредить насъ, и гора была ими занята. Вслѣдъ затѣмъ, они, по обыкновенію, сейчасъ же стали окапываться.

Лазаревъ, сознавая всю важность имѣть эту высоту въ нашихъ рукахъ, приказалъ начальнику авангарда—во что бы то ни стало овладѣть Шатыръ-Оглы. Генералъ Цытовичъ лично повелъ на штурмъ дербентскій полкъ флигель-адъютанта полковника Кавтарадзе, служившаго долго въ эриванскомъ полку. Дербентцы неустрашимо устремились къ своей цѣли: они, несмотря на мѣстность, затруднявшую движеніе, и на градъ пуль, какимъ турки умѣютъ осыпать, вскорѣ грянули дружное «ура» и затѣмъ, заглушивъ имъ грохотъ выстрѣловъ, побѣдоносно взошли на Шатыръ-Оглы. Непріятель, не выдержавъ атаки, поспѣшно сталъ отступать, преслѣдуемый огнемъ дербентцевъ.

Столь блистательной атакѣ много способствовала кавалерія полковника Маламы и подходившая бѣгомъ колонна генерала Гурчина (бывшаго эриванца). Эти войска зашли между Базарджикомъ, турецкимъ лагеремъ и Шатыръ-Оглы, дабы не допустить къ послѣдней направленныя туда подкрѣпленія.

По занятіи Шатыръ-Оглы, предстояло еще взять другую—къ сѣверу отъ нея высоту, столь же важную для насъ, такъ какъ она командовала надъ всею мѣстностью. Высота эта, съ переходомъ въ наши руки, давала намъ ключъ къ тылу непріятельскихъ позицій. Уже клонилось къ вечеру,—медлить было нельзя, вслѣдствіе чего атака была рѣшена авангардными частями. Опять дербентцы и двѣ роты саперъ, подъ покровительствомъ огня двухъ съ половиною батарей, двинулись впередъ по необыкновенно крутой покатости къ вершинѣ, опоясанной окопами. Турки встрѣтили атакующихъ адскимъ огнемъ, но храбрые дербентцы и саперы, предводимые генераломъ Цытовичемъ, шли, не колеблясь, болѣе получаса въ сферѣ огня. Стойкость ихъ удивляла своихъ и смущала враговъ. Наконецъ, передніе ряды, сомкнувшись въ одну массу, бросились на ближайшій окопъ и овладѣли имъ; затѣмъ, постепенно штурмовали

окопъ за окопомъ и всюду обратили въ бѣгство турокъ.

Вскорѣ наступила совершенная темнота. Знамена дербентцевъ были водружены на вершинѣ. Музыка исполнила народный гимнъ, и побѣдное «ура» огласило окрестности. День 2-го октября былъ ознаменованъ еще однимъ замѣчательнымъ кровавымъ эпизодомъ: отъ авангарда генералъ-лейтенанта Лазарева былъ высланъ усиленный разъѣздъ къ Хаджи-Вали, въ составѣ эскадрона нижегородскихъ драгунъ, двухъ сотенъ казаковъ и полка дагестанскихъ всадниковъ, подъ начальствомъ маіора Витте. Разъѣздъ этотъ попалъ въ засаду турецкой пѣхоты, двигавшейся изъ корпуса Измаила въ помощь Мухтару. Витте, очутившись среди турокъ, очертя голову, бросился на нихъ съ своими лихими драгунами и казаками и пробился сквозь засаду; но убитые и часть раненыхъ остались въ рукахъ непріятеля. Турки безчеловѣчно мучили раненыхъ, въ особенности магомстанъ-дагестанцевъ,—что усматривалось на другой день изъ ихъ полуобгорѣлыхъ труповъ, которые валялись на мѣстѣ битвы, возлѣ потухшаго костра.

Дѣйствительный успѣхъ 2-го октября поставилъ насъ прочно въ тылу непріятельской арміи. Въ главной квартирѣ, на Караялѣ, извѣстіе объ этомъ доблестномъ дѣлѣ было получено въ два съ половиною часа пополуночи. Его Императорское Высочество, признавъ, что теперь настала минута для нанесенія арміи Мухтара окончательнаго удара, немедленно отдалъ приказаніе о совокупной атакѣ турокъ всѣми нашими силами—на утро 3-го октября. Къ пяти часамъ утра войска получили слѣдующую диспозицію: отряду генерала Шака, охраняя б. Ягны отъ возможныхъ атакъ со стороны м. Ягны и Карса, преградить артилерійскимъ огнемъ сообщеніе непріятеля по дорогѣ отъ Визинъ-кея на Авліаръ. Главнымъ силамъ отряда генерала Геймана—наступать на Авліаръ; отряду генерала Кузьминскаго, слѣдуя на Керъ-Хана и Шамши, тѣснить непріятеля съ его аладжинскихъ позицій къ верхней аладжинской дорогѣ, а остальнымъ войскамъ генерала Роопа, выдвинувъ часть для связи между отрядами Геймана и Кузьминскаго, подвигаться по дорогѣ изъ Суботана на Чифтъ-тепеси. Вмѣстѣ съ тѣмъ, отряду Лазарева приказано продолжать наступленіе съ тыла.

ГЛАВА IX.

Авліарскій бой 3-го октября.—Молодецкое движеніе подполковника Микеладзе къ горѣ Авліаръ. Упорный бой 1-го баталіона маіора фонъ-деръ-Нонне съ семью турецкими баталіонами. Рѣшительная атака 2-го и 4-го баталіоновъ на авліарскія укрѣпленія. Первыми врываются въ редутъ 2-я и 4-я стрѣлковыя роты штабсъ-капитана Савоніуса и капитана Яковлева, имѣя во главѣ офицеровъ: штабсъ-капитана Савоніуса, поручика Федюкина, подпоручика Рутковскаго и прапорщика Крапивина. Остатки разбитой арміи Мухтара сдаются въ плѣнъ.

Наканунѣ авліарскаго боя, полкъ весь день провелъ на своихъ позиціяхъ и у прикрытія дальнобойной батареи. Вечеромъ же, весь полкъ, по просьбѣ полковаго командира полковника Толстаго, былъ смѣненъ ростовскимъ полкомъ и сосредоточенъ на лѣвомъ берегу Маврякъ-чая. Передвиженіе это было совершено, по всей вѣроятности, въ виду предполагаемыхъ дѣйствій на Авліаръ. Ночь съ 2-го на 3-е число эриванцы провели покойно, оберегая себя линіею своихъ аванпостовъ. До утра, 3-го октября, въ полку ничего не знали о предстоящемъ боѣ, а также ничего не знали объ успѣшномъ дѣлѣ генерала Лазарева. По отдаленнымъ же, едва доносившимся, выстрѣламъ со стороны Визинъ-кея, нельзя было заключить, какой оборотъ приняли наши дѣла въ тылу арміи Мухтара. Наконецъ, насталъ прекрасный, ясный день 3-го октября,—день славы для русскаго оружія и эриванскаго полка въ особенности.

Полкъ съ занимаемой позиціи былъ прямо двинутъ топкимъ строемъ направо, въ сѣдловину между горами б. Ягны и Авліаромъ. Первоначально, въ первой линіи находились 3-й и 2-й баталіоны, а за ними, шагахъ въ восьмистахъ, 1-й и 4-й баталіоны; лѣвѣе эриванскаго полка, по направленію къ селенію Булашаху, наступали грузинцы и ростовцы. Резервъ этой колонны составляли пятигорцы, 1-й стрѣлковый и 1-й саперный кавказскіе баталіоны. Войсками этими руководилъ генералъ Геймапъ. Въ началѣ нашего движенія, турки встрѣтили эриванскій полкъ артилерійскимъ огнемъ съ Аладжи и Авліара. Ихъ спаряды, по обыкновенію, большею частью или перелетали, или не долетали, или зарывались въ землю, не разрываясь.

ПЛАНЪ
ТУРЕЦКОЙ ПОЗИЦІИ НА АЛАДЖѢ И АВЛІАРѢ ВЪ 1877 ГОДУ

Масштабъ 625 саж. въ дюймѣ

0 125 250 375 500 625 1250 саж

Пройдя болѣе версты въ сферѣ артилерійскаго огня, полкъ, по приказанію генерала Геймана, повернулся во фронтъ, лицомъ къ Авліару. Всѣмъ стало ясно, что на полкъ возложено рѣшить самую серьезную, самую трудную задачу—взять штурмомъ укрѣпленную гору Авліаръ. Эриванцы должны были ударить въ самую чувствительную точку расположенія противника, и во что бы ни стало должны взять стратегическій ключъ непріятеля, съ паденіемъ котораго армія Мухтара отрѣзывалась отъ Карса и теряла путь отступленія. Конечно, турки знали, какое важное значеніе для нихъ имѣетъ Авліаръ, поэтому они обратили на него серьезное вниманіе. Вся гора была изрыта ложементами, а вершина ея опоясана сплошною траншеею, съ батареею на три орудія. Когда полкъ вошелъ въ сферу ружейнаго огня, то получено было приказаніе остановиться, чтобы дать время нашимъ девяти-фунтовымъ батареямъ обстрѣлять Авліаръ. Подполковникъ Микеладзе, командуя лѣвымъ флангомъ полка и видя, что впереди, у подошвы горы, есть мертвое пространство за выдающимся мысомъ, приказалъ ротамъ перебѣжать подъ этотъ мысъ. Роты 2-го и 4-го баталіоновъ, имѣя впереди 4-ю стрѣлковую роту капитана Яковлева, быстро исполнили приказаніе своего отважнаго командира. Онѣ въ нѣсколько минутъ пробѣжали пространство, осыпаемое градомъ пуль, и расположились у мыса, за уступомъ, гдѣ не несли уже потерь: рой пуль проносился надъ ихъ головами. Генералъ Геманъ, не зная настоящей причины, почему эриванцы такъ стремительно кинулись впередъ, и видя адъ огня, который турки открыли по нимъ, прислалъ строгое приказаніе—остановиться и ни подъ какимъ предлогомъ не двигаться впередъ, пока не будетъ дано на то разрѣшеніе. Это приказаніе застало 2-й и 4-й баталіоны уже у подножія Авліара, за уступомъ и за группами камней, въ разстояніи четырехсотъ или пятисотъ шаговъ до укрѣпленія. Однако, движеніе 2-го и 4-го баталіоновъ, предпринятое по распоряженію подполковника Микеладзе, хотя и имѣло благопріятные результаты, но, не менѣе того, ввело въ заблужденіе 1-й и 3-й баталіоны, находившіеся на правомъ флангѣ. Флигель-адъютантъ маіоръ фонъ-деръ-Нонне, хотя и лично получилъ приказаніе отъ командира полка остановиться и ждать особаго распоряженія для

наступленія, но, замѣтивъ движеніе лѣвофланговыхъ баталіоновъ, счелъ долгомъ двигаться впередъ, полагая, что приказаніе измѣнено.

1-й баталіонъ наступалъ за 3-мъ и нѣсколько правѣе его, имѣя впереди 1-ю стрѣлковую роту; за нею, въ поддержкахъ, шла рота Его Величества и 3-я, а въ баталіонномъ резервѣ—2-я рота.

Когда 1-й баталіонъ прошелъ одну версту впередъ и уже приблизился къ 3-й стрѣлковой ротѣ, наступавшей на правомъ флангѣ 3-го баталіона, то къ маіору Ноппе подбѣжалъ командиръ третьей стрѣлковой роты поручикъ Середа и, указавъ направо, сказалъ: «Федоръ Августовичъ, смотрите, турки обходятъ насъ справа; уже они на бугрѣ». Бывшій при этомъ полковой адъютантъ штабсъ-капитанъ Савичъ усумнился въ этомъ и сказалъ: «это не турки, а тифлисцы», и вмѣстѣ съ этими словами поѣхалъ къ бугру; но лишь только онъ сталъ выѣзжать на него, какъ убѣдился въ противномъ: тамъ, дѣйствительно, были турки. Несмотря на свою близорукость, Савичъ ясно увидѣлъ линію фесокъ, а залпъ пуль, пронесшійся надъ его головой, инстинктивно заставилъ его повернуть лошадь кругомъ.

Въ этотъ моментъ, ближайшая къ бугру Государева рота, по приказанію своего командира поручика Вольскаго, бѣгомъ развернула фронтъ вправо, перпендикулярно Авліару, и бросилась въ атаку на бугоръ. Все это было дѣломъ нѣсколькихъ минутъ. Турки, тутъ находившіеся, до того были ошеломлены быстрой и молодецкой атакой Государевой роты, что нѣкоторые изъ нихъ, объятые паникой, не трогались съ мѣста, а другіе, какъ безумные, метнулись въ свою и нашу стороны, нисколько не обороняясь.

За шефцами бѣгомъ выстроились вправо стрѣлки штабсъ-капитана Мисевича и охотники капитана Шкабича. Во второй линіи заняли мѣста: 3-я рота капитана Штюрмера и 2-я штабсъ-капитана Мирзоева. Опрокинутыхъ съ бугра турокъ головныя части начали преслѣдовать. Въ это время отъ Визинъ-кея надвинулись три линіи турецкой пѣхоты, съ артилеріею, и встрѣтили нашу атаку картечнымъ огнемъ; но, благодаря ошибкѣ наводчиковъ, картечь ихъ, съ страшнымъ, зловѣщимъ шипѣніемъ, пролетѣла высоко надъ голо-

вами. Одновременно съ этимъ, около двухъ таборовъ открыли со склона Авліара жестокій продольный огонь по ротамъ 1-го баталіона, при чемъ сильно страдали лѣвофланговыя части.

Съ минуты на минуту силы противника все болѣе и болѣе росли. Турки ввели въ дѣло около семи таборовъ противъ одного баталіона; кромѣ того, показалась ихъ кавалерія на правомъ нашемъ флангѣ, а пѣхота старалась обогнуть этотъ же флангъ. Положеніе 1-го баталіона сдѣлалось въ высшей степени опаснымъ: баталіонъ, поражаемый съ двухъ сторонъ, несъ чувствительныя потери, въ особенности отъ фланговаго огня съ Авліара. Непріятель же, ободренный превосходствомъ своихъ силъ, нѣсколько разъ пытался перейти въ наступленіе, но всякій разъ, встрѣчаемый мѣткимъ огнемъ берданокъ и дружнымъ «ура», останавливался и съ новою яростью извергалъ массу огня. Баталіонъ, какъ несокрушимая, могучая сила, стоялъ непоколебимо, такъ что всѣ усилія противника отразить его были напрасны; эриванцы свято помнили заповѣдныя слова: умереть до единаго, или побѣдить. Историческая слава полка, внушенная солдатамъ и хранимая офицерами, а также побѣдоносное знамя 1-го баталіона, тутъ же развивавшееся, возбуждали къ побѣдѣ, и героическій духъ росъ вмѣстѣ съ критическимъ положеніемъ.

Баталіонъ держался, какъ скала. Нѣкоторые офицеры, вооружившись ружьями, наряду съ солдатами, стрѣляли въ цѣпи. Вскорѣ обнаружился недостатокъ въ патронахъ; имѣвшіеся на людяхъ, по шестидесяти патроновъ, приходили къ концу, а патронный ящикъ гдѣ-то застрялъ. Пришлось собирать патроны съ убитыхъ и раненыхъ, чтобы поддерживать хотя рѣдкій огонь.

Положеніе нѣкоторыхъ раненыхъ было ужасное. Это были тѣ молодцы, которые, въ погонѣ за турками, опередили далеко боевую линію и, будучи тяжело ранены, остались между нашею и турецкою цѣпями. Надъ ихъ головами роемъ проносились пули, то шипя и завывая, то усыпая свинцовымъ дождемъ всю мѣстность вокругъ и около. Многіе изъ такихъ раненыхъ были добиты, т. е. буквально разстрѣляны; но нѣкоторые, укрытые неровностями мѣстности, уцѣлѣли до конца боя. Въ такомъ положеніи находился восемнадцати-

лѣтній юноша, вольноопредѣляющійся Государевой роты, Григорій Шабановъ. Пуля ему раздробила бедровую кость правой ноги. Онъ свалился возлѣ камня и тутъ пролежалъ въ теченіе всего огневаго боя. Одна мысль его неотвязчиво мучила: устоитъ ли 1-й баталіонъ, и возьмутъ ли наши Авліаръ. Будучи уже раненъ, онъ еще стрѣлялъ по приближавшимся къ нему туркамъ и, разстрѣлявъ всѣ патроны, оставилъ послѣдній зарядъ для себя—на случай, если наши отступятъ, то чтобы живому не попасть въ руки турокъ.

По фронту боевой линіи многіе уже лежали неподвижно; то были убитые; раненые же, кто какъ могъ, ползли и ковыляли на перевязочный пунктъ. Строй замѣтно рѣдѣлъ.

Командиръ полка, прибывъ на мѣсто битвы и лично убѣдившись, что баталіонъ находится въ весьма опасномъ положеніи, двинулъ въ помощь къ нему 1-й стрѣлковый и 1-й саперный кавказскіе баталіоны, а затѣмъ, о своемъ распоряженіи донесъ генералу Гейману. Подкрѣпленіе приблизилось къ мѣсту битвы въ тотъ моментъ, когда патроны были почти всѣ разстрѣляны, и баталіонъ удерживалъ непріятеля только грознымъ крикомъ «ура». Очевидцы разсказываютъ, что турки, сойдясь шаговъ на двѣсти, нѣсколько разъ приподнимались, чтобы кинуться въ штыки, но, встрѣчаемые безстрашнымъ «ура», опять ложились.

Въ столь трудныя минуты боя, Федоръ Августовичъ фонъ-деръ-Нонне, какъ и всегда, былъ спокоенъ и невозмутимъ—только необыкновенно серьезенъ и озабоченъ. Онъ два раза посылалъ состоящаго при немъ коннаго фурштата за патроннымъ ящикомъ, но оба раза фурштатъ возвращался безъ ящика, съ небольшимъ запасомъ патроновъ: ящикъ сначала былъ задержанъ недоразумѣніемъ, куда ему ѣхать, а затѣмъ—неровностями мѣстности, почему двигался чрезвычайно медленно. Можно судить, какъ велика была радость Нонне и его баталіона, когда подошелъ на поддержку 1-й кавказскій стрѣлковый баталіонъ. Въ моментъ прибытія подкрѣпленія, когда Нонне указывалъ командиру стрѣлковъ, куда онъ долженъ разсыпать роты, и при этомъ приподнялъ правую руку, пуля пронизала ему эту руку выше кисти. Кромѣ маіора фонъ-деръ-Нонне, еще ранены въ 1-мъ баталіонѣ: поручикъ графъ Келлеръ,

только-что прибывшій въ полкъ изъ прусской арміи, и прапорщики: Агамаловъ, Ивановъ и Мартуладзе. Что касается до остальныхъ баталіоновъ, то, какъ извѣстно, 2-й и 4-й баталіоны и 3-я стрѣлковая рота залегли въ мертвомъ пространствѣ, у самаго подножія Авліара; три же роты 3-го баталіона тоже стали за укрытіемъ и препятствовали туркамъ ударить въ тылъ 1-му баталіону.

Въ теченіи трехъ часовъ наши девяти-фунтовыя батареи, въ числѣ 64-хъ орудій, дѣйствовали противъ Авліара. Стрѣльба производилась большею частью залпами и шрапнелью. Мѣткость артилеристовъ была поразительная. Вершина Авліара покрылась густымъ дымомъ отъ разрыва нашихъ снарядовъ. Турецкія орудія съ Авліара не отвѣчали больше. Казалось, что извергавшаяся масса артилерійскихъ снарядовъ должна была выбить турецкую пѣхоту изъ траншей; но, къ чести защитниковъ Авліара нужно отнести, что многіе изъ нихъ стойко выдержали этотъ адскій огонь. Мало того, они держали ружья наготовѣ, и лишь только гдѣ нибудь показывалась неосторожная кучка нашихъ людей, тотчасъ усиливали по ней огонь. Около полудня, когда генералъ Гейманъ узналъ о серьезномъ положеніи 1-го баталіона и нашелъ, что атака на Авліаръ достаточно подготовлена артилеріею, приказалъ начать штурмъ.

Наступили рѣшительныя минуты боя. Подполковникъ Микеладзе, находившійся на лѣвомъ флангѣ полка, скомандовалъ: «впередъ!» и, вмѣстѣ съ маіоромъ княземъ Путятинымъ, показывая примѣръ неустрашимости, въ числѣ первыхъ бросился изъ за закрытія въ гору. Примѣру баталіонныхъ командировъ послѣдовали офицеры и нижніе чины.

Турки, стороживше эриванцевъ изъ за уступа, при появленіи ихъ на открытомъ мѣстѣ мгновенно пустили учащенные залпы, слившіеся въ сплошной, неистовый гулъ, словно тысячи барабановъ забили безконечную дробь. Эриванцы, имѣя во главѣ офицеровъ, выдержали эти убійственные залпы изъ заранѣе наведенныхъ ружей. Многихъ эти залпы переселили въ жизнь вѣчную, многихъ искалѣчили; но живые незыблемо и постепенно подвигались впередъ. Въ числѣ жертвъ палъ убитымъ наповалъ капитанъ Рославлевъ, незадолго до битвы поступившій въ полкъ, а также ранены: маіоръ

князь Путятинъ, подпоручикъ Волянскій, прапорщики Лакашинъ и Файдышъ и контуженъ въ грудь пулею капитанъ Спировъ, котораго счастливымъ образомъ спасла отъ смерти санитарная книжка, бывшая въ боковомъ карманѣ сюртука. Пуля осталась въ этой книжкѣ.

Такъ какъ гора Авліаръ была видна со всѣхъ сторонъ поля сраженія, то, начиная отъ Главнокомандующаго и корпуснаго командира до рядоваго—всѣ съ напряженнымъ вниманіемъ и ускоренным біеніемъ сердца слѣдили за штурмомъ. Всякій сознавалъ, что отъ успѣха этого штурма зависитъ побѣда; но трудность фронтальной атаки была столь очевидна, что невольно сомнѣніе въ удачѣ ея рождалось у многихъ.

Вотъ что въ своей корреспонденціи объ этой атакѣ пишетъ офицеръ, состоявшій адъютантомъ при корпусномъ командирѣ: «я зналъ доблестную исторію эриванскаго полка и зналъ, что счастье полку вездѣ везло: онъ всегда съ побѣдою выходилъ изъ боя. Неужели на этотъ разъ счастье ему измѣнитъ? Быть не можетъ. А въ мужествѣ полка я не сомнѣвался; я зналъ, что эриванцы скорѣе лягутъ на склонахъ Авліара, нежели отступятъ».

Правый флангъ, предводимый штабсъ-капитаномъ Федюкинымъ, наступалъ нѣсколько впереди, при чемъ на полугорѣ, при занятіи передоваго ложемента, ранены: поручикъ Середа и прапорщикъ Висоновъ. Центру и лѣвому флангу было труднѣе подаваться впередъ, такъ какъ съ этой стороны турки обстрѣливали подступы двухъярусным огнемъ. Несмотря на тысячи смертей, носившихся надъ головами атакующихъ, они все ближе и ближе надвигались къ укрѣпленію. Наконецъ, шагахъ въ тридцати грянуло неудержимое, могучее «ура»; барабанщики и горнисты участили бой къ атакѣ, и десятки молодцовъ-героевъ, съ крикомъ: «впередъ, братцы, они подаются!» бросились на брустверъ. Стрѣльба внезапно замолкла. Непріятель, не выдержавъ натиска, сталъ очищать укрѣпленіе, перебѣгая справа налѣво. Во главѣ нѣсколькихъ солдатъ, первымъ вошелъ въ укрѣпленіе штабсъ-капитанъ Федюкинъ. Одновременно же съ нимъ, съ лѣвой стороны вошли въ укрѣпленіе: штабсъ-капитанъ Савоніусъ, прапорщикъ Крапивинъ и подпоручикъ Рутковскій,

и тотчасъ съ передовыми людьми 2-й и 4-й стрѣлковыхъ ротъ направились преслѣдовать бѣгущаго непріятеля; при чемъ, доводилось стрѣлять почти въ упоръ. Между тѣмъ, штабсъ-капитанъ Федюкинъ устроилъ свою роту въ укрѣпленіи и имѣлъ честь первый поставить знамя 4-го баталіона на брустверъ Авліара и затѣмъ, заслужилъ счастье—обрадовать Его Императорское Высочество Главнокомандующаго окончательною побѣдою нашихъ войскъ на Авліарѣ и рѣшительнымъ оборотомъ сраженія въ нашу пользу. Изъ баталіонныхъ командировъ первымъ въѣхалъ на Авліаръ подполковникъ Микеладзе. Вслѣдъ за эриванцами взошли въ укрѣпленіе пятигорцы, а отъ Буланаха—4-й баталіонъ грузинцевъ; въ тоже время остальные баталіоны грузинцевъ потѣснили турокъ, предварительно выбивъ ихъ изъ ложементовъ и не допустивъ съ Аладжи пробраться къ Авліару сильнымъ подкрѣпленіямъ.

На Авліарѣ взято три орудія и множество боевыхъ снарядовъ. Тамъ и сямъ валялись обезображенные трупы турокъ, пострадавшихъ отъ дѣйствія нашей артилеріи.

Едва подполковникъ Микеладзе наскоро устроилъ роты 2-го и 4-го баталіоновъ, какъ получено приказаніе отъ генерала Геймана—наступать къ укрѣпленнымъ визинъ-кейскимъ горамъ и селенію Визинъ-кею, еще занятому непріятелемъ. Согласно этому распоряженію, Микеладзе повелъ 4-й баталіонъ на визинъ-кейскія горы, а 2-й, подъ начальствомъ капитана Плотникова, направилъ къ селенію Визинъ-кей. Въ тоже время, остатокъ 1-го баталіона, подъ командою капитана Штюрмера, частью сгруппировался возлѣ знамени, а частью, съ людьми, предводимыми поручикомъ Вольскимъ, сталъ преслѣдовать бѣгущихъ турокъ къ Чифтъ-тепеси.

Лишь только 4-й и 2-й баталіоны двинулись впередъ, какъ на визинъ-кейскихъ горахъ показались три эскадрона кавалеріи. То были наши нижегородскіе драгуны изъ отряда генерала Лазарева. Они лихо ворвались въ непріятельское укрѣпленіе, взяли четыре орудія и, отбивъ полковое турецкое знамя, неслись по направленію къ намъ. Ихъ сначала приняли за турокъ, и наша артилерія дала по нимъ нѣсколько выстрѣловъ. Но вскорѣ недоразумѣніе выяснилось. Однако, все же наша артилерія помѣшала драгунамъ

произвести стремительную атаку по бѣгущимъ съ Авліара и изъ Визинъ-кея туркамъ. Велика была радость эриванцевъ при встрѣчѣ на полѣ брани съ нижегородцами, старыми своими купаками. Эта встрѣча напомнила обоимъ заслуженнымъ полкамъ Кавказа славный кюрюкъ-дарынскій бой 1854-го года, въ которомъ эти полки точно также, какъ теперь, сошлись послѣ побѣды.

Одновременно съ драгунами, дербентцы вытѣснили турокъ изъ Визинъ-кея, а кавалерія генералъ-маіора Лорисъ-Меликова рубила ихъ до Карса.

Пока шелъ рѣшительный бой подъ Авліаромъ и на визинъ-кейскихъ высотахъ, отрядъ генерала Кузьминскаго сталъ поспѣшно приближаться отъ Кизилъ-тапы къ селенію Керъ-Хапа и Шамши. Турки, подпустивъ эти войска, разомъ открыли бѣглый огонь и тѣмъ обнаружили, что траншеи ими сильно заняты, а такъ какъ съ этой стороны наши войска должны были только удерживать противника въ своихъ позиціяхъ, то, вслѣдствіе этого, наступленіе было пріостановлено. Когда же Авліаръ палъ, то защитники Аладжи до того были поражены этою неожиданностью, что сейчасъ-же обнаружили колебаніе, которое выразилось тѣмъ, что они стали поднимать свои орудія на гребень перевала. Опытные кавказскіе полки, елисаветпольскій и владикавказскій, зорко слѣдившіе за дѣйствіемъ противника, воспользовались его колебаніемъ и рѣшительно стали обходить его правофланговыя укрѣпленія. Непріятель не выдержалъ мужественнаго натиска, и началъ быстро очищать свои траншеи; при этомъ, часть турецкой пѣхоты, не успѣвшая укрыться на южныхъ склонахъ Аладжи, была взята въ плѣнъ. Къ вечеру, разбитая армія Мухтаръ-паши, тѣснимая со всѣхъ сторонъ, сосредоточилась на базарджикской укрѣпленной высотѣ, вокругъ которой наши отряды образовали кольцо, и все тѣснѣе и тѣснѣе его стягивали. Три же колонны были направлены на штурмъ высоты; но лишь только онѣ, въ грозномъ порядкѣ, подвинулись къ ней, какъ пораженная армія перестала стрѣлять и выкинула бѣлый флагъ. Вслѣдъ за этимъ, въ колонну генерала Гурчина прибылъ парламентеръ—съ предложеніемъ сдаться. Парламентеръ говорилъ отъ имени старшаго паши—Омера, начальствовавшаго въ

этотъ день надъ арміею Мухтара, такъ какъ послѣдній еще наканунѣ, 2-го октября, уѣхалъ въ Карсъ. Гурчинъ потребовалъ безусловной сдачи, и она была принята безъ отговорокъ. Столь радостная для насъ вѣсть мгновенно облетѣла войска и вызвала восторженное «ура».

Съ наступленіемъ сумерокъ, Его Высочество изволилъ прибыть на визинъ-кейскія высоты и, получивъ здѣсь положительное извѣстіе о готовности Омеръ-паши сдаться съ остатками арміи, изволилъ уполномочить командующаго корпусомъ утвердить капитуляцію (37).

Трофеи нашей блистательной побѣды были слѣдующіе: тридцать пять орудій, множество оружія и громадное количество боевыхъ снарядовъ, разбросанныхъ по всему полю сраженія; сверхъ того, семь тысячъ плѣнныхъ, съ семью пашами и болѣе чѣмъ съ двумя стами пятидесятью офицерами.

Побѣда имѣла для насъ важныя послѣдствія: къ нашимъ войскамъ возвратилась прежняя увѣренность въ своихъ силахъ; остатки же разбитой непріятельской арміи, ускользнувшіе съ поля битвы, вездѣ навели на своихъ панику и страхъ. Имя русскихъ опять сдѣлалось грознымъ для враговъ. Затѣмъ, куртинскія общества стали изъявлять намъ видимую покорность. Мусульманскіе народы, живущіе на нашей территоріи, притихли, а горцы стали терять надежду на прибытіе Кази-Магомы (сына Шамиля) съ турецкимъ войскомъ къ нимъ въ горы—для войны съ невѣрными. Измаилъ-паша, грозно стоявшій на нашей границѣ, сталъ поспѣшно отступать въ глубь своей страны. Отступленіе его переходило постепенно въ бѣгство. Онъ жегъ и бросалъ по дорогѣ тяжести и запасы. Мухтаръ-паша на другой же день битвы бѣжалъ изъ Карса—въ Эрзерумъ, захвативъ съ собою шесть таборовъ.

Взятіе Авліара дорого обошлось полку. Убито: 1-нъ офицеръ и 58-мь нижнихъ чиновъ; ранено: 14-ть офицеровъ и 347-мь нижнихъ чиновъ; въ этомъ же числѣ контужено 44-ре человѣка. Всего выбыло изъ строя: 15-ть офицеровъ и 405-ть нижнихъ чиновъ (38).

Вся же потеря корпуса въ два дня была слѣдующая: убито—

7-мь офицеровъ и 227-мь нижнихъ чиновъ; ранено—49-ть офицеровъ и 1,162 нижнихъ чина,—итого: 56-ть офицеровъ и 1,385-ть нижнихъ чиновъ.

Приведенныя здѣсь цифры свидѣтельствуютъ, что на долю полка выпало рѣшеніе самой трудной задачи, а потому, онъ и понесъ, сравнительно съ другими частями, громадную потерю—почти одну треть изъ общей убыли.

2-го и 3-го октября всѣ наши войска оказали безпримѣрное мужество, но вѣнецъ славы, по справедливости, принадлежитъ эриванцамъ, грузинцамъ, дербентцамъ и нижегородцамъ. Эти полки, своимъ желѣзнымъ мужествомъ, пробили брешь къ побѣдѣ. Ко всему выраженному нужно присовокупить, что удачный выборъ главнаго пункта атаки, сосредоточенное дѣйствіе орудій, цѣлесообразное размѣщеніе полковъ—безспорно имѣли громадное вліяніе на блестящій исходъ сраженія. Но, собственно, пораженіе арміи Мухтара слѣдуетъ отнести къ удачному обходу, который столь доблестно совершилъ отрядъ генерала Лазарева (39).

Его Императорское Высочество привѣтствовалъ свои войска съ побѣдою слѣдующими словами, преисполненными искренности и теплоты: «Войска дѣйствующаго корпуса! Сегодня вы одержали побѣду, васъ достойную: разбитая армія, тысячи плѣнныхъ, десятки орудій. Сегодня вы сослужили новую славную службу Царю и Россіи. Благодарю всѣхъ начальниковъ и офицеровъ, свято исполнившихъ долгъ свой.

«Вамъ-же, солдаты, гордость русскаго имени, вамъ Царское «ура» прогремитъ отъ одного края родины до другаго».

«Михаилъ».

За мужество, оказанное при штурмѣ Авліара, по опредѣленію кавалерской думы, награждены георгіевскими крестами 4-й степени: командиръ 2-го баталіона маіоръ князь Путятинъ и командиры 2-й и 4-й стрѣлковыхъ ротъ: штабсъ-капитанъ Савоніусъ и капитанъ Яковлевъ.

Четвертаго октября день былъ сѣренькій, вполнѣ осенній. Въ полдень, Его Высочество осматривалъ эшелонъ военно-плѣнныхъ турокъ, оцѣпленный лейбъ-екатеринославцами. При этомъ

случаѣ турецкіе офицеры были вызваны впередъ, и имъ передано, какое содержаніе они будутъ получать въ плѣну. Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ видѣ предупрежденія, сказано, что они, находясь въ плѣну, должны будутъ себя держать достойно имени военныхъ людей и тоже самое внушать своимъ солдатамъ. Большинство военно-плѣнныхъ имѣли обмундированіе ветхое, изодранное; въ особенности, обувь у нихъ была совсѣмъ плохая.

Паши были размѣщены въ палаткахъ возлѣ ставки командующаго корпусомъ, а эшелонъ плѣнныхъ отправленъ на ночлегъ въ Хаджи-Вали. Старшій изъ пашей, Омеръ, приписывалъ свое пораженіе неудачнымъ распоряженіямъ Мухтара. Сверхъ того, плѣнные высказывали, что они вѣрили въ неприступность Авліара и были убѣждены, что его открытой силой взять нельзя. «Вы же взяли—значитъ, такъ угодно аллаху. Съ паденіемъ Авліара наши солдаты потеряли надежду на успѣхъ, и мы не могли ихъ удержать на остальныхъ позиціяхъ».

О дѣйствіи нашей артилеріи они говорили, что сосредоточенный огонь ея противъ Авліара хотя произвелъ на нихъ потрясающее дѣйствіе, но особенной убыли имъ не причинилъ, такъ какъ шрапнель наша наносила имъ большею частью только ушибы и синяки.

На другой день послѣ побѣды, эриванскій полкъ, въ составѣ отряда генерала Геймана, не успѣвъ отдохнуть и поѣсть теплой пищи, былъ двинутъ въ тылъ Карса. Его Высочество, пропуская мимо себя эриванцевъ, изволилъ милостиво благодарить каждый баталіонъ за доблестную побѣду, одержанную надъ врагами. Восторженное «ура» было отвѣтомъ на слова Августѣйшаго Главнокомандующаго. Въ этомъ неумолкаемомъ «ура» слышалась могучая сила, способная на всякій трудъ, на всякое геройское самоотверженіе для своего Государя и своей родины. Это «ура» не далѣе, какъ вчера, на этихъ самыхъ высотахъ, наводило цѣпенѣющій ужасъ на враговъ; сегодня же оно гремѣло на другой мотивъ, и въ немъ слышались другіе звуки. Отрадно было смотрѣть на румяныя, веселыя лица нашихъ молодыхъ солдатъ. Они, несмотря на сырую, холодную погоду и на безсонную ночь послѣ

дневнаго боя, шли молодцами, съ увѣренностью въ дальнѣйшемъ успѣхѣ.

По прибытіи къ селенію б. Тикма, генералъ Гейманъ праздновалъ побѣду съ кавказскими гренадерами; при чемъ, въ знакъ торжества, открылъ стрѣльбу изъ орудій. Конечно, эти выстрѣлы вызвали тревогу въ визинъ-кейскомъ лагерѣ, гдѣ была и главная квартира. Оттуда были направлены на выстрѣлы кавалерійскія части. Но вскорѣ объяснилось, въ чемъ дѣло.

8-го октября, главная квартира и колонна генерала Роопа соединились съ отрядомъ Геймана у селенія б. Тикма. По прибытіи къ Тикмѣ, Его Высочество изволилъ остановиться возлѣ ставки генерала Геймана. Сюда были собраны изъ кавказской гренадерской дивизіи нижніе чины, наиболѣе отличившіеся въ дѣлѣ 3-го октября. Отъ эриванскаго полка, какъ будто на подборъ, были выставлены молодецъ къ молодцу. Главнокомандующій милостиво благодарилъ героевъ за ихъ службу и поздравилъ съ георгіевскими крестами. Въ ротахъ привѣтствовали новыхъ кавалеровъ крикомъ «ура». Въ этотъ же день Его Высочество изволилъ удостоить своимъ посѣщеніемъ командира эриванскаго полка флигель-адъютанта полковника Толстаго, все страдавшаго подагрою.

Недолго полкъ простоялъ на мѣстѣ у селенія Тикма. 9-го октября прибылъ провіантскій транспортъ, а 10-го—отрядъ генерала Геймана, получивъ сухарей на пять дней, съ приказаніемъ растянуть ихъ на восемь дней, выступилъ за Соганлугъ для совокупныхъ дѣйствій съ отрядомъ генерала Тергукасова, противъ корпуса Измаилъ-паши. Гейману приказано было—принявъ начальство надъ обоими отрядами, стараться отрѣзать путь отступленія войскамъ Измаила къ Эрзеруму (40).

Наши войска, оставшіяся подъ Карсомъ, были размѣщены колоннами вокругъ крѣпости, и съ этихъ поръ началась тѣсная блокада, а съ 15-го октября—бомбардированіе нижнихъ укрѣпленій: Хафизъ-паша, Канлы, а также укрѣпленій Карадага и Шораха.

ГЛАВА X.

Вторичный походъ за Соганлугъ. Сраженіе при Деве-Бойну 23-го октября и участіе въ немъ полка.

Полкъ изъ Тикмы двинулся за Соганлугъ съ половиннымъ обозомъ; другая его половина была отправлена въ Александрополь за теплою одеждою и съѣстными припасами. Первый ночлегъ былъ у деревни Айхяръ, всего въ десяти верстахъ отъ Тикмы; за то, второй переходъ, 11-го октября, былъ чрезвычайно великъ и потребовалъ неимовѣрныхъ усилій. Въ этотъ день отрядъ Геймана совершилъ маршъ чрезъ соганлугскій хребетъ, возвышающійся на девять съ половиною тысячъ футъ, и заночевалъ у развалинъ Нана-дере, въ глубокомъ ущельи, по обѣимъ сторонамъ котораго растетъ вѣковой сосновый лѣсъ. Несмотря на позднее осеннее время, сильную стужу въ горахъ и тридцати-верстный переходъ по гористой мѣстности, полкъ шелъ бодро.

На слѣдующій день полкъ поднялся съ Нана-дере на мелидюзскую семитысячную возвышенность и сталъ лагеремъ. На мелидюзской позиціи всему отряду сдѣлана, 13-го октября, дневка, въ ожиданіи подвоза сухарей, слѣдовавшихъ съ елисаветпольскимъ полкомъ.

Съ Мелидюза полкъ, 14-го октября, спустился къ минеральному источнику Соукъ-Герменъ, откуда на другой день вступилъ въ долину Аракса и расположился бивакомъ у селенія Хоросанъ; тамъ простоялъ опъ до вечера 16-го октября, а потомъ форсированнымъ маршемъ двинутъ къ городу Гасанъ-Кала. Этотъ ночной тридцати-пяти-верстный переходъ былъ очень утомителенъ вслѣдствіе сильной темноты: приходилось ощупью, въ глубокую грязь и слякоть, отыскивать дорогу, безпрестанно спотыкаться, падать, натыкаться на камни и переходить въ бродъ черезъ ручейки.

Къ утру, 17-го октября, полкъ прибылъ въ Гасанъ-Кала; но такъ какъ непріятель, послѣ незначительной перестрѣлки у Кеприкея, отступилъ на свою знаменитую по неприступности деве-бойнскую позицію, то, по непродолжительномъ отдыхѣ у Гасанъ-Кала, генералъ Геймапъ продолжалъ наступленіе къ Деве-Бойну, и расположился лагеремъ у деревни Куруджукъ, въ двѣнадцати

верстахъ далѣе Гасапъ-Кала. Въ Кепри-кеѣ нами найдены большіе запасы зернового хлѣба, не уничтоженнаго, впопыхахъ, турками.

Къ утру, 17-го октября, войска пашей Мухтара и Измаила сосредоточились на укрѣпленной позиціи Деве-Бойну.

Эриванскій отрядъ генерала Тергукасова, послѣ труднаго, непрерывнаго форсированнаго движенія отъ Игдыря, только 22-го октября соединился въ Куруджукѣ съ войсками генерала Геймана (41).

Въ тоже время, произведена рекогносцировка позиціи Деве-Бойну со склоновъ горы Карга-Базаръ. На рекогносцировку были приглашены всѣ генералы и командиры полковъ—съ цѣлью, чтобы они имѣли возможность ознакомиться съ мѣстностью. Рекогносцировка выяснила, что хотя деве-бойнская позиція сама по себѣ почти неприступна, но занимавшія ее турецкія войска, по численности своей, совершенно не соотвѣтствовали протяженію фронта позиціи, и, кромѣ того, группируясь преимущественно на двухъ флангахъ позиціи, имѣли слабую связь въ серединѣ, гдѣ проходятъ двѣ эрзерумскія дороги. Весь фронтъ позиціи, на протяженіи почти шести верстъ, былъ прикрытъ рядомъ полевыхъ укрѣпленій. Лѣвый флангъ позиціи отдѣлялся отъ центра глубокимъ оврагомъ, съ крутыми скатами; другой оврагъ отдѣлялъ центръ отъ праваго фланга и огибалъ передовую позицію, сзади которой, на возвышенностяхъ, возведена была вторая линія укрѣпленій. Параллельно правому флангу проходили два неглубокіе оврага. Лѣвый флангъ, располагаясь на возвышенностяхъ Чобанъ-Дагъ, имѣлъ командующее положеніе надъ всей позиціей, и будучи отдѣленъ глубокимъ обрывистымъ оврагомъ, почти изолированъ.

При тщательномъ осмотрѣ подступовъ къ деве-бойнской позиціи и оцѣнкѣ ихъ, не трудно было усмотрѣть, что мѣстность передъ фронтомъ праваго фланга противника болѣе ровная, открытая, но проходящіе впереди праваго фланга параллельные овражки, будучи заняты атакующими, маскируютъ силы и укрываютъ ихъ отъ взоровъ противника. Передъ центромъ мѣстность совершенно ровная, и имѣя незначительный уклонъ къ сторонѣ атакующаго, сильно обстрѣливается артилерійскимъ и ружейнымъ огнемъ. Подступы къ лѣвому флангу, имѣя мѣстность волнистую, пересѣченную, даютъ

ПЛАНЪ
ОКРЕСТНОСТЕЙ ДЕВЕ-БОЙНЫ

Масштабъ 2 версты въ дюймѣ

0 2 4 6 верст.

возможность болѣе незамѣтно приблизиться къ позиціи.

Такимъ образомъ, по осмотрѣ подступовъ, пришлось прійти къ слѣдующему заключенію, какъ наиболѣе выгодному для атакующаго: необходимо вести усиленную и настойчивую демонстрацію противъ праваго фланга обороняющагося, удерживать и громить его центръ артилеріею; лѣвый же флангъ долженъ былъ быть избранъ для рѣшительной атаки. Съ занятіемъ этого командующаго фланга, обороняющійся вынужденъ будетъ очистить остальныя позиціи, иначе рискуетъ быть отрѣзаннымъ отъ своего пути отступленія къ Эрзеруму.

Въ силу такого вывода, рѣшено было—23-го октября атаковать соединенными отрядами деве-бойнскую позицію, для чего войска получили слѣдующее назначеніе:

Второй бригадѣ кавказской гренадерской дивизіи, подъ начальствомъ генерала фонъ-Шака, предназначалось усиленно демонстрировать противъ праваго фланга противника. Противъ центра должна была дѣйствовать артилерія, въ числѣ сорока восьми орудій, подъ прикрытіемъ 1-й бригады генерала Авинова. Колоннѣ полковника князя Амираджиби, состоявшей изъ семи баталіоновъ 39-й дивизіи и 3-го стрѣлковаго кавказскаго баталіона, усиленной впослѣдствіи двумя баталіонами 19-й дивизіи, поручалось штурмовать Узунъ-Ахметъ—лѣво-фланговыя непріятельскія укрѣпленія, обстрѣлявъ ихъ сначала усиленнымъ огнемъ артилеріи.

Бригада фонъ-Шака привлекла на себя вниманіе противника. Турки къ этому флангу придвинули большую часть своихъ силъ и нѣсколько разъ переходили въ наступленіе; но тифлисцы и мингрельцы мужественно отразили всѣ попытки противника, видимо желавшаго отбросить нашъ лѣвый флангъ. Къ пяти часамъ вечера, войска фонъ-Шака занимали селеніе Гюлли и мѣстность влѣво отъ него, до скатовъ Поланъ-Текена. Войска князя Амираджиби, послѣ девяти-часоваго артилерійскаго боя, двинулись на Узунъ-Ахметъ, опоясанный траншеями. Турки открыли самую учащенную ружейную пальбу, слившуюся въ одинъ общій гулъ, прерываемый только трескомъ усиленныхъ залповъ; всѣ траншеи турокъ скрылись въ дыму ружейной и пушечной ихъ пальбы.

Подъ градомъ пуль, по крутой покатости, шагъ за шагомъ, двигались впередъ елисаветпольцы. Терраса за террасой и холмъ за холмомъ переходили въ ихъ руки. Наконецъ, раздалось неотразимое «ура», и елисаветпольцы съ кубинцами вытѣснили турокъ изъ нижней траншеи, гдѣ ими брошено два орудія. Не останавливаясь на этомъ успѣхѣ, войска князя Амираджиби, несмотря на ужасающій огонь, быстро стали подвигаться къ вершинѣ Узунъ-Ахмета и дружнымъ напоромъ овладѣли окраинами верхняго плато. Послѣ этого, непріятель, боясь быть обойденнымъ баталіонами крымскаго и таманскаго полковъ, направленными въ обходъ, поспѣшилъ очистить Узунъ-Ахметъ.

Дорого обошлась эта атака войскамъ князя Амираджиби, но онѣ геройски стяжали полную побѣду. При этомъ штурмѣ, свидѣтельствуютъ очевидцы, переднюю линію нашихъ удальцовъ составляли унтеръ-офицеры и ефрейторы, увѣшанные крестами и обшитые басонами за стрѣльбу. Они, обладая большимъ самолюбіемъ и дорожа славою своего полка, показывали примѣръ неустрашимости своимъ товарищамъ, въ критическія минуты приступа. Оттого открытыя мѣста передъ траншеями, гдѣ непріятель упорно защищался, были покрыты трупами унтеръ-офицеровъ и ефрейторовъ.

Одновременно съ занятіемъ верхняго плато Узунъ-Ахмета, генералъ Гейманъ приказалъ эриванскому полку, стоявшему до этого времени за центромъ нашей позиціи, наступать по прямой эрзерумской дорогѣ. Полкъ, согласно полученнымъ указаніямъ, двинулся впередъ и, дойдя до широкаго ущелья рѣчки, текущей передъ деревнями Тополахъ и Неби-кей, принялъ направленіе вверхъ по теченію ея—съ цѣлью совершенно отрѣзать путь отступленія правому флангу турокъ. Но, вслѣдствіе совершенной темноты, бой прекратился около шести съ половиною часовъ вечера, и полкъ остановился. Такимъ образомъ, эриванскій полкъ хотя не принималъ прямаго участія въ штурмѣ деве-бойнской позиціи, но, не менѣе того, занималъ весьма важное положеніе въ центрѣ и затѣмъ, смѣлымъ движеніемъ въ тылъ праваго фланга противника много способствовалъ къ довершенію побѣды.

Что же касается охотничьей команды эриванскаго полка, то

она, подъ начальствомъ молодаго прапорщика Арди-швили, приняла самое энергическое участіе въ штурмѣ высотъ. Дѣло было такъ: въ началѣ боя, прапорщикъ Арди-швили получилъ назначеніе—прикрывать батареи, дѣйствовавшія въ центрѣ. Когда же эти батареи, при послѣдовательной перемѣнѣ позицій, приняли вправо и влѣво—безъ чего онѣ не имѣли возможности переѣхать оврагъ—то прикрылись другими частями. Это обстоятельство освободило охотничью команду отъ обязанности прикрывать фронтъ батарей, а потому, прапорщикъ Арди-швили придвинулся ближе къ занимаемой турками высотѣ и сразу попалъ въ середину большаго огня. Охотники, по указанію Арди-швили, прикрываясь гребнемъ глубокаго оврага, въ свою очередь открыли бѣглый огонь по стрѣлковымъ ровикамъ, откуда высовывались турки для стрѣльбы. Послѣ нѣсколькихъ мѣткихъ пуль, турки прижались въ своихъ ровикахъ и стрѣляли уже не цѣлясь, наугадъ. Пользуясь этимъ, прапорщикъ Арди-швили разсмотрѣлъ, что ровики расположены на выдающейся части высоты, образующей маленькое плато, которымъ все пространство, лежавшее ниже, прикрывалось отъ огня верхнихъ траншей; затѣмъ, видя, что колонна князя Ампраджиби уже овладѣла Узунъ-Ахметомъ и тѣмъ, конечно, навела страхъ на остальныхъ защитниковъ Деве-Бойну, Арди-швили рѣшился на геройскій поступокъ—взять штурмомъ ровики. Охотники, послушные его свистку, дружно бросились впередъ и, съ крикомъ «ура», овладѣли ровиками. Эта удача воодушевила охотниковъ и удесятерила ихъ силы. Арди-швили, какъ нельзя лучше, воспользовался отвагою своихъ молодцовъ: не останавливаясь на первомъ успѣхѣ, онъ рѣшился почти на дерзкое предпріятіе—штурмовать траншею. Для этого онъ вызвалъ изъ числа охотниковъ пятьдесятъ человѣкъ и приказалъ имъ, прикрываясь могильными памятниками, поодиночкѣ пробраться незамѣтно къ мертвому пространству, находившемуся надъ траншеею. Въ то время, какъ часть вызванныхъ охотниковъ исполняла приказъ своего молодаго командира, другая часть, резервъ, участила огонь—съ цѣлью отвлечь вниманіе противника. Маневръ удался. Вызванные охотники благополучно добрались до крайняго предѣла мертваго пространства и прилегли. Вслѣдъ за-

ними и резервъ сталъ перебѣгать къ подошвѣ горы. Въ это время турки, выйдя изъ траншеи, стали спускаться съ горы къ мертвому пространству—по всей вѣроятности, желая остановить охотниковъ своимъ огнемъ. Но каково было ихъ удивленіе и ужасъ, когда, вдругъ, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ себя, они наткнулись на засаду, которая, давъ залпъ, крикнула «ура». Минута эта была рѣшительная. Горсть отчаянныхъ молодцовъ бросилась на оторопѣлаго врага и на его плечахъ ворвалась въ траншею и на брустверъ батареи, гдѣ, заколовъ артилерійскаго офицера и прислугу, овладѣла тремя орудіями. Послѣ этого, прапорщикъ Ардишвили сталъ устроивать свою команду въ занятой траншеѣ. Въ эту минуту, на высотѣ справа показались грузинцы, а влѣво—2-я стрѣлковая рота штабсъ-капитана Савоніуса.

Но вскорѣ наступила темная, холодная ночь. Памятна она для многихъ, а въ особенности для раненыхъ, которымъ довелось провести ее на полѣ битвы, съ неперевязанными ранами. Съ вечера начавшійся дождикъ, въ перемѣжку со снѣгомъ, не переставалъ до утра. Къ утру вся деве-бойнская позиція покрылась бѣлою пеленою, которая скрыла подъ собою слѣды крови, вчера только пролитой.

Правый флангъ турокъ, грозно оборонявшійся до вечера, видя себя обойденнымъ эриванцами, вынужденъ былъ бросить ночью орудія, лагерь и отступить вразсыпную по лѣвымъ склонамъ Поланъ-Текена, такъ какъ всѣ прочіе пути къ отступленію были ему отрѣзаны. Вмѣстѣ съ правымъ флангомъ бѣжалъ муширъ Измаилъ-паша, которому пришлось скитаться по покрытому снѣгомъ Поланъ-Текену, прежде чѣмъ онъ попалъ въ Эрзерумъ. Турецкій же главнокомандующій Мухтаръ счелъ болѣе благоразумнымъ бѣжать въ числѣ тѣхъ его войскъ, которыя впереди другихъ поторопились попасть въ городъ. Генералъ Гейманъ, съ частью кавалеріи, занялъ лагерь Мухтаръ-паши и помѣстился въ его палаткѣ. Сюда ночью прискакалъ съ праваго турецкаго фланга маіоръ ихъ службы, съ донесеніемъ къ Мухтару; но, къ удивленію своему, въ его палаткѣ увидѣлъ русскаго генерала.

Эриванскій полкъ на ночь расположенъ былъ въ такомъ порядкѣ: впереди на высотѣ—2-й и у ставки—1-й баталіоны стояли

въ ротныхъ колоннахъ, значительно раздѣленные между собою; позади ихъ находились 4-й и 3-й баталіоны. Всю ночь турки праваго фланга, блуждая въ темнотѣ и отыскивая своихъ, близко подходили къ нашимъ аванпостамъ, куря и разговаривая. Надо представить себѣ, каково было ихъ удивленіе, когда тамъ, гдѣ они расчитывали найти свои войска, ихъ встрѣчали дружными залпами почти въ упоръ. Головная рота 2-го баталіона, поручика Федюкина, выдвинутая на высоту, нѣсколько разъ въ теченіи ночи открывала огонь. Вообще, въ эту ночь турецкія и наши войска до того перемѣшались, что трудно было опредѣлить, гдѣ одни и гдѣ другія. Ночь же была до того темная, что въ двухъ шагахъ ничего нельзя было разглядѣть; только тамъ и сямъ горѣли слабые бивачные костры и повременамъ, среди непроницаемаго мрака, вдругъ, искрились змѣйками ружейные огоньки; это были наши залпы, встрѣчавшіе бродившихъ турокъ. Въ эту ночь, какъ побѣдителямъ, такъ и побѣжденнымъ не довелось не только уснуть, но и прилечь: всю ночь пришлось простоять съ оружіемъ въ рукахъ, поджидая съ минуты на минуту внезапнаго нападенія.

Утромъ, 24-го октября, командиръ 4-го баталіона подполковникъ Микеладзе, замѣтивъ, что порядочная группа турецкой кавалеріи стоитъ у Тападжика, двинулся на нее съ баталіономъ и открылъ частый огонь. Кавалерія, потерявъ нѣсколько людей и лошадей и бросивъ часть оружія, въ безпорядкѣ потянулась въ одного всадника изъ Тападжика къ Эрзеруму, при чемъ, въ самомъ Тападжикѣ, при дальнѣйшемъ преслѣдованіи, баталіонъ успѣлъ захватить нѣсколько человѣкъ въ плѣнъ. Но баталіонъ на этомъ не остановился: имѣя впереди 4-ю стрѣлковую и 11-ю роты, онъ сталъ по хребтамъ преслѣдовать кавалерію. Тутъ командиръ 4-й стрѣлковой роты штабсъ-капитанъ Карамзинъ, слѣдовавшій на лѣвомъ флангѣ, замѣтилъ, что турки тащатъ на себѣ орудія къ Эрзеруму. Онъ тотчасъ выслалъ противъ нихъ одинъ взводъ, подъ начальствомъ портупей-юнкера Поповича-Липовецкаго, который быстро двинулся впередъ наперерѣзъ непріятельской артилеріи. Какъ ни старались турки спасти орудія, но стрѣлки, имѣя во главѣ Липовецкаго, настигли ихъ. Непріятель, прикрывавшій орудія, видя

свою неминуемую гибель, сталъ постепенно бросать ихъ и спасаться бѣгствомъ къ Эрзеруму. Липовецкій, первый, съ сорока человѣками, окружилъ восемь орудій; рядовой же 4-й стрѣлковой роты Юпинъ убилъ начальника прикрытія, турецкаго полковника, который, съ нѣсколькими людьми, до послѣдней минуты храбро защищалъ ввѣренную ему артилерію. Богатое оружіе, снятое съ убитаго полковника, было представлено эриванцами побѣдителю Деве-Бойну, генералу Гейману.

Липовецкій, за его геройскій подвигъ, награжденъ, помимо низшихъ степеней, знакомъ отличія военнаго ордена 2-й степени, а Юпинъ—того же ордена 4-й степени.

Штурмъ и взятіе Деве-Бойну обошлись намъ, сравнительно, незначительными потерями: всего убито штабъ и оберъ-офицеровъ три а нижнихъ чиновъ 564-ре. Въ эриванскомъ же полку было только два раненыхъ. Трофеями этого молодецкаго дѣла были: сорокъ три орудія, множество зарядовъ и патроновъ, весь лагерь и болѣе четырехсотъ плѣнныхъ. Кромѣ того, все поле битвы было усѣяно непріятельскими тѣлами. Изъ турецкихъ реляцій извѣстно. что непріятель лишился до 3,000 убитыми и ранеными (42).

Генералъ Гейманъ, за пораженіе непріятеля при Деве-Бойну, удостоенъ ордена св. Георгія 2-й степени. Благодарность его войскамъ выразилась, между прочимъ, въ слѣдующихъ словахъ приказа: «этою высшею наградою для военнаго человѣка я обязанъ соганлугскому отряду, который, какъ и прежде, подъ другимъ названіемъ, такъ и теперь, нося названіе соганлугскаго, всегда былъ впереди всѣхъ. Мы славно начали кампанію взятіемъ Ардагана и, надѣюсь, мои боевые товарищи, что мы окончимъ кампанію взятіемъ Эрзерума» (43).

ГЛАВА XI.

Неудавшійся ночной штурмъ Эрзерума съ 27-го на 28-е октября. Зимняя стоянка на Деве-Бойну и по деревнямъ. Форсированный маршъ полка черезъ снѣжный хребетъ Чобанъ-дагъ, въ долину Чернаго Ефрата, и обратно въ деревни.

Пользуясь погромомъ, нанесеннымъ арміи Мухтара на Деве-Бойну, слѣдовало на другой же день штурмовать Эрзерумъ, въ особенности, взявъ во вниманіе упадокъ духа непріятельскихъ войскъ, паніку жителей, а главное то, что лучшая часть турецкихъ войскъ изъ корпуса Измаила, будучи отброшена отъ Эрзерума, только на третій день попала въ городъ. Безъ сомнѣнія, на другой день мы имѣли много шансовъ на успѣхъ, но ими не воспользовались, и дали возможность разбитой и разрозненной арміи сосредоточиться въ Эрзерумѣ. Словомъ, удобное время упущено. Четыре дня мы провели въ бездѣйствіи, занимаясь продовольственнымъ обезпеченіемъ. Между тѣмъ, взятіемъ Эрзерума мы вполнѣ обезпечили бы себя продовольствіемъ и получили бы полнѣйшую возможность оградить войска отъ холода и разныхъ лишеній, какимъ впослѣдствіи онѣ подверглись. Всѣ единогласно сознаютъ, что, не упусти мы золотое время и возьми Эрзерумъ—у насъ не было бы этого чудовищнаго голоднаго тифа, унесшаго преждевременно въ могилу болѣе 12,000 молодыхъ, могучихъ силъ (44).

Только 27-го числа рѣшено было предпринять наступленіе противъ Эрзерума. Въ этотъ же день произведена и рекогносцировка. Генералъ Геймапъ ясно указалъ пути и пункты атаки, такъ что, какъ онъ пишетъ, «казалось, ошибиться нѣтъ возможности въ самую темную ночь». Но на дѣлѣ вышло иначе.

Однако, необходимо прежде сказать нѣсколько словъ объ Эрзерумѣ. Городъ этотъ, важнѣйшій въ Анатоліи, служитъ складочнымъ центромъ и главною станціею транзитной торговли. Въ новѣйшее время онъ получилъ еще важное значеніе въ стратегическомъ отношеніи. Турки, обративъ все вниманіе на его укрѣпленія, истратили огромныя средства и превратили Эрзерумъ въ первоклассную крѣпость.

Эрзерумъ расположенъ въ долинѣ Кара-су. На сѣверовосточной сторонѣ крѣпости возвышается высота Топъ-дагъ. Она командуетъ надъ всею крѣпостью. Турки, сознавъ значеніе Топъ-дага, укрѣпили его цѣлою системою отдѣльныхъ фортовъ: Азизіе, Меджидіе и Сурпъ-Нишанъ.

На самой же юго-западной оконечности Эрзерума находятся двѣ высоты Керметлю, тоже сильно укрѣпленныя. Все пространство отъ Меджидіе до Керметлю, на протяженіи четырехъ верстъ, покрыто пятью бастіонами; они составляютъ восточную и сѣверную оборону крѣпости. Столько же бастіоновъ окружаютъ городъ съ сѣвера и запада. Между двумя восточными бастіонами расположены карскія ворота, а нѣсколько впереди ихъ и южнѣе устроено, на плоскости, небольшое укрѣпленіе Ахали. Вся площадь крѣпости представляетъ очертаніе яйца, тупая оконечность котораго завершается Топъ-дагомъ, а острая—Керметлю. Взять открытою силою днемъ такую сильную, вооруженную тремя стами двадцатью орудіями крѣпость, едва ли достижимо: во всякомъ же случаѣ, сопряжено съ большими потерями. Ранѣе нежели войска достигнутъ верковъ, онѣ будутъ обезсилены массою фронтальнаго и фланговаго огня, такъ какъ всѣ подступы фланкируются.

Такое убѣжденіе составилъ себѣ генералъ Гейманъ, при осмотрѣ верковъ, и потому рѣшился на ночной штурмъ. Вотъ, что онъ пишетъ объ немъ въ своей диспозиціи: «ночное нечаянное нападеніе даетъ много шансовъ на успѣхъ: но въ этомъ случаѣ главное условіе успѣха—часъ, стремительная атака прямо въ штыки и ни одного выстрѣла. При чемъ, обращается самое строгое вниманіе на то, чтобы слѣдовать совершенно безъ всякаго шума, отнюдь не отвѣчать на могущіе быть выстрѣлы аванпостовъ и, въ особенности, обратить вниманіе на то, чтобы, подъ смертною казнью, никто не смѣлъ курить, и чтобы при колоннахъ отнюдь не было собакъ. Всѣ вышеозначенныя данныя, обусловливающія успѣхъ дѣла, должны быть строго внушены начальниками своимъ подчиненнымъ».

Вся диспозиція основана, главнымъ образомъ, на точномъ выполненіи каждымъ начальникомъ марша и единовременномъ напа-

денін колоннъ съ разныхъ сторонъ, а также тяготѣніемъ ихъ къ Топъ-дагу. какъ къ пункту, рѣшающему участь боя.

Для достиженія цѣли, войска получили слѣдующія назначенія: правая колонна—бакинцы, елисаветпольцы и двѣ роты саперъ, подъ командою полковника князя Амираджиби, начинаетъ въ два часа ночи штурмъ фортовъ Азизіе со стороны горжи: въ тоже время средняя колонны: полковника Крузенштерна (два баталіона) овладѣваетъ укрѣпленіемъ Ахали, а другая генерала фонъ-Шака (тифлисцы и мингрельцы) по занятіи Ахали, штурмуетъ карскія ворота. Наконецъ, лѣвофланговой колоннѣ генерала Авинова (эриванцы, грузинцы и двѣ роты саперъ) было приказано слѣдующее: выступить въ шесть часовъ вечера и двигаться горной тропою къ южной сторонѣ крѣпости, до глубокой промоины, идущей отъ Полапъ-Текена въ городъ и дальше чрезъ него; не доходя версты до верковъ, остановиться, стянуться и въ полной тишинѣ ожидать, пока завяжется бой у фортовъ Азизіе и Ахали. Какъ только это будетъ замѣчено, то стремительно двигаться впередъ по водомоинѣ, при чемъ баталіону грузинцевъ занять правый бастіонъ, а остальнымъ безостановочно слѣдовать вдоль и позади бастіоновъ къ карскимъ воротамъ; эриванцы однимъ баталіономъ должны занять лѣвый бастіонъ, другой—располагаютъ за прикрытіемъ, лицомъ къ Керметлю; остальные же два баталіона, имѣя во главѣ охотниковъ, быстро обязаны двигаться черезъ городъ и занять цитадель, а также зданіе, называемое сарай, гдѣ помѣщались главные паши. При эриванскомъ полку слѣдовало находиться всѣмъ чинамъ 2-й батареи 21-й артилерійской бригады, безъ орудій и лошадей, имѣя съ собою ракетный станокъ и сигнальную ракету. По занятіи цитадели, артилеристамъ предписывалось стать къ орудіямъ, но огня до разсвѣта не открывать.

Такимъ образомъ, бригадѣ генерала Авинова выпала самая трудная задача: вопервыхъ, нужно было совершить тяжелый переходъ по горной тропѣ, ночью, и вовторыхъ, быть совершенно изолированною отъ остальныхъ нашихъ войскъ, при чемъ бригада не могла расчитывать ни на какую поддержку, такъ какъ резервная наша колонна, изъ восьми баталіоновъ и пяти батарей, подъ началь-

ствомъ генерала Тергукасова, находилась по крайней мѣрѣ въ двадцати верстахъ отъ водомоины, у поста Хана; тамъ же находилась и вся кавалерія.

Генералъ Гейманъ, возлагая столь рискованное порученіе на 1-ю бригаду, выразился такъ: «на этихъ молодцовъ я надѣюсь».

Диспозиція, задуманная и начертанная рукою кавказскаго генерала, была великолѣпна; но почему осуществленіе ея на дѣлѣ не увѣнчалось успѣхомъ—это въ настоящее время весьма трудно сказать. Конечно, дурные проводники, чрезвычайно темная ночь и вообще рядъ случайностей и недоразумѣній, сложившихся не въ нашу пользу, имѣютъ мѣсто; но, помимо того, есть и еще причины, которыя критически пока не разобраны.

Генералъ Гейманъ, въ своемъ донесеніи, обвиняетъ колонныхъ начальниковъ. Вотъ что онъ пишетъ о лѣвой колоннѣ: «генералъ Авиновъ вывелъ войска позже назначеннаго времени (45), и не вмѣстѣ всю бригаду, а отдѣльно полкъ отъ полка, при чемъ полки разошлись по разнымъ дорогамъ. Затѣмъ, генералъ Авиновъ розыскивалъ свои войска, и на это потрачено было безполезно много времени, такъ что онѣ могли выйти въ эрзерумскую долину только тогда, когда уже разсвѣло. Съ наступленіемъ же дня, генералъ Авиновъ, видя, что цѣль не достигнута, началъ отступать по той же дорогѣ и подвергся сильному артилерійскому огню съ бастіоновъ города, такъ равно и съ фортовъ Ахали и Меджидіе; но, благодаря растянутому по тропинкѣ строю, потеря была незначительна».

Офицеры эриванскаго полка, участвовавшіе въ этомъ ночномъ движеніи, разсказываютъ такъ: послѣ ранняго ужина, приказано было приготовиться къ выступленію. Мы знали, что идемъ на весьма рискованное предпріятіе, и что успѣхъ будетъ зависѣть отъ быстроты марша и одновременнаго дружнаго нападенія; все это мы внушили и людямъ. Лишь только начало смеркаться, фельдфебеля сдѣлали расчетъ ротамъ. Съ наступленіемъ темноты, командиръ полка приказалъ стать въ ружье,—всѣ заняли свои мѣста. По командѣ: «съ Богомъ!» тронулись по направленію къ Полапъ-Текену. Не пройдя и двухъ верстъ, эриванскій полкъ былъ остановленъ.

Тутъ вышла, дѣйствительно, проволочка во времени, всегда неблагопріятно вліяющая на войска; послышались даже шопотомъ замѣчанія: чего мы ждемъ? идти—такъ идти. Всѣ горѣли нетерпѣніемъ скорѣе исполнить свой долгъ,—да къ тому же, каждый сознавалъ, что надо торопиться, чтобы успѣть, подъ покровомъ темной ночи, ворваться въ крѣпость. Кромѣ того, ночь стояла непмовѣрно холодная, и всякая остановка знобила руки и ноги. Наконецъ, около восьми часовъ вечера двинулись дальше. Впослѣдствіи уже выяснилось, что остановка эта была вызвана необходимостью пропустить грузинскій полкъ впередъ, такъ какъ онъ былъ направленъ проводниками не по слѣдуемой дорогѣ.

Сначала наступали справа по отдѣленіямъ, но вскорѣ пришлось вытянуться гуськомъ, по тропѣ, которая, извиваясь по крутымъ скалистымъ откосамъ, поднималась на Полапъ-Текенъ. Вершины этой горы уже были покрыты глубокимъ снѣгомъ, вслѣдствіе чего, во многихъ мѣстахъ переднимъ людямъ приходилось заново пролагать тропу по снѣжнымъ запосамъ. Отъ этого, движеніе было въ высшей степени медленное, утомительное. Къ полуночи, послѣ ужасныхъ трудовъ и усилій, поднялись на одиннадцати-тысячную высоту. Тутъ данъ былъ роздыхъ—чтобы стянуться. Рѣзкій горный холодъ на высотѣ, которая вдвое выше балканскихъ, положительно захватывалъ дыханіе и леденилъ измученные члены. Офицеры и солдаты, чтобы сколько нибудь оградить себя отъ такого холода, спустились въ лощину и жались другъ къ другу. Къ счастью, передышка продолжалась недолго; тронулись дальше. Въ горахъ былъ встрѣченъ турецкій пикетъ, который, сдѣлавъ нѣсколько выстрѣловъ, ускакалъ по направленію къ Эрзеруму.

Спускъ съ Полапъ-Текена въ долину Эрзерума представлялъ еще больше препятствій, нежели подъемъ: то и дѣло приходилось или съѣзжать въ какія-то пропасти, или карабкаться на остроконечныя высоты. Къ тому же, ночь стояла кромѣшная: въ двухъ шагахъ ничего нельзя было различить. Командира полка, страдавшаго подагрою, солдаты спускали, поддерживая подъ руки, а сами, равно и офицеры, держась другъ за друга, спускались ощупью. Всякій неосторожный шагъ могъ стóить жизни. Нѣкоторые, поте-

рявъ равновѣсіе, летѣли въ кручу.

Находившіеся впереди проводники—топографъ и нѣсколько армянъ изъ мѣстныхъ жителей, нерѣдко теряли направленіе дороги и отыскивали ее въ темнотѣ по выдающимся горамъ, чтобы попасть къ пункту, указанному по диспозиціи. Отъ этого происходили какія-то кривыя и кружныя движенія, при которыхъ гренадеры то удалялись, то приближались къ Эрзеруму. Между тѣмъ, время шло: приближался разсвѣтъ.

За полчаса до свѣта, вдругъ, фортъ Азизіе иллюминовался безчисленными огоньками, и чуть-чуть послышались ружейные выстрѣлы. То былъ штурмъ бакинскаго полка, который въ эту ночь безстрашно ворвался въ фортъ Азизіе и овладѣлъ двухъ-этажною казармою. Будучи не въ состояніи выломать въ ней дверь, бакинцы, подсаживая другъ друга, влѣзали въ окна. Проникнувъ, такимъ образомъ, во внутрь казармы, они, не давая времени опомниться растерявшимся туркамъ, приняли ихъ въ штыки. Непріятель сталъ опрометью бросаться во второй этажъ, куда вслѣдъ за нимъ ворвались и бакинцы; тогда турки кинулись на крышу казармы и тамъ, не видя уже спасенія, сдались въ плѣнъ. Это было самое лучшее время для того, чтобы и намъ начать штурмъ; но въ этотъ моментъ мы были еще на Полапъ-Текенѣ, далеко отъ нашей цѣли—водопромоины.

Что же касается другихъ войскъ, то о нихъ генералъ Гейманъ пишетъ слѣдующее: «елисаветпольскіе баталіоны, предназначенные для взятія праваго Азизіе, слѣдуя по указанному направленію, вмѣсто того, чтобы подняться на высоты Топъ-дага, сперва остановились у подножія, а потомъ прошли дальше по карской дорогѣ; встрѣтивъ же колонну полковника Крузенштерна, блуждавшую и возвращавшуюся назадъ, они, вмѣсто того, чтобы слѣдовать на выстрѣлы къ бакинцамъ, на гору, начали отступать. Колонна генерала фонъ-Шака двинулась къ карскимъ воротамъ, но такъ какъ ворота эти и фортъ Ахали не были заняты нами ночью, то на разсвѣтѣ она была встрѣчена орудійными выстрѣлами непріятеля и начала отступать обратно».

Когда совершенно разсвѣло, турки, замѣтивъ малочисленность

нашихъ войскъ на Азизіе, выдвинули изъ города свѣжіе таборы и атаковали бакинцевъ, которые, никѣмъ неподдержанные, вынуждены были отступить, уведя съ собою въ плѣнъ 19 офицеровъ и 541 нижняго чина.

И такъ, штурмъ не удался, хотя мы были близки къ побѣдѣ. На разсвѣтѣ былъ моментъ, когда не раздавалось ни одного турецкаго выстрѣла на всемъ Топъ-дагѣ, и будь у бакинцевъ малѣйшая поддержка, главный фортъ Топъ-дага—Меджидіе, безъ сомнѣнія, остался бы въ нашихъ рукахъ, такъ какъ, повидимому, непріятель оттуда въ испугѣ бѣжалъ.

Къ шести часамъ утра, турки перешли въ рѣшительное наступленіе противъ колонны князя Амираджиби, но тифлисцы и мингрельцы, выдвинутые для прикрытія отступленія, подпустили ихъ, на выгодной позиціи, поближе къ себѣ и бросились на нихъ. Ударъ былъ чрезвычайно удачный: генералъ Гейманъ доноситъ, что бывшіе впереди—паша и семь турецкихъ офицеровъ остались на штыкахъ нашихъ гренадеръ.

Что же касается колонны генерала Авинова, то она только къ свѣту достигла верховьевъ водомоины, гдѣ и остановилась, укрывшись за неровностями мѣстности и въ самой водомоинѣ, и разсыпавъ впереди стрѣлковыя роты. Лишь только турки замѣтили присутствіе нашихъ войскъ съ этой стороны, они тотчасъ же открыли артилерійскій огонь съ бастіоновъ и форта Ахали. Снаряды, хотя ложились мѣтко, но не причиняли намъ вреда; только одна граната, упавъ въ серединѣ саперъ, выбила у нихъ изъ строя пятнадцать человѣкъ. Это одинъ изъ немногихъ непріятельскихъ снарядовъ, который въ минувшую войну въ азіятской Турціи причинилъ намъ такой большой вредъ. Бригада, простоявъ до девяти часовъ утра, была повернута кругомъ. Обратное движеніе войска генерала Авинова совершили такъ: 2-й баталіонъ и три роты 4-го баталіона отошли по прежней дорогѣ, а 1-й, 3-й баталіоны, 4-я стрѣлковая рота, а также грузинцы и саперы, отступили по кратчайшему и удобопроходимому пути, ближайшему къ Эрзеруму, такъ что 1-й и 3-й баталіоны на нѣсколько часовъ прибыли ранѣе на деве-бойнскую позицію, нежели 2-й и 4-й баталіоны. Еслибы

1-й и 3-й баталіоны наступали ночью по той же дорогѣ, по которой отступили, то, нѣтъ сомнѣнія, они прибыли бы къ водомоинѣ вовремя и дѣло сдѣлали. Кружной путь, избранный генераломъ Гейманомъ для обхода, не былъ изслѣдованъ, и не было провѣрено, сколько понадобится времени для движенія по немъ. Да едва ли онъ былъ и нуженъ, такъ какъ совершенно темная ночь прикрывала движеніе и по ближайшему пути. Если же бригада уже неизбѣжно должна была совершить кружное движеніе, то слѣдовало выступить не позже двѣнадцати часовъ дня, чтобы она могла исполнить свое назначеніе, и чтобы люди были болѣе или менѣе свѣжи. Генералъ Авиновъ просилъ разрѣшенія выступить нѣсколько ранѣе назначеннаго часа, но на это генералъ Гейманъ не изъявилъ согласія, боясь обнаружить ночное движеніе.

Поведеніемъ нашихъ войскъ генералъ Гейманъ остался доволенъ. Онъ писалъ: «нельзя было не любоваться нашими молодцами; ихъ трудно было вывести изъ дѣла». Къ столь лестной похвалѣ боеваго генерала можно прибавить, что эриванцы и грузинцы изумили даже враговъ своимъ появленіемъ со стороны скалистыхъ утесовъ уже оледенѣлаго Поланъ-Текена. Это замѣчательное движеніе поистинѣ можетъ стать наряду съ немногими историческими переходами, которые случалось нашимъ войскамъ совершать въ недоступныхъ горахъ.

Эриванскій полкъ вернулся на свой бивакъ благополучно, имѣя только одного раненаго; между тѣмъ, войска, дѣйствовавшія противъ Азизіе, понесли значительныя потери, а именно: убито четыре офицера и 66 нижнихъ чиновъ; ранено двѣнадцать офицеровъ и 457 нижнихъ чиновъ и безъ вѣсти пропало: одинъ офицеръ и 131 нижній чинъ. Уронъ непріятеля опредѣлялся въ реляціи генерала Геймана слѣдующими цифрами: убито 1,500, ранено 1.000 и взято въ плѣнъ 559 человѣкъ. Турки же показываютъ свою убыль такъ: убито 700, ранено 1,500 и взято въ плѣнъ 520 человѣкъ.

Послѣ неудавшейся попытки овладѣть Эрзерумомъ, войска возвратились на деве-бойнскую позицію.

Съ 29-го октября началось размѣщеніе частей войскъ согап-

лугскаго отряда на зимнія квартиры. Эриванскому полку, вмѣстѣ со второю бригадою гренадеръ, пришлось оставаться въ авангардномъ лагерѣ на Деве-Бойну. Послѣ цѣлаго ряда лишеній, трудовъ, голода и холода, испытанныхъ при движеніи въ Эрзерумъ, эта стоянка, казалось бы, должна была вызвать неудовольствіе; однако, вышло напротивъ: полкъ охотно принялъ это новое назначеніе. Офицеры и нижніе чины стойко, безропотно, не падая духомъ, несли тяжелую аванпостную службу, среди страшной стужи, въ изношенной одеждѣ и при скудной пищѣ. Но, при этомъ, не было случая, чтобы солдатъ, забывъ долгъ и присягу, оставилъ свой постъ подъ предлогомъ мятели или леденящаго холода; даже тѣ, которые отмораживали члены, оставляли свой постъ не иначе, какъ по прибытіи смѣны. Вообще, наши солдаты вели себя въ высшей степени честно и доблестно. Нерѣдко можно было слышать, при сильномъ морозѣ или завываніи вьюги, какъ солдаты, прижавшись другъ къ другу въ палаткахъ, вели оживленные разговоры и даже шутили.

8-го ноября, въ день тезоименитства Августѣйшаго Главнокомандующаго, во время обѣда у генерала Геймана, на который былъ приглашенъ и командиръ полка, гонецъ привезъ извѣстіе о взятіи штурмомъ Карса, со всѣмъ его гарнизономъ, въ ночь съ 5-го на 6-е ноября. Съ электрическою быстротою вѣсть эта пронеслась по войскамъ и вызвала раскаты восторженнаго «ура», которому вторила пушечная пальба.

Только военному человѣку, испытавшему всѣ невзгоды походной жизни, понятна та великая радость, которую чувствовали наши войска, стоявшія на деве-бойнской позиціи, при извѣстіи о торжествѣ нашего оружія. Здѣсь побѣда была вполнѣ оцѣнена, и всякій сознавалъ, что, съ паденіемъ такой твердыни, какъ Карсъ, наши дѣла въ азіятской Турціи пріймутъ благопріятный для насъ оборотъ: Эрзерумъ рано или поздно падетъ, и многотрудный походъ будетъ завершенъ выгоднымъ миромъ.

28-го ноября, полкъ, въ видѣ льготы, былъ расположенъ для отдыха на зимнія квартиры по окрестнымъ пустопорожнимъ деревнямъ, а именно: въ Чивтликѣ—полковой штабъ, въ Гельджіасѣ—

1-й баталіонъ, въ Айкуртѣ и Піутакѣ—2-й баталіонъ, въ нижнемъ Туи—3-й, а въ Куруджукѣ—4-й.

Деревни Чивтликъ и Далляръ были буквально занесены сугробами снѣга, такъ что не мало труда стóило ихъ найти и затѣмъ, откопать изъ подъ снѣга. Однако, несмотря на то, что деревни найдены въ весьма жалкомъ, полуразрушенномъ состояніи, все-таки онѣ представляли болѣе защиты отъ холода и мятелей, нежели палатки. Явилась даже возможность приспособить нѣкоторые буйволятники для бани, и можно судить, съ какимъ наслажденіемъ солдатики мыли свое грязное, иззябшее тѣло въ этихъ смрадныхъ баняхъ, сожалѣя, конечно, объ одномъ, что «нѣтъ вѣничка, а то и впрямь баня была бы настоящая».

Недолго полку довелось благодушествовать въ саклях, согрѣваемыхъ собственнымъ дыханіемъ. 11-го декабря, по требованію генерала Геймана, полку приказано—экстренно собраться вечеромъ къ деревнѣ верхніе Туи и выступить въ долину Чернаго Ефрата. Коротки сборы военнаго человѣка на походной ногѣ; но на этотъ разъ они были изумительно быстры. Даже люди 2-го баталіона, мывшіеся въ этотъ день въ банѣ, живо надѣли свою ветхую одежду на разогрѣтое тѣло и, какъ по тревогѣ, явились въ строй.

Командующій 2-мъ баталіономъ маіоръ Яковлевъ и старшій врачъ полка Авдаковъ тоже не побрезгали импровизованною баней. Положеніе ихъ было крайне незавидное—прямо изъ бани попасть въ зимній походъ; но на войнѣ объ этомъ не разсуждаютъ. Велѣно идти—значитъ, надо. Маіору Яковлеву баня не прошла даромъ: онъ заболѣлъ лихорадкою, которая впослѣдствіи перешла въ тифъ.

Переходъ въ долину Чернаго Ефрата весьма замѣчателенъ. Офицеры, совершившіе его, разсказываютъ такъ: отъ деревни верхніе Туи мы вытянулись въ одного человѣка по тропѣ, пробитой по снѣжнымъ запосамъ, и стали подниматься на хребетъ Чобанъ-Дада, возвышающійся на 9,000 футъ. Цѣлую ночь, слѣдуя другъ за другомъ, мы поднимались на перевалъ; вправо и влѣво нельзя было свернуть, потому что запосы настолько мѣстами были глубоки, что легко было завязнуть или утонуть въ снѣгу. Морозъ ночью усилился и, по мѣрѣ поднятія въ гору, становился чувствительнѣе.

Всякая остановка впереди вызывала неудовольствіе и понуканіе, такъ какъ задерживала всѣхъ, кто былъ позади. Надо было идти безостановочно, чтобъ не замерзнуть; да къ тому же, каждый боялся, что вотъ-вотъ поднимется мятель, а тогда, при такой стужѣ, гибель неминуема. Къ утру, головная часть полка благополучно достигла перевала; тутъ каждый легче вздохнулъ, и ноги пошли веселѣе.

На перевалѣ картина горной зимы представилась во всей своей величественной красотѣ: остроконечныя бѣлыя вершины Чобапъ-Дада сверкали, словно усыпанныя безчисленными алмазами; впереди вся мѣстность представлялась ровною; по ней, извиваясь тонкимъ шнуромъ, двигался полкъ.

Правду сказать, прелести природы не очень трогаютъ въ походѣ военнаго человѣка. Въ данный моментъ, у каждаго была одна думка: какъ бы поскорѣе пройти этотъ безконечный поднебесный перевалъ и скорѣе добраться до жилаго мѣста, чтобы отдохнуть послѣ пятнадцати-часоваго хода. Съ перевала дѣло пошло успѣшнѣе: тутъ, разъ шагнешь, а на три шага съѣдешь. Къ десяти часамъ утра, полкъ достигъ до армянской деревни Гинсъ, гдѣ дербентскій полкъ, по кавказскому обычаю, встрѣтилъ эриванцевъ обѣдомъ. Этотъ обѣдъ до конца жизни не изгладится изъ памяти тѣхъ, кто на немъ участвовалъ. Говорится: дорого яичко къ свѣтлому дню, а обѣдъ былъ даже дороже яичка. Голодные, изнеможенные, выбившіеся изъ послѣднихъ силъ, офицеры и солдаты видѣли въ этой встрѣчѣ глубокую братскую связь, которая давно присуща кавказскимъ войскамъ, и которая составила славу кавказской арміи. Обѣдъ состоялъ изъ щей съ капустою и бураками, которыхъ полкъ не ѣлъ со дня, предшествовавшаго авліарской битвѣ.

Быстрота, съ какою эриванскій полкъ совершилъ форсированный маршъ въ Гинсъ, изумила даже генерала Геймана, посѣдѣвшаго въ походахъ и бояхъ. Онъ, будучи очевидцемъ этого марша, отзывается о полкѣ, въ своемъ письмѣ къ командующему корпусомъ, слѣдующимъ образомъ: «зная, какъ ваше высокопревосходительство любите нашихъ молодцовъ-солдатъ, спѣшу порадовать васъ молодецкимъ движеніемъ эриванцевъ. Я ихъ видѣлъ девятаго числа утромъ, они готовились двѣнадцатаго идти на Узунъ-Ахметъ.

Десятаго, въ пять часовъ пополудни, полковникъ Толстой получилъ отъ меня записку: съ полкомъ, имѣя четырехдневный запасъ, выступить форсированнымъ маршемъ въ Гинсъ. Провіанта запаснаго у нихъ не было, въ догонку имъ подвезли его грузинцы; все это на походѣ,—живо собрались и въ девять часовъ утра, десятаго числа, вступили въ Гинсъ. Я на пути видѣлъ полкъ: люди были такими бодрыми и такими молодцами, что нельзя было налюбоваться: это вполнѣ напоминало мнѣ старыхъ кавказцевъ, которые, по тревогѣ, спѣшатъ въ бой, какъ на пиръ» (46).

Въ долинѣ Чернаго Ефрата полкъ расположился по деревнямъ, жители которыхъ, армяне, оказали ему радушный пріемъ, даже раздавали солдатамъ безплатно хлѣбъ и другіе съѣстные припасы. Долина Чернаго Ефрата еще не была опустошена. Здѣсь можно было купить капусту, бураки, лукъ и другіе продукты.

Недолго довелось полку прожить въ этой странѣ, полной изобилія: 17-го декабря полкъ снова перевалилъ чрезъ хребетъ Чобанъ-Дада и сталъ на прежнихъ своихъ квартирахъ. Черезъ пять дней онъ опять перешелъ на Деве-Бойну, гдѣ и расположился лагеремъ на плато.

Къ этому времени свершилось полное обложеніе Эрзерума. Войскамъ предписывалось: энергически, бдительно нести аванпостную службу и зорко слѣдить за осажденнымъ противникомъ (47).

ГЛАВА XII.

Встрѣча новаго года. Бѣдствія, испытанныя полкомъ подъ Эрзерумомъ. Тифозная эпидемія. Смерть командира полка. Радостныя извѣстія изъ южной арміи. Перемиріе и санъ-стефанскій договоръ 19-го февраля. Занятіе нашими войсками Эрзерума. Движеніе полка къ Александрополю. Санитарная стоянка у Калали. Движеніе къ Ардагану. Распущеніе отрядовъ. Его Высочество, съ Августѣйшею Супругою, встрѣчаютъ полкъ въ Ахалкалакахъ.

Новый 1878-й годъ полкъ встрѣтилъ среди жестокихъ морозовъ и мятелей, на семитысячной деве-бойнской высотѣ, подъ вет-

хими палатками или дурно приспособленными кибитками; но и при такой суровой, неприглядной обстановкѣ, въ офицерскихъ и въ солдатскихъ палаткахъ видно было праздничное настроеніе. Вино, сахаръ, чай, пожертвованные Великою Княгинею Ольгою Ѳеодоровною въ полки кавказской гренадерской дивизіи, какъ нельзя болѣе кстати были розданы въ это время, потому что въ нихъ чувствовался крайній недостатокъ, и приходилось платить за фунтъ сахару рубль и болѣе, а вина и вовсе нельзя было достать.

Въ первый день новаго года не обошлось безъ обычныхъ поздравленій; кромѣ того, всѣ взаимно пожелали другъ другу скорѣе и благополучнѣе окончить кампанію и вернуться домой, къ своимъ семьямъ, къ своимъ роднымъ. Однако, многимъ не суждено было дождаться этого счастливаго дня. Положеніе нашихъ войскъ въ эрзерумской области съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе ухудшалось: голодъ и холодъ все сильнѣе давали себя чувствовать; тифъ принималъ страшные размѣры.

Зима, по увѣренію туземцевъ, стояла въ этомъ году въ высшей степени жестокая; да и въ самомъ дѣлѣ, морозы нерѣдко достигали до двадцати градусовъ. Снѣгъ до того былъ глубокъ, что часто заносилъ телеграфные столбы и палатки, такъ что для сообщенія между ними приходилось продѣлывать ходы, раскапывая сугробы болѣе чѣмъ въ сажень глубины. Каково же было въ такую пору, да притомъ, въ изношенной, легкой одеждѣ, въ дырявыхъ сапогахъ, стоять на аванпостахъ, подъ открытымъ небомъ!

Что же касается до благодѣтельныхъ костровъ, то о нихъ нельзя было и помышлять, потому что дрова добывались съ большимъ трудомъ, и ихъ едва хватало на варку пищи—да и то, не всегда. Съ 15-го ноября, хотя и разрѣшено было, приказомъ по корпусу, ежедневно выдавать нижнимъ чинамъ спиртъ, но таковой, за невозможностью своевременнаго подвоза, выдавался на Деве-Бойну въ весьма ограниченномъ количествѣ. Между тѣмъ, до свѣдѣнія генерала Геймана дошло, что пьющіе солдаты скупали у непьющихъ спиртъ, пили его по нѣсколько чаръ, отчего хмѣлѣли и въ такомъ состояніи отмораживали себѣ руки и ноги. На это обстоятельство генералъ Гейманъ обратилъ вниманіе баталіонныхъ и ротныхъ

командировъ. Онъ предписывалъ—принять самыя энергическія мѣры къ прекращенію продажи спирта между нижними чинами. Въ эриванскомъ полку случаевъ отмораживанія членовъ отъ излишне выпитаго спирта не было; отъ плохой же обуви были только случаи ознобленія ногъ. Генералъ Авиновъ пишетъ: «во все время зимней стоянки на Деве-Бойну, несмотря на всѣ безпримѣрныя лишенія, нравственность была выше всякой похвалы: положительно не было случаевъ, чтобы кто нибудь высказалъ хотя бы что либо похожее на неудовольствіе, и всѣ чины долгъ свой исполняли съ замѣчательнымъ самоотверженіемъ».

20-го января, на укомплектованіе полка прибыло только 383 человѣка, изъ числа пятисотъ, выступившихъ изъ Владикавказа, изъ 73-го, 78-го и 80-го запасныхъ баталіоновъ; остальные 117-ть человѣкъ частью умерли въ дорогѣ, а частью сданы въ лечебныя заведенія по пути слѣдованія. Прибывшіе солдаты были въ высшей степени истощены и обезсилены продолжительнымъ походомъ въ зимнее время. Изъ Владикавказа до Деве-Бойну они прошли пѣшкомъ, нерѣдко голодая, такъ какъ по дорогѣ и съ деньгами во многихъ мѣстахъ ровно ничего нельзя было достать. Жалко было смотрѣть на эти жертвы войны: лица у нихъ были блѣдныя, вытянутыя, губы посинѣлыя: вообще, видъ они имѣли унылый, болѣзненный. Вся эта партія, кое-какъ дотащившаяся до полка, не увеличила его силы, а, напротивъ, удобрила почву для эпидеміи: почти всѣ они погибли отъ заразы.

Командующій корпусомъ генералъ-адъютантъ Лорисъ-Меликовъ, вскорѣ послѣ взятія Карса, прибылъ къ соганлугскому отряду и поселился въ Гасанъ-Кала—такъ сказать, въ самомъ центрѣ тифозной эпидеміи. Здѣсь, будучи свидѣтелемъ, какъ безропотно, покорно умирали десятки и сотни нашихъ богатырей, онъ сильно скорбѣлъ и страдалъ душею. Чтобы облегчить участь больныхъ и улучшить положеніе корпуса, онъ энергично хлопоталъ, ходатайствовалъ и принималъ всѣ зависящія отъ него мѣры. Въ то время имъ испрошены усиленныя суточныя деньги офицерамъ; открыты при полкахъ, вмѣсто околотковъ, полковые лазареты съ порціями дѣйствительной ихъ стоймости; для поддержанія силъ фельдшеровъ

и лазаретной прислуги, разрѣшено выдавать увеличенную дачу хлѣба, водки и чаю; чтобы отстранить чувствовавшійся недостатокъ въ хлѣбѣ, приказано завести въ полкахъ ручныя мельницы и молоть ими пшеницу, которая въ большомъ количествѣ была найдена въ турецкихъ казенныхъ складахъ; всѣхъ людей, выписавшихся изъ госпиталей и лазаретовъ, приказано не отправлять къ своимъ ротамъ, а составить изъ нихъ команды слабосильныхъ и до окончательнаго выздоровленія держать ихъ особо, подъ надзоромъ врачей или, за неимѣніемъ ихъ, фельдшеровъ; слабосильныя команды предписывалось расположить въ деревняхъ, еще незараженныхъ тифомъ, и обратить самое серьезное вниманіе на санитарное ихъ состояніе, для чего ежедневно, до обѣда, выводить людей на прогулки, а послѣ обѣда—для игръ, съ цѣлью, чтобы люди большую часть дня были на воздухѣ. Въ началѣ февраля, по докладѣ Его Высочеству Главнокомандующему арміею, разрѣшено, взамѣнъ пришедшей въ негодность мундирной одежды, выдать новую, а также всѣ палатки, хотя и не выслужившія срокъ, но пришедшія въ ветхость, замѣнить новыми. Дровяное и фуражное довольствіе производилось по высокимъ справочнымъ цѣнамъ. Словомъ, все было сдѣлано, чтобы помочь горю; но всѣ эти мѣропріятія далеко не достигали цѣли: мы имѣли деньги, но не могли на нихъ купить въ эрзерумской области съѣстныхъ припасовъ и теплой одежды. Транспортировка же всего необходимаго изъ Александрополя, на разстояніи болѣе трехсотъ верстъ, сопряжена была съ величайшими затрудненіями. Страшные морозы, снѣжные заносы, вьюги и притомъ, едва проходимыя дороги задерживали транспорты въ пути по цѣлымъ мѣсяцамъ. Независимо природы, которая намъ представляла неодолимыя затрудненія, количество транспорта, значившееся на бумагѣ, далеко не существовало въ дѣйствительности.

Ближайшіе начальники и офицеры всячески старались облегчить службу солдатъ и изыскивали способы достать для нихъ хлѣбъ, съѣстные припасы, дрова и одежду.

Въ данный періодъ времени служба полковыхъ квартирмейстеровъ была чрезвычайно тяжелая; на ихъ обязанности лежало пріисканіе и покупка фуража и топлива. Дѣло это было въ выс-

шей степени трудное въ странѣ непріятельской, опустошенной самими же турками, и нерѣдко поиски за фуражемъ и дровами оканчивались ничѣмъ: жители упорствовали, не продавали—а добыть непремѣнно нужно было, иначе люди оставались безъ теплой пищи, а лошади безъ корма. Иной разъ, не взирая на снѣжныя бури, приходилось квартирмейстерамъ цѣлые дни ѣздить изъ деревни въ деревню, и только послѣ долгихъ просьбъ, увѣщаній и угрозъ удавалось купить по дорогой цѣнѣ то или другое. Должность квартирмейстера въ полку исполнялъ сначала подпоручикъ Кодинъ—пока не простудился и не заболѣлъ тифомъ; а затѣмъ, подпоручики Паренаго и Климіевъ. Всѣ они заявили себя въ этой должности вполнѣ распорядительными и энергичными офицерами.

Полкъ, отбывъ свою очередь на передовой позиціи, опять сталъ по своимъ квартирамъ, значительно ухудшившимся вслѣдствіе расхищенія, для варки пищи, дверей, косяковъ и другихъ деревянныхъ принадлежностей.

Между тѣмъ, тифъ принималъ ужасающіе размѣры. Командиръ полка Александръ Николаевичъ Толстой, не взирая на свое окончательно разстроенное здоровье, не оставлялъ полка въ эти трудные дни; мало того, онъ, вопреки совѣту старшаго врача Авдакова, навѣщалъ тифозныхъ, говоря: «мой долгъ поддержать, ободрить этихъ несчастныхъ страдальцевъ хотя ласковымъ словомъ».

Такое высокое самоотверженіе достойно славы героя. Къ общему прискорбію полка, эпидемія не пощадила А. Н. Толстаго; при одномъ изъ осмотровъ полковаго лазарета, онъ заразился и скончался 15-го февраля въ селеніи Гельджіасѣ. Болѣзнь была скоротечная; всѣ старанія врача Смирнова, пользовавшаго Александра Николаевича, были напрасны. Такой же участи подвергся и начальникъ дивизіи генералъ-лейтенантъ Соловьевъ. Онъ скончался на другой день послѣ командира полка, отъ тифа же, которымъ тоже заразился при посѣщеніи дивизіоннаго лазарета. Смерть этихъ двухъ старшихъ начальниковъ произвела потрясающее дѣйствіе на подчиненныхъ. Одновременно съ этимъ, умерли отъ тифа: начальникъ корпусной артилеріи генералъ Губскій, начальникъ эрзерумской области генералъ Шелковниковъ и начальникъ кавалеріи со-

ганлугскаго отряда генералъ Лорисъ-Меликовъ, племянникъ командующаго корпусомъ. Такая смертность между высшими начальниками ясно свидѣтельствовала, что они въ это злополучное время заботились о солдатѣ и вмѣстѣ съ нимъ гибли отъ заразы.

Начальникъ отряда генералъ Гейманъ, заболѣвъ тифомъ, оставался при войскахъ и не переставалъ заботиться объ ихъ участи. На этотъ разъ зараза пощадила героя; онъ поправился собственно отъ тифа, но продолжалъ страдать давними своими недугами.

Среди общей печали и уныпія, къ намъ стали доходить изъ южной арміи отрадныя извѣстія. Мы всѣ ожили, радостно встрепенулись и почувствовали на душѣ хорошо, когда была получена телеграмма о паденіи Плевны. Наконецъ, это роковое, заколдованное гнѣздо арміи Османъ-паши, на которое мы привыкли смотрѣть какъ на неодолимую для насъ твердыню, пало передъ мужествомъ и терпѣніемъ нашего солдата, послѣ пяти-мѣсячной осады (48).

Турецкое правительство, видя полное пораженіе своихъ армій и опасаясь за Константинополь, выслало уполномоченныхъ для заключенія мира. 19-го января Главнокомандующій южною арміею утвердилъ предварительныя условія перемирія, по которому, между прочимъ, опредѣлялась передача намъ Эрзерума, и назначалась для южной арміи демаркаціонная линія. 12-го февраля Санъ-Стефано занято, и остатки пораженной турецкой арміи прижаты къ столицѣ.

Турки, подъ разными предлогами, медлили передачею намъ Эрзерума, и она фактически осуществилась только 9-го февраля. Генералъ Духовской, въ своей запискѣ о занятіи нашими войсками Эрзерума, пишетъ слѣдующее: «Согласно приказанію командовавшаго корпусомъ, изъ крѣпостныхъ верковъ прежде всего слѣдовало занять форты Топъ-дага, Азизіе и Меджидіе, господствующіе надъ всею крѣпостью, и притомъ, непремѣнно до окончательнаго очищенія крѣпости отъ турецкихъ войскъ. Занятіе этихъ фортовъ назначено на 9-е февраля, частями кавказской гренадерской дивизіи, расположенной со стороны Деве-Бойну. Надо было предварительно разработать дорогу, такъ какъ здѣсь всю зиму сообщенія не было, а снѣгъ лежитъ, особенно въ ущельяхъ, слоемъ въ нѣсколько са-

женей. Дѣло это начато съ 5-го февраля и велось весьма энергично. Гренадеровъ брало нетерпѣніе взглянуть на тотъ Эрзерумъ, который давно служилъ предметомъ ихъ вождѣленныхъ мечтаній и сто́илъ столькихъ громадныхъ жертвъ. По пути отъ Деве-Бойну, по изрытой природою мѣстности, крутыми подъемами и спусками, прорыта въ снѣгу траншея, мѣстами выше сидящаго на лошади всадника. 1-му баталіону лейбъ-эриванскаго полка и всему грузинскому полку приказано—подойдя къ фонтану, не доходя Эрзерума, остановиться, а мнѣ выѣхать къ нимъ навстрѣчу и лично ввести ихъ въ форты.

«День былъ ясный, тихій, морозный. Я взялъ съ собою нѣсколько почетныхъ жителей города и, съ состоявшею при мнѣ небольшою командою казаковъ, встрѣтилъ голову эриванцевъ, тянувшихся по снѣговой траншеѣ одинъ за однимъ, и бригаднаго ихъ командира генералъ-маіора Авинова, верстъ за шесть отъ города. Рыхлый снѣгъ на днѣ траншеи весьма замедлялъ движеніе: люди то и дѣло останавливались перевести духъ.

«Отъ фонтана, гдѣ впервые показались верхи городскихъ минаретовъ, и куда нѣсколько десятковъ армянъ выбѣжали поспѣшно изъ города взглянуть на русскихъ, длинная нить нашихъ баталіоновъ повернула вправо и по узкой и крутой тропѣ стала тихо взбираться на горы Топъ-дага. Тутъ открылись грозные Азизіе, Меджидіе, а внизу, подъ ногами, весь громадный городъ; за нимъ—черная, среди бѣлоснѣжнаго моря, линія трапезундскаго шоссе, съ едва примѣтнымъ вдали селеніемъ Плиджи. Наверху Топъ-дага баталіоны строились, оправлялись и распускали свои знамена.

«1-й баталіонъ эриванцевъ, съ музыкою, среди толпы успѣвшаго собраться народа, стройно подошелъ къ тому самому форту Азизіе, который 28-го октября славно штурмовали баккницы, и вытянулся передъ воротами покоемъ. Взяли «на караулъ». При звукахъ музыки, знамя поднялось по лѣстницѣ наверхъ оборонительной казармы, и водружено мною, какъ комендантомъ, надъ воротами. Баталіонъ, снявъ шапки, сотворилъ крестное знаменіе; затѣмъ, при громкомъ «ура», хоръ музыки исполнилъ «Боже Царя

хранн», и люди вступили въ казарму. Тоже самое исполнили и грузинцы».

Такъ совершилось вступленіе русскихъ войскъ въ фортъ Эрзерума. Нашимъ офицерамъ и солдатамъ, пока изъ города не вышли всѣ турецкія войска, запрещено было спускаться съ Топъ-дага.

Къ вечеру того же дня, выступили изъ города послѣдніе турецкіе баталіоны, передавъ нашимъ часовымъ казенное имущество и зданія. За всѣ продовольственные запасы, оставленные въ Эрзерумѣ, турецкому правительству, по взаимному соглашенію, уплочено деньгами по весьма высокимъ цѣнамъ, такъ напримѣръ: за четверть ячменя уплатили по семнадцати рублей. Всего куплено въ турецкихъ складахъ: пшеницы около 27,000 четвертей, галетъ (сухарей) 10,700 пудовъ, ячменя 3,000 четвертей, самана 7,500 пудовъ, масла 4,000 окъ, соли 7,000 окъ. Муки въ готовомъ видѣ не оказалось, но около города имѣлось до тридцати пяти рабочихъ мельницъ.

Въ артилерійскихъ складахъ остались большіе запасы пороха и снарядовъ. Изъ числа 320 орудій, составлявшихъ вооруженіе крѣпости, вывезено турками, ко дню сдачи, 155 орудій, а 165 переданы намъ до заключенія мира.

Въ первые дни по очищеніи турками Эрзерума, въ ихъ госпиталяхъ насчитывалось до 4,600 больныхъ, при тридцати одномъ врачѣ. Транспортировка больныхъ изъ города шла быстро.

Турецкіе госпитали въ Эрзерумѣ изобильно были снабжены, какъ медицинскими, такъ и хирургическими инструментами. Въ числѣ 4,600 больныхъ, тифозныхъ было не болѣе 150 человѣкъ, но за то, съ отмороженными членами до 25%. Съ октября до апрѣля, турки похоронили на эрзерумскихъ кладбищахъ около 12,000 человѣкъ.

И такъ, на страницы боевой исторіи эриванскаго полка предстояло вторично внести занятіе Эрзерума, хотя этотъ славный шагъ стóилъ полку неимовѣрныхъ трудовъ, лишеній и жертвъ.

10-го февраля, въѣхалъ въ Эрзерумъ побѣдитель Деве-Бойну, генералъ Гейманъ, а 11-го числа—генералъ-адъютантъ (нынѣ графъ) Лорисъ-Меликовъ. Христіанское населеніе Эрзерума съ большимъ

торжествомъ встрѣтило корпуснаго командира. Мужчины, женщины, дѣти наполнили балконы и плоскія крыши домовъ, по пути проѣзда Михаила Таріеловича. Войска наши, выстроенныя шпалерами по улицамъ, ведущимъ къ квартирѣ корпуснаго командира, привѣтствовали его восторженнымъ «ура».

Объ наши арміи, южная и кавказская, съ нетерпѣніемъ ждали 19-го февраля. Всѣ предполагали и надѣялись, что этотъ многознаменательный для насъ день будетъ ознаменованъ новымъ историческимъ событіемъ—заключеніемъ мира. Ожиданіе, къ общей радости, дѣйствительно сбылось: 19-го февраля подписаны условія санъ-стефанскаго договора.

Санъ-стефанскій договоръ былъ новою нашею славою и новымъ торжествомъ нашего оружія. Европа съ завистью взглянула на могучую нашу силу и тотчасъ постаралась воспрепятствовать намъ въ совершенномъ уничтоженіи владычества османовъ на Балканахъ. Но все же мы достигли слѣдующихъ результатовъ: Сербія, Черногорія и Румынія освобождены изъ подъ вассальной зависимости Турціи, съ территоріальнымъ вознагражденіемъ; Болгаріи дана административная автономія; Россія получила за понесенные убытки карскую и батумскую области и часть Бессарабіи, принадлежавшую ей до 1855-го года.

Къ концу февраля, эпидемія достигла ужасающихъ размѣровъ. Въ полку было больныхъ: въ лазаретѣ 618, а въ госпиталяхъ 736 человѣкъ. Умерло въ теченіи февраля въ полковомъ лазаретѣ 173 и въ госпиталяхъ 31 человѣкъ.

Полковой врачъ Авдаковъ приводитъ слѣдующія цифровыя данныя о ходѣ эпидеміи и смертности въ полковомъ лазаретѣ и о числѣ больныхъ: больныхъ состояло въ полку къ 1-му января 1878-го года 624 ч.; къ 1-му февраля—1,090 ч.; къ марту—1,354 ч., къ апрѣлю—1,607 ч. Съ апрѣля число больныхъ начало постепенно уменьшаться, и къ 1-му іюля дошло до 800 человѣкъ.

Изъ этого числа, до 400 человѣкъ больныхъ были въ безъизвѣстности для полка. Люди эти частью убыли съ поля сраженія ранеными, а частью заболѣли тифомъ и были затѣмъ перевезены

изъ одного лечебнаго заведенія въ другое. Смертность же въ полковомъ лазаретѣ была слѣдующая: въ январѣ, съ 1-го по 11-е число, умерло 9, съ 11-го по 21-е—13, съ 21-го по 1-е февраля—25; въ февралѣ, въ тѣ же сроки, умерло 39, 71 и 63; въ мартѣ—99, 92, 59; въ апрѣлѣ—7 человѣкъ, а всего за означенное время умерло въ полковомъ лазаретѣ 477 человѣкъ,—цифра весьма почтенная!

Его Высочество Главнокомандующій арміею, желая спасти остатки кавказской гренадерской дивизіи, приказалъ вывести ее изъ эрзерумской области и расположить по квартирамъ въ александропольскомъ уѣздѣ (49). Выступленіе полку назначено двумя эшелонами. Въ силу этого распоряженія, 1-й эшелонъ, сосредоточившись въ селѣ Эйсанджа, выступилъ 4-го марта, въ составѣ—7-й, 8-й, 9-й, 10-й, 11-й и 3-й и 4-й стрѣлковыхъ ротъ, подъ начальствомъ маіора Меликова, а второй эшелонъ, въ составѣ 1-го баталіона и трехъ ротъ 2-го баталіона, выступилъ 6-го марта, подъ личнымъ начальствомъ командующаго полкомъ полковника Бибикова. Полковой лазаретъ, подъ прикрытіемъ 5-й и 12-й ротъ, оставленъ въ селѣ Піутакъ до болѣе теплаго времени.

Трудно было совершить обратное движеніе въ холодную пору, по странѣ безпріютной, безлѣсной, рѣдко населенной и среди полудикаго куртинскаго населенія. На ночлежныхъ пунктахъ (этапахъ) хотя и были поставлены кибитки и заготовлены дрова и кизяки для варки пищи, а также фуражъ для лошадей, но, при всемъ томъ, не всегда довелось ѣсть горячую пищу, такъ какъ измученныя артельныя и полковыя лошади еле-еле тащили ноги и большею частью не поспѣвали на ночлеги. Солдаты безропотно напрягали свои послѣднія силы и тащились до окончательнаго изнеможенія, а нѣкоторые до послѣднихъ минутъ жизни. На каждомъ ночлегѣ приходилось хоронить нѣсколько страдальцевъ, тихо отходившихъ въ жизнь вѣчную.

Во время этого слѣдованія, не доходя до Карса, скончались отъ тифа—маіоръ Яковлевъ и штабсъ-капитанъ Чиляевъ. Смерть этихъ офицеровъ, постарѣвшихъ въ походахъ и бояхъ, произвела сильное впечатлѣніе на полкъ. Мрачно и безотрадно у всѣхъ было

на сердцѣ; каждый чувствовалъ свое безсиліе, свою немощь передъ грозною заразой. Въ столь тяжелыя минуты, только надежда на скорое возвращеніе на родину живительнымъ лучемъ поддерживала надорванныя силы, а многихъ удерживала и отъ самоубійства.

Въ дни прибытія эшелоновъ въ Карсъ, три сослуживца-товарища, состоявшіе въ корпусномъ штабѣ въ качествѣ адъютантовъ, угощали офицеровъ обѣдомъ, а нижнихъ чиновъ встрѣтили также обѣдомъ роты лейбъ-екатеринославскаго полка, расположеннаго тогда въ Карсѣ. На другой день по прибытіи эшелоновъ въ Карсъ, общество офицеровъ екатеринославскаго полка дѣлало обѣдъ въ честь прибывшихъ эриванцевъ. Большая разница была между обѣдомъ, даннымъ на Каралѣ, въ честь екатеринославцевъ, и теперешнимъ въ Карсѣ: тогда оба полка были полны надеждъ, здоровья и веселья, а теперь они имѣли видъ угрюмый, болѣзненный—въ особенности, эриванцы. Поэтому, несмотря на полное радушіе хозяевъ и выпитое вино, тосты не оживлялись восторженными возгласами, а чувствовалось что-то гнетущее, и было отчего: 1-й эшелонъ, имѣя въ своемъ составѣ семь ротъ, вступилъ въ Карсъ въ числѣ только 529 нижнихъ чиновъ; остальныя же двѣ трети боевыхъ товарищей были погребены въ эрзерумской области и разбросаны по госпиталямъ (50).

Такимъ образомъ, въ мартѣ, полкъ, совершилъ походъ почти въ двѣсти пятьдесять верстъ и въ послѣднихъ числахъ этого мѣсяца расположился по деревнямъ, въ разстояніи одного и двухъ переходовъ отъ Александрополя.

Съ наступленіемъ теплоты, эвакуація лечебныхъ заведеній въ эрзерумской области и транспортировка больныхъ сдѣлались дѣятельнѣе, такъ что 12-я рота прибыла къ полку 9-го апрѣля, а 5-я рота, по закрытіи полковаго лазарета и сдачѣ остальныхъ 260 человѣкъ больныхъ въ военно-временный № 53-го госпиталь, выступила 12-го апрѣля, съ транспортомъ больныхъ, и прибыла къ полку въ началѣ мая.

По заключеніи мира, командующій корпусомъ генералъ-адъютантъ Лорисъ-Меликовъ уѣхалъ изъ Эрзерума въ Карсъ, а затѣмъ, по болѣзни, въ Тифлисъ, передавъ командованіе корпусомъ 27-го

марта генералу Гейману, который, при осмотрѣ госпиталей въ Карсѣ, вторично заразился тифомъ и скончался въ день годовщины объявленія войны, 12-го апрѣля.

Полкъ съ большимъ прискорбіемъ принялъ вѣсть о кончинѣ генерала Геймана, одного изъ доблестнѣйшихъ кавказскихъ генераловъ. Съ именемъ его тѣсно связаны боевыя заслуги полка въ минувшую кампанію, такъ какъ въ теченіи всей войны полкъ имѣлъ честь состоять подъ непосредственнымъ начальствомъ этого опытнаго руководителя и, по его реляціямъ, удостоился получить награды.

За подвиги, оказанные эриванцами во всю минувшую войну, полку пожалованы: офицерамъ—лаврово-серебряное шитье на мундиры, а нижнимъ чинамъ—георгіевскія петлицы; кромѣ того, всѣ участвовавшіе на войнѣ получили въ память ея медали на соединенной георгіевско-андреевской лентѣ.

8-го мая, вступилъ въ командованіе полкомъ полковникъ Скалонъ, служившій до того времени въ гвардіи, въ павловскомъ полку, а затѣмъ, по окончаніи курса въ николаевской академіи, перечисленный въ генеральный штабъ. Въ минувшую войну полковникъ Скалонъ участвовалъ въ дѣлахъ противъ турокъ на Дунаѣ—сначала въ должности начальника штаба 2-й гвардейской пѣхотной дивизіи, а потомъ по особымъ порученіямъ при главнокомандующемъ южною арміею. Въ дѣлѣ подъ Горнымъ-Дубнякомъ, 12-го октября 1877-го года, онъ раненъ въ ногу. По выздоровленіи, полковникъ Скалонъ назначенъ командиромъ эриванскаго полка. Государь Императоръ, во время представленія полковника Скалона, изволилъ сказать слѣдующія незабвенныя слова: «Я тебя назначаю командиромъ славныхъ храбрецовъ эриванцевъ». Эриванцы постарались и еще постараются, своею безупречною службою, какъ въ бояхъ, такъ и въ мирное время, оправдать высокое довѣріе и безграничныя милости своего державнаго Шефа.

Въ половинѣ мая, полкъ сталъ лагеремъ у калалинскаго поста, на рѣкѣ Арпачаѣ, съ санитарною цѣлью. Во время этой, такъ называемой, санитарной стоянки, было обращено самое серьезное вниманіе на здоровье солдатъ. Командиръ полка и его ближайшіе помощники—баталіонные и ротные командиры, заботились самымъ

дѣятельнымъ образомъ о солдатахъ. Имъ ежедневно выдавался чай и усиленная дача говядины; борщъ варился вкусно, хлѣбъ выпекался хорошо и т. д.

Солдаты видимо здоровѣли и становились молодцами, готовыми на новый трудъ, на новые подвиги. Людей, возвращавшихся изъ госпиталей, выдерживали сначала въ карантинѣ, устроенномъ возлѣ селенія Баяндура, гдѣ ихъ окуривали, а одежду ихъ дезинфецировали; потомъ уже, направляли ихъ въ части.

29-го іюня, въ день своего полковаго праздника, эриванцы задали пиръ. Праздникъ былъ особенно оживленъ, чему много способствовало сознаніе, что страшная эпидемія пережита; кромѣ того, чувствовалось какое-то возрожденіе и жажда къ новой жизни; гнетущее прошлое было забыто. Вообще, всѣ особенно хорошо были настроены. Въ числѣ почетныхъ гостей былъ герой Драмъ-дага, Даяра и Баязета—генералъ Тергукасовъ, новый начальникъ кавказской гренадерской дивизіи.

Обожаемый и великій Государь, Августѣйшій Шефъ полка, неоставлявшій милостями *своихъ эриванцевъ*, осчастливилъ ихъ и теперь слѣдующею телеграммою изъ Царскаго Села:

«Командиру лейбъ-эриванскаго Моего полка.—Поздравляю моихъ молодцовъ эриванцевъ съ полковымъ праздникомъ.

«Шефъ гордится, что полкъ Его въ минувшую кампанію достойно поддержалъ свою прежнюю славу и повторяетъ Свое сердечное спасибо. Тебя, Скалонъ, назначаю флигель-адъютантомъ и увѣренъ, что ты всегда будешь тѣмъ, чѣмъ я тебя зналъ.

«Что рана твоя»?

«Александръ».

Отъ имени полка командиръ его имѣлъ счастіе отправить депешу слѣдующаго содержанія:

«Лейбъ-эриванцы, глубоко осчастливленные милостивымъ и высокимъ вниманіемъ своего возлюбленнаго Монарха и Шефа, повергаютъ къ стопамъ Вашего Императорскаго Величества чувства безпредѣльной преданности и готовности нести свой долгъ попрежнему.

«Я же, вѣрноподданный Вашего Величества, осмѣли-

ваюсь съ благоговѣніемъ облобызать державную руку Всемилостивѣйшаго Государя. Отъ раны я вполнѣ оправился, о чемъ имѣю счастіе Вашему Величеству донести».

«Флигель-адъютантъ полковникъ Скалонъ».

Столь великая милость, оказанная полку въ лицѣ полковаго командира, еще болѣе усилила праздничное настроеніе. Командиръ же полка, тронутый до глубины души милостями Монарха, отдалъ слѣдующій приказъ:

«Высочайшее пожалованіе меня флигель-адъютантомъ побуждаетъ меня выразить, какъ гг. штабъ и оберъ-офицерамъ, такъ и всѣмъ нижнимъ чинамъ полка, мою искреннюю благодарность за ту молодецкую службу, а также за то несравненное выполненіе служебнаго долга, которыми отличаются мои, сдѣлавшіеся въ короткое время дорогими, всѣ сослуживцы.

«Еще разъ прошу всѣхъ принять отъ меня русское сердечное спасибо (51)».

Второй Шефъ полка, Наслѣдникъ Цесаревичъ, изволилъ прислать телеграмму слѣдующаго содержанія:

«Поздравляю молодцовъ эриванцевъ съ полковымъ праздникомъ, пью ихъ здоровье».

«Цесаревичъ Александръ».

Отвѣтомъ на это высокое выраженіе милости Государя Наслѣдника Цесаревича были слѣдующія слова, выраженныя въ депешѣ: «Эриванцы, съ чувствомъ безпредѣльной преданности, приносятъ Вашему Императорскому Высочеству сердечную благодарность за драгоцѣнную память о ихъ полковомъ праздникѣ».

Его Императорское Высочество Государь Великій Князь Михаилъ Николаевичъ, Главнокомандующій кавказскою арміею, раздѣлявшій съ полкомъ радости и горе, славные и тяжелые дни минувшей войны, поздравилъ полкъ слѣдующими незабвенными словами:

«Поздравляю славный лейбъ-эриванскій полкъ съ полковымъ праздникомъ, пью за здоровье нашего знаменитаго полка и благодарю всѣхъ чиновъ за постоянно молодецкую боевую службу. Могу

порадовать извѣстіемъ, что на конгресѣ Батумъ окончательно признанъ за Россіею».

«Михаилъ».

Телеграмма эта вызвала неудержимые раскаты «ура», при заздравныхъ тостахъ въ честь Августѣйшаго Вождя. Долго гремѣли эти задушевные возгласы, преисполненные высокой, искренней любви и преданности, а музыка играла полковой кюрюкъ-даринскій маршъ, напоминавшій лучшую страницу боевой исторіи полка (*).

Его Высочеству была послана отвѣтная депеша такого содержанія: «лейбъ-эриванцы, услышавъ милостивый привѣтъ и поздравленіе Августѣйшаго Эриванца и обожаемаго Главнокомандующаго, имѣютъ счастіе принести Вашему Императорскому Высочеству сердечную благодарность за драгоцѣнную память о днѣ ихъ полковаго праздника, а также за радостное извѣстіе о рѣшеніи конгреса, при чемъ они выражаютъ готовность попрежнему нести свой долгъ и поддержать неувядаемую славу кавказской арміи».

Между тѣмъ, турки медлили передачею намъ Батума; кромѣ того, на берлинскомъ конгресѣ усложнились требованія Англіи, а потому, кавказской гренадерской дивизіи приказано двинуться къ Ардагану, откуда предполагалось, въ случаѣ новаго разрыва съ Турціею, дѣйствовать на Батумъ.

13-го августа, полкъ, укомплектованный ратниками и людьми лейбъ-екатеринославскаго полка, вступилъ въ Ардаганъ, въ числѣ четырехъ штабъ-офицеровъ, 41-го оберъ-офицера, 295-ти унтеръ-офицеровъ, 86-ти музыкантовъ, 2,341-го рядоваго и 210-ти нестроевыхъ, всего 2,932-хъ человѣкъ. Дальнѣйшее движеніе полка было пріостановлено, такъ какъ представители европейскихъ державъ, собравшіеся на конгресъ, вслѣдствіе взаимныхъ уступокъ, вошли въ соглашеніе, и мирный договоръ Россіи съ Турціею былъ ими подписанъ.

По случаю счастливаго для насъ веденія войны и личныхъ геройскихъ подвиговъ, присущихъ особѣ Главнокомандующаго, Его Императорское Высочество Великій Князь Михаилъ Николаевичъ пожалованъ званіемъ фельдмаршала, а командующій корпусомъ генералъ-адъютантъ Лорисъ-Меликовъ удостоенъ графскаго титула. Михаилъ Таріеловичъ, въ особомъ приказѣ, выразилъ войскамъ чувства своей искренней благодарности (52).

Въ сентябрѣ, полкъ получилъ маршрутъ для слѣдованія въ свою штабъ-квартиру, куда и выступилъ 1-го сентября изъ Ардагана. Теперь не было сомнѣнія, что война окончена. Полкъ возвращался въ Манглисъ съ совершеннымъ сознаніемъ, что онъ честно и доблестно поддержалъ старинную свою славу. Офицеры и солдаты, какъ въ бояхъ, такъ равно и въ страшную эпидемію, выказали полное самоотверженіе и незыблемую преданность Царю и родинѣ. Эриванскій полкъ сдѣлалъ все, что должна была сдѣлать воинская часть, проникнутая долгомъ и сознаніемъ тѣхъ высокихъ милостей, которыми такъ щедро награждалъ державный Шефъ— *своихъ эриванцевъ*.

Его Высочество Главнокомандующій, желая лично поблагодарить кавказскихъ гренадеръ за ихъ боевые труды, мужество, отвагу и тѣ великія жертвы, которыя они понесли въ эрзерумской области (53), изволилъ выѣхать, съ Своею Августѣйшею Супругою, изъ Боржома въ городъ Ахалкалаки, навстрѣчу возвращавшимся полкамъ.

Его Высочество встрѣтилъ эриванцевъ верхомъ, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ города, и милостиво разговаривалъ съ офицерами и нѣкоторыми кавалерами нижними чинами.

Въ Ахалкалакахъ офицеры полка удостоились быть приглашены къ столу Ихъ Высочествъ, а нижнимъ чинамъ былъ приготовленъ особо обѣдъ. За столомъ, Государыня Великая Княгиня изволила распрашивать объ участи раненыхъ офицеровъ и нѣкоторыхъ нижнихъ чиновъ.

Справедливость требуетъ сказать нѣсколько словъ о томъ великомъ самоотверженіи и пользѣ, какую въ эту войну выказали

по отношенію къ больнымъ и раненымъ полка сестры милосердія. Въ нынѣшнюю войну санитарныя учрежденія получили широкое развитіе. Женщина явилась въ рядахъ арміи, съ любовью, терпѣніемъ и искреннимъ желаніемъ помочь страдальцу-брату, пораженному оружіемъ или обезсиленному лишеніями, невзгодами и болѣзнями. Женщина на этомъ новомъ поприщѣ доказала, что она, по своей натурѣ нѣжная и терпѣливая, можетъ выполнить обязанности могучія. Всѣ наши раненые съ глубокимъ почтеніемъ и благодарностью отзываются о сестрахъ милосердія. Заслуга ихъ въ эту войну велика: онѣ, вмѣстѣ съ нами, перенесли голодъ, холодъ и страшную эпидемію, и въ тоже время ухаживали за больными до изнеможенія силъ, не расчитывая за то ни на какую карьеру, ни на какія награды въ будущемъ.

Можно же судить, какимъ безпредѣльнымъ чувствомъ благодарности преисполнены тѣ раненые, которые находились въ Александрополѣ, подъ покровительствомъ Великой Княгини Ольги Ѳеодоровны. Всѣ они тропуты до глубины и возносятъ къ Всевышнему теплую молитву за Ея попеченіе.

Ея Высочество, въ теченіе всей войны, изволила проживать въ Александрополѣ, вблизи театра военныхъ дѣйствій, и настолько близко къ нему, что гулъ орудійной стрѣльбы доносился съ поля битвы до слуха Великой Княгини. Съ этихъ же полей привозили въ Александрополь массы раненыхъ, и они переполняли госпиталя,—отчего, неизбѣжно, въ первое время, являлся въ госпиталяхъ безпорядокъ. Но Ея Высочество, принимая всѣ мѣры къ тому, чтобы облегчить участь раненыхъ, съ истинно высокимъ самоотверженіемъ изволила являться въ лечебныя заведенія и личнымъ надзоромъ возбуждала къ полной, неусыпной дѣятельности, какъ врачей, такъ и сестеръ милосердія,—и дѣло врачеванія шло успѣшно.

Да сохранитъ Господь Августѣйшую Нашу Покровительницу на многія лѣта!

ПРИМѢЧАНІЯ.

(1)—Перестрѣлкой въ 1864-мъ году, при взятіи Аибга, эриванцы завершили славную боевую службу въ великомъ дѣлѣ умиротворенія Кавказа.

Описаніемъ этой экспедиціи закончена 3-я часть исторіи полка. Предлежащее же описаніе составляетъ ея четвертую часть. Чтобы не оставить пробѣла во времени между этими двумя частями, необходимо сказать нѣсколько словъ о мирныхъ занятіяхъ полка и перечесть важнѣйшія событія изъ его жизни до 1877-го года.

Въ мирное время полкъ съ особенною дѣятельностью занимался военною подготовкою нижнихъ чиновъ и затѣмъ, ежегодно значительное число ихъ выпускалъ въ запасъ арміи. Офицеры, подъ руководствомъ своихъ командировъ, съ полнымъ усердіемъ наставляли и обучали солдатъ всему, что требовалось новыми уставами. Эриванцы, по стрѣльбѣ, по строевому образованію, по дисциплинѣ, въ теченіи всего минувшаго мирнаго времени были въ числѣ первыхъ войскъ въ кавказской арміи.

Въ этотъ періодъ произошли въ быту полка слѣдующія выдающіяся событія:

Въ 1866-мъ году, по случаю чудеснаго избавленія Государя Императора отъ руки злодѣя, посягнувшаго на священную жизнь нашего державнаго Шефа, отъ кавказской арміи былъ посланъ съ поздравленіемъ къ Его Величеству командиръ эриванскаго полка полковникъ Бюнтингъ, который, во время представленія Государю Императору, удостоился получить званіе флигель-адъютанта.

Въ томъ же году, Высочайшимъ приказомъ зачисленъ въ списки полка Августѣйшій Сынъ Его Высочества Михаила Николаевича, Великій Князь Александръ Михаиловичъ. Эриванцы, съ живѣйшею радостью и гордостью, узнали объ этомъ новомъ выра-

женіи къ нимъ Монаршей милости.

Въ 1869-мъ году, баталіоны получили новыя знамена, на которыхъ къ прежнимъ надписямъ добавлено: «и за шестьдесять лѣтъ кавказской войны». Прибивка знаменъ къ древкамъ совершена въ присутствіи Его Высочества Главнокомандующаго арміею, въ тифлисскомъ лагерѣ. Великій Князь Михаилъ Николаевичъ изволилъ вбить нѣсколько гвоздей въ знамя 1-го баталіона.

Въ томъ же году, командиръ шефской роты капитанъ Теріевъ удостоился получить званіе флигель-адъютанта Его Императорскаго Величества.

Въ 1871-мъ году, въ сентябрѣ, полкъ имѣлъ счастіе представиться Государю Императору, въ лагерѣ подъ городомъ Тифлисомъ. Его Величество, прямо съ дороги, принявъ почетный караулъ отъ шефской роты изволилъ смотрѣть войска. Достигнувъ до лѣваго фланга полка, Августѣйшій Шефъ выѣхалъ впереди 2-го баталіона и, вызвавъ офицеровъ изъ фронта, изволилъ сказать слѣдующія незабвенныя слова:

«Покойный Императоръ, Мой Батюшка, назначилъ Меня Шефомъ эриванскаго полка. День назначенія Меня Шефомъ былъ однимъ изъ пріятнѣйшихъ для Меня дней. Эриванцы, своими боевыми подвигами, постоянно радовали покойнаго Императора и Меня. Моимъ искреннимъ желаніемъ было—видѣть весь полкъ и поблагодарить его за отличную службу. Благодарю васъ! Увѣренъ, что старые офицеры поддержатъ молодецкій духъ полка и передадутъ его своимъ молодымъ товарищамъ. Въ знакъ Моего особаго благоволенія къ полку, назначаю вамъ Моего старшаго Сына, Наслѣдника, вторымъ Шефомъ». При послѣднихъ словахъ, Его Величество приблизилъ къ себѣ Цесаревича и поцѣловалъ Его.

Безпредѣльная и постоянная любовь эриванцевъ къ своему обожаемому Шефу преисполнила сердца ихъ: радостный крикъ «ура» огласилъ поле.

Въ тотъ же день, Государь Императоръ, въ знакъ особой милости къ полку, изволилъ назначить полковаго командира, полковника Гурчина, флигель-адъютантомъ, къ Его Величеству.

Во время лѣтняго пребыванія Ихъ Императорскихъ Величествъ Государя и Государыни Императрицы въ Крыму и въ Ливадіи, въ 1867-мъ, 1869-мъ, 1872-мъ, 1873-мъ и 1874-мъ годахъ, туда, по особому расположенію Августѣйшаго Шефа къ *своимъ эриванцамъ,* высылалась рота Его Величества, при полковомъ и баталіонномъ командирахъ, съ хоромъ полковой музыки, для занятія карауловъ при дворцѣ.

Въ 1873-мъ году, Государыня Императрица Марія Александровна, въ изъявленіе Высочайшаго Своего благоволенія къ ротѣ Его Величества, занимавшей караулы въ Ливадіи, Всемилостивѣйше соизволила пожертвовать ротѣ икону св. великомученика и побѣдоносца Георгія, подъ сѣнью которой эриванцы всегда ходили къ побѣдамъ и впредь будутъ продолжать свое славное служеніе. Освященіе дарованной иконы происходило въ присутствіи всего полка.

Въ концѣ 1874-го года, при переформированіи войскъ кавказской арміи, 4-й баталіонъ, съ своимъ георгіевскимъ знаменемъ, поступилъ въ составъ вновь сформированнаго 161-го пѣхотнаго александропольскаго полка первымъ баталіономъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, расформирована и инвалидная рота, состоявшая при полку.

14-го ноября 1875-го года, исполнилось двадцать пять лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ въ Бозѣ почившій Государь Императоръ, будучи еще Наслѣдникомъ Престола, назначенъ покойнымъ Своимъ Родителемъ Шефомъ полка. Этотъ день юбилея, эриванцы праздновали въ Манглисѣ и въ Ливадіи. Въ Манглисѣ, на праздникъ были приглашены и начальствующія лица, и старые сослуживцы-эриванцы, проживавшіе въ Тифлисѣ. Празднество въ Манглисѣ началось парадомъ всего

полка и молебствіемъ, которое совершилъ, подъ открытымъ небомъ, главный священникъ кавказской арміи Гумилевскій. Провозглашеніе многолѣтія Его Величеству было сопровождено неудержимымъ «ура», раскаты котораго долго не умолкали; шапки летѣли вверхъ, и музыка 14-го гренадерскаго грузинскаго полка вторила этому неподдѣльному восторгу народнымъ гимномъ. За обѣдомъ, въ присутствіи всѣхъ офицеровъ полка и гостей, командующій полкомъ подполковникъ Микеладзе прочиталъ слѣдующія незабвенныя слова державнаго Шефа:

«Привѣтствую эриванцевъ въ двадцати-пятилѣтнюю годовщину назначенія Моего Шефомъ полка; Я всегда гордился и горжусь этимъ званіемъ и увѣренъ, что эриванцы всегда будутъ достойны заслуженной прежними товарищами славы. Радуюсь праздновать этотъ день съ нѣкоторыми достойными представителями славнаго Моего полка».

«Александръ».

Новое «ура» и торжественные звуки народнаго гимна огласили Манглисъ. Затѣмъ, подполковникъ Микеладзе, отъ имени полка, имѣлъ счастіе отправить слѣдующую телеграмму:

«Лейбъ-эриванскій Вашего Величества полкъ, глубоко тронутый милостивой телеграммой Вашего Величества, возноситъ теплыя молитвы о здравіи своего Августѣйшаго Шефа и повергаетъ къ стопамъ Вашего Величества чувства безграничной преданности».

Съ наступленіемъ сумерокъ, вся штабъ-квартира илюминовалась; громадные щиты съ Императорскими вензелями запылали разноцвѣтными огнями; пѣсенники всѣхъ ротъ запѣли удалыя военныя кавказскія пѣсни, а въ офицерскомъ собраніи устроенъ былъ балъ.

Въ Ливадіи праздновала Государева рота. Тамъ же находились: начальникъ дивизіи князь Тарханъ-Моуравовъ, командиръ полка флигель-адъютантъ полковникъ Гурчинъ и командиръ 1-го баталіона маіоръ фонъ-деръ-Нонне; кромѣ означенныхъ лицъ, еще удостоенъ былъ приглашенія гене-

ралъ-лейтенантъ князь Иванъ Константиновичъ Багратіонъ-Мухранскій, командовавшій эриванскимъ полкомъ въ 1850-мъ году, въ то время, когда Его Величество былъ назначенъ Шефомъ полка.

Государь Императоръ изволилъ неразъ въ этотъ день обращаться съ ласковымъ словомъ къ своимъ шефцамъ. Какъ офицеры, такъ и солдаты, были тронуты до глубины души привѣтомъ своего державнаго Шефа. День юбилея запечатлѣлся въ памяти присутствующихъ и будетъ имъ памятенъ до конца жизни.

Офицеры роты были приглашены къ царскому столу, а нижнимъ чинамъ устроенъ особо обильный обѣдъ.

Въ ознаменованіе столь торжественнаго дня, Его Величество, въ знакъ особаго благоволенія къ эриванцамъ, изволилъ зачислить въ полкъ Своего Августѣйшаго Внука, старшаго Сына Цесаревича, Великаго Князя Николая Александровича, и даровалъ полку Свой портретъ, во весь ростъ, въ мундирѣ эриванскаго полка, а офицерамъ фотографическія кабинетныя карточки; кромѣ того, удостоилъ своими флигель-адъютантами командира 1-го баталіона маіора фонъ-деръ-Нонне и командира шефской роты капитана Шлиттера. Всѣ остальные офицеры роты награждены слѣдующими чинами, а командиру полка пожалованъ орденъ св. Владиміра 3-й степени.

Эриванцы, преисполненные безпредѣльной преданности и любви къ своему Шефу, имѣли счастье поднести Августѣйшему Юбиляру картину, изображающую тотъ моментъ, когда Его Величество, въ лагерѣ подъ городомъ Тифлисомъ, въ 1871-мъ году, видя впервые въ сборѣ весь полкъ, изволилъ назначить Наслѣдника Цесаревича, нынѣ благополучно царствующаго Государя Императора, Шефомъ полка.

Къ этому же дню была составлена историческая записка о службѣ полка, которая и поднесена Его Величеству. Авторъ записки удостоился получить брильянтовый перстень.

Спустя мѣсяцъ послѣ юбилея, именно 18-го декабря, эриванцы осчастливлены новымъ знакомъ милости—зачисленіемъ въ списки полка Великаго Князя Алексѣя Михайловича, младшаго Сына Его Высочества Главнокомандующаго арміею.

Авт.

(²)—На 800 шаговъ стрѣляли: 3-я, 6-я, 9-я и 12-я роты и выбили 62%—на 21% выше отличнаго; на 300 шаговъ залпами—2-я, 5-я, 8-я и 11-я роты и выбили 65%—ровно отличный %; на 205 шаговъ въ круглыя мишени—2-я, 4-я, 7-я и 10-я роты и выбили 57%—на 12% выше отличнаго. Стрѣлковыя роты: 2-я, 3-я и 4-я стрѣляли отъ 900 шаговъ до 1,465-ти шаговъ и дали на 8% выше отличнаго, а 1-я стрѣлковая производила пробную стрѣльбу на 700 шаговъ разсыпнымъ строемъ, въ опредѣленное время, и выбила на человѣка 3 и 4 пули.

Авт.

(³)—По случаю объявленія войны, князь черногорскій Николай прислалъ къ Императору Всероссійскому слѣдующее благопожеланіе: «Отъ имени народа моего и отъ моего собственнаго имени я желаю счастія Вашему Императорскому Величеству по случаю великодушнаго рѣшенія Вашего употребить кровь и достояніе великой русской націи для освобожденія восточныхъ христіанъ изъ ихъ невыносимаго положенія. Будьте увѣрены, Ваше Величество, что, сколько есть христіанъ на Балканскомъ полуостровѣ, столько и сердецъ забьется радостно навстрѣчу Вашей доблестной арміи. Всѣ мы убѣждены, что Вы исполните великую миссію Россіи, и такимъ образомъ, къ Вашему имени Освободителя многихъ милліоновъ крѣпостныхъ въ Вашей собственной имперіи прибавится имя освободителя милліонами насчитываемыхъ христіанъ на несчастномъ востокѣ.

Авт.

(⁴)—Къ 12-му апрѣля составъ войскъ главныхъ силъ, эриванскаго и ахалцыхскаго (но не ардаганскаго, котораго тогда еще не

существовало) отрядовъ былъ слѣдующій: 47½ баталіоновъ, 16-ть эскадроновъ, 72 сотни и 20-ть батарей (160-ть орудій). Ардаганскій отрядъ образованъ 7-го мая, по взятіи Ардагана. Въ резервной же колоннѣ (въ Ахалцыхѣ) находилось, кромѣ того: 4-ре баталіона, 4-ре сотни, одна батарея; затѣмъ, 4-ре сотни оставались въ Духоборіи.

Ред.

(5)—Ахалцыхскій отрядъ къ 12-му апрѣля состоялъ изъ слѣдующихъ войскъ: 153-го пѣхотнаго бакинскаго и 156-го пѣхотнаго елисаветпольскаго полковъ, 3-го кавказскаго сапернаго баталіона, 1-го кубанскаго казачьяго, четырехъ сотенъ полтавскаго и 2-го владикавказскаго казачьихъ полковъ, 3-й, 5-й и 6-й батарей 39-й артилерійской бригады, 5-й конной батареи кубанскаго казачьяго войска. Резервная же колонна, находившаяся въ Ахалцыхѣ и селеніи Вале, къ тому же дню включала въ себѣ: 1-й и 2-й баталіоны 75-го пѣхотнаго севастопольскаго полка, 2-й и 4-й баталіоны 152-го пѣхотнаго владикавказскаго полка, двѣ сотни полтавскаго и двѣ сотни ейскаго полковъ кубанскаго казачьяго войска, 6-ю (горную) батарею 19-й артилерійской бригады. Всего вообще, въ ахалцыхскомъ отрядѣ: 13-ть баталіоновъ, 18-ть сотенъ, пять батарей.

Ред.

(6)—Вслѣдствіе приказа по корпусу, на бивакѣ у Заима, отъ 27-го апрѣля, для усиленія ахалцыхскаго отряда были назначены: 13-й эриванскій и 15-й тифлисскій гренадерскіе полки, 4-я рота перваго кавказскаго сапернаго баталіона, 1-я и 2-я батареи кавказской гренадерской и 1-я батарея 39-й артилерійскихъ бригадъ, 15-й драгунскій тверской, 1-й горско-моздокскій полки, дивизіонъ 5-й конной батареи кубанскаго войска, одна сотня александропольскаго конно-иррегулярнаго дивизіона.

Ред.

(7)—Рамазанъ-табія находился въ двухъ съ половиною верстахъ къ сѣверу отъ города, на отдѣльной высотѣ.

Ред.

(8)—Колонна генерала Геймана 2-го мая перешла на южную, слабѣйшую сторону крѣпости, на карскую дорогу, и расположилась на склонѣ Алагеза, у селенія Гюрджи-бекъ.

Ред.

(9)—Въ донесеніи командующаго корпусомъ сказано такъ: «хотя къ тѣмъ же высотамъ для атаки направлены съ другой стороны изъ колонны генерала Геймана части эриванскаго и бакинскаго полковъ, но, ко времени прихода ихъ, укрѣпленія были уже заняты елисаветпольцами».

Ред.

(10)—Укрѣпленіе называлось Эмиръ-оглы.

Ред.

(11)—Канонада по веркамъ Ардагана открыта 5-го мая въ три часа пополудни. Атака укрѣпленій начата въ шесть часовъ пополудни.

Ред.

(12)—Турки, не дождавшись эскалады укрѣпленій, послѣ учащенной ружейной стрѣльбы, обратились въ бѣгство по направленію къ мостамъ на Куръ.

Ред.

(13)—Вся наша потеря подъ Ардаганомъ 4-го и 5-го мая заключается въ одномъ офицерѣ и 68-ми нижнихъ чинахъ убитыми, въ десяти офицерахъ и 342-хъ нижнихъ чинахъ ранеными. Потеря непріятеля отъ трехъ до четырехъ тысячъ человѣкъ.

Ред.

(14)—Три орудія изъ числа девяносто пяти были взорваны самими защитниками.

Ред.

(15)—Четвертый баталіонъ въ свое время имѣлъ георгіевское знамя; но въ 1874-мъ году онъ его перенесъ, вмѣстѣ съ собою, въ 161-й пѣхотный александропольскій полкъ. Изъ четвертыхъ ротъ прочихъ баталіоновъ былъ сформированъ въ эриванскомъ полку новый четвертый баталіонъ.

Авт.

([16])—Для занятія Ардагана и покорившихся намъ окрестныхъ санджаковъ, а также для охраненія ахалцыхскаго и ахалкалакскаго уѣздовъ, 7-го мая образованъ ардаганскій отрядъ, изъ 6¼ баталіоновъ, 13-ти сотенъ и 12-ти орудій, ввѣренный полковнику Комарову.

Ред.

([17])—Распоряженіе о блокадѣ Карса послѣдовало лишь 23-го мая. Всѣ предшествовавшія движенія войскъ имѣли цѣлью—войти въ связь съ эриванскимъ отрядомъ и поддержать его, а затѣмъ, дѣйствовать на Соганлугъ.

Ред.

([18])—Кавалерія колонны генерала Геймана не случайно столкнулась съ конпымъ отрядомъ Мусы-паши-Кундухова, а направлена была навстрѣчу и для поиска его вслѣдствіе извѣстія, полученнаго 17-го мая, о спускѣ его съ Соганлуга. Трофеями нашими, кромѣ двухъ орудій, были четыре зарядныхъ ящика, два значка и разное оружіе.

Ред.

([19])—Въ реляціи генерала Геймана, фактъ этотъ изложенъ несовсѣмъ вѣрно. Онъ пишетъ: «эриванцы, найдя гребень этихъ возвышенностей занятымъ цѣпью стрѣлковъ съ резервами, потѣснили здѣсь турокъ, но сами были атакованы скрывавшеюся около этого мѣста въ лощинахъ турецкою кавалеріею. Послѣдовалъ рядъ кавалерійскихъ атакъ, и эриванцы должны были пріостановиться, отражая натиски кавалеріи, продолжавшіеся около часа; за это же время подведены были противъ эриванцевъ ближайшіе турецкіе пѣхотные резервы, и, такимъ образомъ, завязалось дѣло».

Никакихъ кавалерійскихъ атакъ не отражали эриванцы и остановились не отъ натиска штурма кавалеріи, а потому, что выполнили свою задачу: очистили отъ непріятеля гребень и заняли его. Продолжать же дальше наступленіе одной ротѣ и небольшой командѣ на цѣлую систему укрѣпленій было, по меньшей мѣрѣ, неблагоразумно, да къ тому же, къ этому времени совершенно стемнѣло, и бой утихъ.

По турецкимъ источникамъ, объ этомъ эпизодѣ говорится слѣдующее: турецкая кавалерія намѣревалась атаковать русскихъ во флангъ и тылъ; но скаты высотъ оказались слишкомъ круты, и турецкая конница, при попыткахъ своихъ спуститься въ долину, потеряла около 100 коней и принуждена была отказаться отъ своего предпріятія.

Эриванцы же имѣли дѣло съ кавалеріею въ тотъ моментъ, когда она, въ спѣшенномъ строѣ, зашла во флангъ грузинцамъ.

Авт.

([20])—По турецкимъ источникамъ, потеря турокъ опредѣляется: 138 человѣкъ убитыми и 502—ранеными (см. Воен. Сб. 1879 года, № 11-й). Они показываютъ, что зивинскую позицію защищало 8,500 человѣкъ.

Авт.

([21])—Гарнизонъ баязетской цитадели состоялъ изъ баталіона ставропольскаго полка, полубаталіона крымскаго полка, двухъ орудій и четырехъ сотенъ казаковъ,—всего: 30-ти офицеровъ и 1589-ти нижнихъ чиновъ; изъ нихъ убито: два офицера и 114 нижнихъ чиновъ; ранено: семь офицеровъ и 359 нижнихъ чиновъ.

Авт.

([22])—Изъ донесенія командующаго корпусомъ (телеграмма отъ 6-го августа) видно, что 6-го августа, согласно диспозиціи, произведено было общее движеніе противъ непріятельскаго расположенія, и что авангардъ генерала Девеля велъ *продолжительную артилерійскую перестрѣлку* съ укрѣпленіемъ Инахъ-тепеси. Только во время этой канонады и была осмотрѣна мѣстность на Инахъ-тепеси и вокругъ; подступы къ укрѣпленію оказались весьма трудны, занятіе его обѣщало большія потери, удержаться въ немъ было почти невозможно, вслѣдствіе близости турецкихъ батарей. По всѣмъ этимъ причинамъ, къ штурму Инахъ-тепеси приступлено не было.

Ред.

([23])—Изъ донесенія командующаго корпусомъ Главнокомандующему, отъ 26-го августа 1877-го года, № 1,200, видно, что Мухтаръ-

паша, слѣдя за всѣмъ, что у насъ происходило, и узнавъ, что въ ночь съ 12-го на 13-е августа у насъ поставленъ былъ на Кизилъ-тапѣ одинъ только 3-й баталіонъ 157-го имеретинскаго полка, рѣшился воспользоваться этимъ и овладѣть Кизилъ-тапой, чтобы, *опираясь правымъ своимъ флангомъ на эту высоту, перейти съ остальными войсками въ наступленіе, съ обходомъ, пользуясь превосходствомъ своихъ силъ, нашего праваго фланга.*

Ред.

([24])—Колонна, въ указанномъ составѣ, была выдѣлена 11-го августа изъ авангарда и главныхъ силъ корпуса по приказанію Главнокомандующаго непосредственно и исключительно на усиленіе эриванскаго отряда.

Ред.

([25])—Доказательствомъ вниманія командующаго корпусомъ къ Кизилъ-тапѣ и сознанія ея важности служитъ то, что 6-го августа, находясь на ней во время битвы, онъ тогда же приказалъ ее укрѣпить. До двѣнадцатаго числа на Кизилъ-тапѣ находился сперва одинъ, а впослѣдніе дни два баталіона владикавказскаго полка и четыре орудія 3-й батареи 39-й артилерійской бригады; но къ ночи 13-го числа войска эти были замѣнены однимъ баталіономъ, вслѣдствіе ослабленія силъ корпуса и необходимости произвести новое распредѣленіе войскъ.

Ред.

([26])—Изъ того же донесенія корпуснаго командира видно, что къ 13-му числу инженерныхъ работъ на Кизилъ-тапѣ мы окончить не успѣли.

Ред.

([27])—Артилерійскіе выстрѣлы послышались позже. Долгое время въ кюрюкъ-дарпнскомъ лагерѣ была слышна только одна непрерывная и отдаленная ружейная трескотня.

Ред.

([28])—Почти всѣ эти свѣдѣнія имѣются и въ офиціальномъ донесеніи.

Ред.

([29])—Телеграмма была послана не прямо къ генералу Девелю, а сперва въ Александрополь, къ исправляющему должность на-

чальника штаба арміи.

Ред.

(30)—Планъ Мухтара, какъ пишетъ Нордманъ, былъ слѣдующій: 1-й дивизіи Мехмедъ-бея предписано было взять Кизилъ-тапу, 2-я дивизія должна была маневрировать между Кизилъ-тапою и Учь-тапою; кавалерія, при помощи отряда съ Визинъ-кея, должна угрожать позиціи русскихъ подъ Кюрюкъ-Дара. Въ день битвы Мухтаръ располагалъ 54-мя баталіонами, 8-ю батареями и около 6-ти тысячъ конницы.

Авт.

(31)—Николай Петровичъ Шлиттеръ всѣ свои молодые годы провелъ на службѣ въ эриванскомъ полку. Командуя 3-й стрѣлковой ротой, онъ, за мужество и самоотверженіе при штурмѣ аула Китури въ 1858-мъ году, получилъ орденъ св. Георгія 4-й степени, а въ 1861-мъ году, за отличное представленіе ввѣренной ему шефской роты, пожалованъ званіемъ флигель-адъютанта; затѣмъ, въ чинѣ маіора, онъ переведенъ въ гвардію, въ преображенскій полкъ, чиномъ капитана. Николай Петровичъ считался въ полку во всѣхъ отношеніяхъ отличнымъ офицеромъ. Товарищи любили его за веселый, сообщительный характеръ. Любимымъ его занятіемъ была охота на звѣрей, которую онъ поддерживалъ и развивалъ въ полку между молодыми офицерами и нижними чинами. Безспорно, такого рода занятіе, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, одно изъ полезныхъ для военнаго человѣка.

Авт.

(32)—Убито и ранено подъ Плевною: 8-го іюля 74 офицера и 2,771 нижній чинъ; а 18-го и 30-го августа 169 офицеровъ и 7,156 нижнихъ чиновъ.

Авт.

(33)—Генералъ Радецкій, въ шестидесятыхъ годахъ, былъ помощникомъ начальника кавказской гренадерской дивизіи. О Федорѣ Федоровичѣ Радецкомъ и теперь старые эриванцы вспоминаютъ съ восторгомъ, какъ о начальникѣ, умѣвшемъ снискать между подчиненными любовь и уваженіе.

Авт.

([34])—Иванъ Савельевичъ Теріевъ, за взятіе Гуниба въ 1859-мъ году, получилъ георгіевскій крестъ, а въ 1869-мъ году удостоенъ флигель-адъютанта за отличное представленіе роты Его Величества въ Ливадіи своему Августѣйшему Шефу.

Авт.

([35])—По показанію лазутчиковъ, уронъ турокъ доходилъ убитыми, ранеными и разбѣжавшимися до 4,500 человѣкъ. См. Воен. Сб. 1878 г. № 6-й.

Авт.

([36])—Этотъ родъ построенія придуманъ генераломъ Гейманомъ и былъ практикованъ въ полкахъ кавказской гренадерской дивизіи.

Авт.

([37])—Капитуляція пораженныхъ турецкихъ войскъ, подъ начальствомъ Омеръ-паши, 3-го октября, была слѣдующаго содержанія:

«Условія, на которыхъ остатки трехъ дивизій турецкой арміи сдаются военно-плѣнными войскамъ арміи Его Величества Императора всея Россіи:

§ 1-й. Принимая въ соображеніе мужество, выказанное турецкими войсками въ сегодняшнемъ бою, офицеры всѣхъ чиновъ сохраняютъ ихъ оружіе и все ихъ частное имущество, въ томъ числѣ и лошадей.

§ 2-й. Всѣ лица, непринадлежащія къ частямъ войскъ: подводчики и проч., также слуги и офицерскіе деньщики, по обезоруженіи, могутъ возвратиться восвояси.

§ 3-й. Всѣ тѣ, которые не упомянуты въ § 2-мъ, сдаются какъ военно-плѣнные, и должны сдать весь военный матеріалъ, въ томъ числѣ: знамена, вооруженіе, орудія, заряды и патроны, артилерійскіе и пѣхотные парки, госпитали и вообще, все военное имущество.

§ 4-й. Сдача всего, что поименовано и упомянуто въ 3-мъ п., должна быть сдѣлана въ слѣдующемъ порядкѣ: всѣ войска, которыя сдаются какъ военно-плѣнныя, въ порядкѣ нумеровъ частей, кладутъ оружіе, артилерія сдастъ орудія въ указанномъ мѣстѣ; затѣмъ, всѣ эти войска въ полномъ составѣ спу-

скаются съ горы въ указанное мѣсто.

§ 5-й. Сдача военно-плѣнныхъ и военнаго имущества должна начаться въ два часа утра 4-го октября 1877-го года.

§ 6-й. Къ числу лицъ, которыя получаютъ право возвратиться восвояси, принадлежатъ три врача, состоявшіе при арміи».

Авт.

([38])—Убыль поротно:

НАИМЕНОВАНІЕ РОТЪ.	УБИТО.			РАНЕНО.		
	ФЕЛЬДФ.	УН.-ОФ.	РЯ-ЫХЪ.	ФЕЛЬДФ.	УН.-ОФ.	РЯ-ЫХЪ.
Его Величества	»	3	8	»	7	29.
2-я	1	1	3	»	4	33.
3-я	»	2	2	»	2	18.
1-я стрѣлковая	»	1	12	»	9	27.
4-я	»	»	1	»	»	14.
5-я	»	»	4	1	2	12.
6-я	»	»	4	1	»	15.
2-я стрѣлковая	»	»	1	»	1	10.
7-я	»	»	2	»	»	10.
8-я	»	»	»	»	»	7.
9-я	»	1	2	»	3	10.
3-я стрѣлковая	»	»	2	1	2	9.
10-я	»	»	»	1	4	10.
11-я	»	»	»	»	6	15.
12-я	»	»	»	»	4	13.
4-я стрѣлковая	»	»	»	2	4	23.
Обозная рота	»	»	»	»	»	1.
Итого	1	8	41	6	48	256.
Контужено	»	»	»	»	»	44.

Всего 404 человѣкъ.

Авт.

([39])—О побѣдѣ 3-го октября, одна изъ англійскихъ газетъ говоритъ слѣдующее: «турки, какъ павшіе въ прошедшій понедѣльникъ, такъ и доставшіеся въ руки русскимъ, были храбрые люди, не менѣе храбрые чѣмъ тѣ, которые сражались подъ началь-

ствомъ Османъ-паши въ Плевнѣ. Они не были жертвами нечаяннаго нападенія или паники, но сопротивлялись до послѣдней крайности. Они были разбиты главнымъ образомъ потому, что искусство ихъ главнокомандующаго встрѣтило противъ себя высшее искусство; что его маневрированію было противупоставлено лучшее маневрированіе. Тысячи пали съ обѣихъ сторонъ, но битва была рѣшена не силою только побоища. Такимъ образомъ, эта побѣда служитъ однимъ изъ многообѣщающихъ знаменій за всю войну. Это торжество науки и храбрости по праву: оно-то и доставило величайшіе результаты съ наименьшимъ пожертвованіемъ человѣческою жизнью.»

Авт.

(40)—Въ составъ согаплугскаго отряда генерала Геймана, къ 9-му октября, входили слѣдующія войска: 1-й саперный баталіонъ, кавказская гренадерская дивизія (шестнадцать баталіоновъ), елисаветпольскій пѣхотный полкъ, кавказская гренадерская артилерійская бригада, 2-я батарея 21-й и 3-я батарея 39-й артилерійскихъ бригадъ, дивизіонъ 1-й терской и взводъ донской № 13-го батарей; пять сотенъ (въ томъ числѣ одна ракетная) волгской бригады, четыре сотни втораго горско-моздокскаго полка, двѣ сотни перваго горско-моздокскаго и двѣ седьмаго оренбургскаго полковъ, одинъ дивизіонъ нижегородскаго и одинъ сѣверскаго драгунскихъ полковъ.

Ред.

(41)—Авангардъ генерала Тергукасова прибылъ въ Куруджукъ 19-го октября.

Ред.

(42)—«Военный Сборникъ» 1878-го года, № 10-й. Записки Нордмана.

Авт.

(43)—Приказъ по войскамъ согаплугскаго отряда 1878-го года, № 156,—въ Гасанъ-Кала.

Авт.

(44)—Цифра 12,000 заимствована изъ мѣсячныхъ рапортовъ, поступавшихъ въ корпусный штабъ.

Авт.

(45)—Причина, по которой колонна выступила нѣсколько позже, была отъ неприбытія своевременно проводниковъ.

Авт.

(46)—Письмо генерала Геймана № 42-й.

Авт.

(47)—Приказъ по войскамъ соганлугскаго отряда 28-го декабря № 176.

Авт.

(48)—Паденіе Плевны совершилось такъ: армія Османа, обезсиленная упорной обороной, голодомъ и холодомъ, рѣшилась, 28-го ноября, пробиться сквозь линію нашего обложенія, но всѣ геройскія усилія турокъ сломить нашъ корпусъ, на который они направили ударъ, были напрасны. Послѣ пяти-часоваго упорнаго боя, храбрый Османъ-паша вынужденъ былъ сдаться въ плѣнъ съ остаткомъ своей арміи, а именно: съ десятью пашами, 2,138 штабъ и оберъ-офицерами и 37,200 солдатами, при 77-ми орудіяхъ.

Ровно черезъ мѣсяцъ послѣ паденія Плевны, генералъ Радецкій одержалъ блистательную побѣду. Онъ двинулся тремя отрядами: подъ начальствомъ генерала Скобелева, князя Мирскаго и лично своимъ; окружилъ, 27-го декабря, шипкинскую армію и, послѣ кровопролитнаго сраженія, длившагося два дня, заставилъ ее, 28-го декабря, капитулировать; при чемъ, нами взято въ плѣнъ три паши, 360 офицеровъ и 32,000 солдатъ, съ десятью знаменами и 93-мя орудіями.

Одновременно съ этимъ, стали получаться все болѣе и болѣе благопріятныя телеграммы отъ генерала Гурко. Его отряды, послѣ восьмидневной гигантской борьбы, съ горами, морозами, бурями и мятелями, перешли чрезъ Балканы и спустились въ софійскую долину. Здѣсь генералъ Гурко, 23-го декабря, послѣ упорнаго боя, овладѣлъ укрѣпленною позиціею и побѣдоносно вступилъ въ городъ Софію, откуда, тѣсня противника, дошелъ до Филиппополя. Подъ этимъ городомъ, наши войска три дня—3-го, 4-го и 5-го января, безъ отдыха сражались съ сорока-тысячною арміею Сулеймапъ-паши. Резуль-

татомъ этого сраженія было окончательное пораженіе и демо-рализація непріятельскихъ войскъ; при чемъ, армія Сулеймана была разбита на двѣ части и отброшена въ горы, лишившись въ бою и при бѣгствѣ ста орудій.

Съ другихъ пунктовъ театра военныхъ дѣйствій тоже получались отрадныя извѣстія, только битва подъ Цихисдзири, 18-го января, омрачила нѣсколько наше торжество, хотя это и не вліяло на дальнѣйшій ходъ кампаніи.

Южная армія, занявъ, 5-го января, Адріанополь, надвинулась къ Константинополю, забравъ по пути слѣдованія огромные продовольственные и артилерійскіе склады.

Авт.

([49])—Передъ выступленіемъ изъ Эрзерума, полкъ былъ расположенъ слѣдующимъ образомъ: 1-й и 3-й баталіоны въ Эрзерумѣ, 2-й въ Куруджукѣ, полковой штабъ и 12-я рота въ Гельджіасѣ, 11-я и 4-я стрѣлковыя роты въ Айкуртѣ и 10-я въ Кегванкѣ.

Авт.

([50])—Всего въ дѣйствующемъ корпусѣ на кавказско-турецкой границѣ убыло: умершими—штабъ-офицеровъ 19, оберъ-офицеровъ 70, нижнихъ чиновъ 12,195; убитыми—штабъ-офицеровъ 8, оберъ-офицеровъ 22, нижнихъ чиновъ 1,652; безъ вѣсти пропавшими и бѣжавшими—нижнихъ чиновъ 697.

Хотя прилагаемое свѣдѣніе и заимствовано изъ официальныхъ донесеній, представляемыхъ пополумѣсячно въ штабъ дѣйствующаго корпуса, но цифра умершихъ въ дѣйствительности была несравненно больше.

Авт.

([51])—Приказъ на 30-е іюня 1878-го года за № 181-мъ.

Авт.

([52])—Приказъ по войскамъ дѣйствующаго корпуса на кавказско-турецкой границѣ, отъ 28-го февраля 1878-го года, № 105,—въ городѣ Эрзерумѣ:

«По волѣ Великаго нашего Государя, война съ Турціею окончена—и 19-го сего февраля заключенъ миръ.

«Боевые сподвижники мои! Съ 12-го апрѣля прошлаго года,

много оказано вами отличій, много выпесено неимовѣрныхъ трудовъ, но за то, вы достигли сердца малой Азіи, и почти вся, съ боя взятая вами земля, присоединена къ россійской державѣ.

«Поздравляю васъ съ окончаніемъ славной войны и съ блестящимъ миромъ. Вы честно и геройски выполнили слова, съ которыми я обратился къ вамъ въ день открытія военныхъ дѣйствій; подъ знаменами вашихъ отцовъ и дѣдовъ вы снова закрѣпили громкую славу вашихъ частей, доказавъ Россіи и всему міру, что въ вашихъ жилахъ течетъ та самая богатырская кровь, которая неразъ являла чудеса храбрости. До пятисотъ взятыхъ вами орудій и десятки тысячъ плѣнныхъ турецкихъ солдатъ служатъ тому доказательствомъ.

«Овладѣніе штурмомъ крѣпости Ардагана, дѣйствія эриванскаго отряда и двадцати-трехдневная оборона осажденнаго Баязета, разгромъ анатолійской арміи на Аладжѣ, штурмъ непріятельской крѣпости Карса, разбитіе соединенныхъ силъ Мухтара и Измаила пашей на Деве-Бойну и, наконецъ, безпримѣрная, по громаднымъ, изумившимъ даже непріятеля, трудностямъ, среди жестокой зимы, въ безлѣсной мѣстности и на высотѣ семи тысячъ футъ, строгая блокада Эрзерума и другіе ваши подвиги будутъ записаны золотыми буквами въ лѣтописи военной исторіи.

«Не мнѣ быть цѣнителемъ вашихъ заслугъ и доблестей: за десять мѣсяцевъ непрерывныхъ военныхъ дѣйствій неразъ заслужили вы дорогое Царское спасибо, благодарность нашего Августѣйшаго Главнокомандующаго и благословеніе всѣхъ русскихъ людей. Относясь съ высокимъ и незгладимымъ въ памяти моей уваженіемъ къ вашимъ боевымъ достоинствамъ и понесеннымъ трудамъ, я отъ глубины души благодарю провидѣніе за ниспосланное мнѣ счастье—съ начала и до конца войны быть во главѣ дѣйствующаго корпуса, достойнаго преемника старыхъ кавказскихъ бойцевъ.

«Помянемъ вмѣстѣ, товарищи, вѣчною памятью тѣхъ братьевъ нашихъ, коимъ Господь не судилъ дожить до минуты слав-

наго мира; воздадимъ дань благоговѣйнаго уваженія семьямъ, оспротѣвшимъ послѣ войны, а когда судьба вернетъ насъ къ родному очагу, будемъ наставлять дѣтей нашихъ, внуковъ, чтобы и они, когда до нихъ дойдетъ очередь, по первому слову Царя шли умирать за отечество съ такою же беззавѣтною готовностью, какою были преисполнены во все время войны всѣ чины ввѣреннаго мнѣ корпуса, отъ перваго и до послѣдняго».

Подлинный подписалъ командующій дѣйствующимъ корпусомъ генералъ-адъютантъ Лорисъ-Меликовъ.

Авт.

(83)—Въ 1879-мъ году, Его Высочество Главнокомандующій арміею, посѣщая Ардаганъ, изволилъ остановиться возлѣ могилы павшихъ эриванцевъ и поклонился ихъ праху; въ настоящее время на этомъ мѣстѣ воздвигнутъ памятникъ, со вдѣланною въ него мѣдною доскою, на которой вырѣзаны имена и фамиліи убитыхъ.

Авт.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I.

Санитарное состояніе полка въ теченіе минувшей кампаніи. (Изъ записки полковаго врача Авдакова).

Медицинская часть до мобилизаціи.

Приготовленія къ мобилизаціи, какія были сдѣланы въ административномъ, санитарномъ и хозяйственномъ отношеніяхъ, по части медицинской въ полку произведены не были, да и не представлялось необходимымъ, потому что полный штатъ врачей былъ налицо, а фельдшера пополнялись ежегодно по установленному порядку. Обученые санитары, по шести человѣкъ на роту, также существовали въ дѣйствительности. Лазаретные фургоны, носилки, фельдшерскія сумки, ротные санитарные ранцы, съ полною укладкою по военному времени, аптечная одноколка, неприкосновенный запасъ перевязочныхъ матеріаловъ, лазаретныя вещи на 24 кровати, инструменты и необходимые медикаменты были заготовлены и составляли обычную принадлежность полка. Упущеніе сдѣлано только относительно аптечныхъ вьюковъ, которые не были заведены.

Пополненіе личнаго состава медицинскихъ чиновъ въ минувшую кампанію было слѣдующее: передъ мобилизаціей, въ полкъ прибылъ старшій врачъ Авдаковъ; кромѣ него, въ полку находились четыре младшихъ врача: Корсунскій, Взоровъ 1-й, Взоровъ 2-й и Смирновъ, одинъ классный медицинскій фельдшеръ, четыре младшихъ медицинскихъ фельдшера и одиннадцать ротныхъ. Штатъ этотъ поддерживался до вторичнаго движенія полка чрезъ соганлугскія горы, послѣ чего въ полку оказалось: одинъ старшій врачъ, два младшихъ и всего тринадцать фельдшеровъ. Послѣ штурма Эрзерума, 28-го октября, съ началомъ тифозной эпидеміи, въ полку личный составъ медицинскихъ чиновъ еще уменьшился и состо-

ялъ изъ старшаго врача и восьми фельдшеровъ.

Врачебные запасы доставлялись и пополнялись аккуратно, недостатка въ нихъ не имѣлось почти въ продолженіи всей кампаніи; случалось даже снабжать другія части, такъ напримѣръ: послѣ штурма Ардагана, часть перевязочныхъ матеріаловъ передана въ тифлисскій полкъ и въ военно-временный госпиталь № 12-й, а впослѣдствіи, подъ Эрзерумомъ, большая часть перевязочныхъ матеріаловъ передана въ дивизіонный лазаретъ; сверхъ того, во время эвакуаціи 600 больныхъ изъ Эрзерума въ Ягапъ и Александрополь, въ апрѣлѣ 1878-го года, полковые перевязочные припасы и медикаменты служили пособіемъ для транспортируемыхъ больныхъ, которыхъ сопровождала одна рота эриванскаго полка и весь медицинскій персоналъ, остававшійся въ эрзерумской области по закрытіи полковаго лазарета. Въ военное время полкъ менѣе былъ готовъ къ продолжительному походу въ санитарномъ отношеніи, чѣмъ въ мирное. Причина этому заключалась въ пополненіи полка призывными нижними чинами, между которыми попадались слабосильные, вполнѣ неспособные нести службу, и кромѣ того, люди совершенно отвыкшіе отъ строя и лагерной жизни; вслѣдствіе чего, большой контингентъ больныхъ состоялъ изъ призыва. Госпитали, лазареты и другія лечебныя заведенія наводнялись именно этими людьми. Такимъ образомъ, мобилизованныя войска невполнѣ были готовы къ продолжительному походу.

Наканунѣ мобилизаціи полкъ, послѣ осенняго лагеря, былъ поставленъ на зимнія квартиры въ городѣ Александрополѣ по обывательскимъ домамъ. Высшее военное начальство обратило особенное вниманіе на расквартированіе нижнихъ чиновъ; сначала командиръ полка, а впослѣдствіи бригадный генералъ съ корпуснымъ врачемъ лично осматривали всѣ обывательскія помѣщенія, занятыя нижними чинами. 16-го января, 10-го февраля и 1-го марта 1877-го года, три баталіона были выведены изъ Александрополя въ ближайшія селенія: Ильхіабы, Тападолакъ, Дюзъ-Кяпть и малый Караклисъ, по случаю прибытія въ Александрополь военно-временныхъ госпиталей и учрежденія въ городѣ разныхъ передовыхъ складовъ.

Въ тоже время, командующимъ корпусомъ исходатайствована увеличенная дача мяса, состоявшая изъ полутора фунта, въ теченіи всей кампаніи. Корпуснымъ врачемъ были предложены мѣры для сбереженія здоровья нижнихъ чиновъ, при чемъ обращалось вниманіе на размѣщеніе, вентиляцію, чистоту, состояніе колодезной воды и т. д.

Зимою, между жителями Александрополя появилась эпидемія оспы, и нѣкоторые нижніе чины уже заболѣвали, вслѣдствіе чего корпуснымъ врачемъ было предложено вторичное прививаніе оспы всѣмъ нижнимъ чинамъ, но эта попытка, по суровости зимы, не привела къ желаемой цѣли.

Въ медицинскомъ отношеніи полкъ имѣлъ почти все необходимое, за исключеніемъ новаго перевязочнаго матеріала, которымъ былъ снабженъ только незадолго до объявленія войны. Въ это время впервые была введена въ полку новая нормальная перевязка.

Вода.

Источниками для полученія воды нижнимъ чинамъ служили рѣки, ручьи и горные потоки. Во время похода и движенія, первая забота состояла—имѣть хорошую воду, почему высшее начальство располагало лагерь въ мѣстахъ обильныхъ водою. Кухни всегда имѣли свое мѣстопребываніе около воды, а лагерь на почтительномъ разстояніи отъ нея—версты на двѣ, соображаясь съ мѣстностью. Тамъ, гдѣ послѣдняя не благопріятствовала устроить кухни указаннымъ образомъ, то воду обыкновенно возили исключительно для ротныхъ кухонъ. Для себя, нижніе чины обыкновенно носили воду въ своихъ манеркахъ, мѣдныхъ котелкахъ, въ которыхъ и сохраняли ее для похода. Во время сраженія, вода подвозилась въ бурдюкахъ, на вьючныхъ лошадяхъ, и въ бочкахъ—на полковыхъ фурахъ. Для очистки и сбереженія воды въ походѣ ничего не предпринималось, за исключеніемъ того случая, когда, во время лагерной стоянки у Кюрюкъ-Дара, имѣлся небольшой басейнъ родниковой воды, снабжавшій преимущественно полкъ: на этомъ основаніи, по заявленію врачей, были сдѣланы распоряженія, предпи-

сывавшія строгій надзоръ за чистотой и опрятнымъ содержаніемъ басейна. Мѣра эта выполнялась отчасти, и источникъ, тѣмъ не менѣе, грязнился. Сильный недостатокъ въ водѣ полкъ испытывалъ всего одинъ разъ—16-го іюля, во время рекогносцировки къ горѣ б. Ягны.

Отхожія мѣста.

На устройство отхожихъ мѣстъ особенно серьезное вниманіе было обращено въ Кюрюкъ-Дара. Въ ста шагахъ позади обоза вырывались ямы, глубиною два и шириною одинъ аршинъ, а длина была различная: двѣ или три сажени; черезъ два дня ямы эти засыпались землею, послѣ чего, въ двухъ-трехъ шагахъ возникали новыя—упомянутыхъ размѣровъ. Чистка ямъ состояла въ засыпаніи землею. Другой дезинфекціи не производилось. При кратковременномъ расположеніи лагеря, правильныхъ отхожихъ мѣстъ никогда не имѣлось, и вся почва вокругъ и около лагеря унавоживалась человѣческими экскрементами. Ямы предназначались исключительно по одной на каждый баталіонъ, и сверхъ того, одна яма вырывалась для околоточныхъ больныхъ, изъ за чего врачамъ нерѣдко приходилось вести борьбу, такъ какъ къ этому дѣлу относились весьма апатично. Наблюденіе за отхожими мѣстами ввѣрялось малосвѣдущему офицеру и притомъ, несвободному отъ службы.

Тифозная эпидемія.

До вторичнаго похода за Соганлугъ, хотя на санитарную часть и не было обращено должнаго вниманія, но здоровье полка было прекрасное. Въ концѣ же кампаніи и господствованія болѣзни, въ полку и въ полковомъ лазаретѣ были тифозныя заболѣванія. Тифъ существовалъ въ слѣдующихъ формахъ: 1) въ формѣ обыкновеннаго сыпнаго тифа, 2) возвратнаго, 3) смѣшаннаго сыпнаго и возвратнаго, 4) въ формѣ тифной лихорадки,—къ этому относятся тифозныя сомнительныя заболѣванія и 5) заболѣваніе брюшнымъ тифомъ. Этотъ тифъ встрѣчался впачалѣ, но случаи были крайне неопредѣленные.

Обыкновенный сыпной тифъ выражался слѣдующими явленіями: поступающіе больные были блѣдные, худые и изнуренные; при этомъ, всегда жаловались на головную боль, головокруженіе, обморокъ и общее недомоганіе. На ознобы мало жаловались, такъ какъ больные поступали въ лазаретъ на 3-й, 4-й и 5-й день. Языкъ былъ обложенъ густымъ бѣлымъ летомъ, при чемъ обыкновенно замѣчалась потеря аппетита. Къ этимъ субъективнымъ явленіямъ относятся ревматическія боли въ конечностяхъ. При дальнѣйшемъ ходѣ болѣзни, языкъ становился сухимъ, покрытымъ корой бураго цвѣта и казался потрескавшимся, что совпадало съ высокими лихорадочными цифрами. Запоры—общее явленіе у всѣхъ заболѣвающихъ тифомъ; поносы были не часты, а если и являлись, то кровянистые и желчные и составляли лишь компликацію. Вначалѣ наблюдалась рвота. Характерными припадками въ ходѣ болѣзни были термометрическія явленія и мозговые припадки. Сыпной тифъ въ началѣ болѣзни никогда не обнаруживался высокой температурой, а обыкновенно наблюдалось постепенное поднятіе съ 38,5° и затѣмъ уже, въ первую недѣлю у больнаго замѣчалось 39,5°, 40° и 41°. Разница между утренней и вечерней температурой была на одинъ и полъ-градуса. Такой ходъ температуры въ большинствѣ случаевъ продолжался дней 10-ть, двѣ недѣли, послѣ чего слѣдовало постепенное пониженіе, съ кризисомъ, или же температура снова повышалась, но уже не достигала максимума своего развитія, какъ въ серединѣ болѣзни, что указывало на осложненіе или смѣшанную тифозную форму. Въ иныхъ случаяхъ появлялась продолжительная лихорадка. Случалось, что больные жаловались на боли въ области печени и селезенки. Физическое изслѣдованіе при этомъ всегда открывало увеличеніе названныхъ органовъ. Въ легкихъ наблюдались явленія бронхальнаго катарра. Весьма характерны были при сыпномъ тифѣ мозговыя являнія. Въ серединѣ болѣзни вполнѣ обрисовывалось тифозное состояніе, при чемъ наблюдалась апатія, спячка, безсознательное состояніе, безсонница, буйный и неистовый бредъ. Больные имѣли наклонность убѣгать изъ лазарета; у многихъ развивалась манія или полнѣйшее буйство, вслѣдствіе чего прибѣгали къ смирительной рубашкѣ. Сверхъ сказаннаго, нѣкоторые

страдали пораженіемъ органовъ чувствъ, что выражалось тугимъ слухомъ, который, впрочемъ, съ окончаніемъ болѣзни, постепенно проходилъ. Были также случаи воспаленія роговой оболочки глазъ, подъ вліяніемъ тифной инфекціи, съ благопріятнымъ исходомъ. При сыпномъ тифѣ, высыпаніе было довольно обильное, такъ что иногда все тѣло и конечности покрывались пятнистою сыпью, исключая развѣ лица. Пятнистая сыпь имѣла видъ кровоподтековъ, но были случаи и безъ сыпи, гдѣ при самыхъ тщательныхъ наблюденіяхъ нельзя было отыскать даже малаго выраженія сыпи, въ видѣ нѣсколькихъ пятнышекъ. Наконецъ, заушница, какъ осложненіе, принадлежала къ рѣдкимъ явленіямъ. Послѣ перенесеннаго сыпнаго тифа, у нѣкоторыхъ больныхъ на нижнихъ конечностяхъ и особенно пальцахъ появлялись отеки, краснота и припухлость, а затѣмъ, развивалась гангрена, влажная или сухая, на одной или обѣихъ ногахъ. Какъ единичные случаи, поражались гангреной кончикъ носа или верхняя часть уха. Кромѣ этихъ послѣднихъ явленій, у многихъ встрѣчалось сведеніе нижнихъ конечностей. Параличей не наблюдалось при этой эпидеміи. Смертность отъ сыпнаго тифа была довольно значительна и зависѣла: 1) отъ характера эпидеміи, отличавшейся высокою степенью заразительности, и 2) отъ тѣсноты и чрезвычайной скученности больныхъ, а болѣе всего, отъ крайне дурной санитарной обстановки и гадкаго содержанія больныхъ. Въ началѣ эпидеміи, болѣе преобладали формы сыпнаго тифа, а потомъ—возвратнаго.

Возвратный тифъ обнаруживался высокой температурой уже въ началѣ заболѣванія, которая утромъ, въ нѣсколько часовъ, вдругъ достигала 39,5° и выше, а въ вечернее время колебалась между 40° и 41°. Различіе между утреннею и вечернею температурою менѣе рѣзко, чѣмъ при сыпномъ тифѣ. Обыкновенно, на пятый и шестой, а иногда между восьмымъ и девятымъ днями, температура внезапно понижалась или падала ниже нормы—до 36°, 35° и 32°. Такое быстрое паденіе температуры сопровождалось обильнымъ потомъ, а затѣмъ, наступало безлихорадочное состояніе, длившееся сутки или нѣсколько дней. Обыкновенно, проходила недѣля до втораго приступа. При продолжающемся безлихорадочномъ состояніи, больные, блѣд-

ные, изпуренные, въ состояніи были подниматься и потреблять пищу, какъ вдругъ, внезапно являлся второй приступъ, продолжавшійся 4 дня и съ такими же высокими лихорадочными цифрами; затѣмъ, наблюдались третій и четвертый приступы. Теченіе возвратнаго тифа продолжалось отъ 9-ти до 15-ти дней. Среди болѣзни, у нѣкоторыхъ больныхъ развивалось безсознательное состояніе, буйство, бредъ и галлюцинація. Предвѣстниками болѣзни были неправильности со стороны пищеварительныхъ органовъ, съ общимъ ослабленіемъ и изнуреніемъ силъ. Субъективные припадки тѣ же, что и при сыпномъ тифѣ: головокруженіе, обморокъ, ревматическія боли въ сочлененіяхъ и мышцахъ и т. д. Возвратный тифъ чаще протекалъ въ чистой формѣ, а иногда соединялся съ сыпнымъ и отличался продолжительностью лихорадочнаго состоянія, внезапными пониженіями температуры до нормы, продолжавшимися лишь нѣсколько часовъ. Селезенка и печень у страдающихъ возвратнымъ тифомъ, какъ и при смѣшанныхъ двухъ формахъ, были значительно увеличены. Возвратный тифъ обыкновенно протекалъ безъ всякихъ осложненій, а въ другихъ случаяхъ наблюдалось катарральное пораженіе слизистыхъ оболочекъ дыхательныхъ и пищеварительныхъ органовъ. Изрѣдка возвратный тифъ осложнялся воспаленіемъ мозговыхъ оболочекъ. Смерть при всѣхъ формахъ происходила отъ упадка дѣятельности сердца и отека легкихъ. Всѣ формы тифа, болѣе всего сыпнаго, отличались въ высокой степени заразительностью, вслѣдствіе чего, фельдшера и лазаретная прислуга дѣлались безнаказанно жертвою заболѣванія и смерти.

Причины развитія тифа.

Причины, особенно вліявшія на увеличеніе болѣзненности нижнихъ чиновъ полка, были: изнуреніе и голодъ. Такъ напримѣръ, 3-го октября, послѣ атаки горы Авліара, полкъ былъ двинутъ на визинъ-кейскія высоты и затѣмъ, почью, опять передвинутъ къ аладжинскимъ высотамъ, для принятія сдающейся турецкой арміи. На другой же день нижніе чины, не имѣя ни отдыха, ни сна, не получая пищи, обезсиленные, голодные, совершили почной форси-

рованный переходъ въ виду Карса, слишкомъ 40 верстъ, отъ визинъ-кейскихъ высотъ въ селеніе большая Тикма, и здѣсь нѣсколько дней должны были ожидать полковаго обоза, съ которымъ слѣдовали палатки; между тѣмъ, проводили время подъ дождемъ, на открытомъ воздухѣ. 10-го октября, въ глубокую осень, безъ достаточнаго отдыха, полкъ двигался форсированнымъ маршемъ для преслѣдованія соединенныхъ армій Мухтара и Измаила пашей, за соганлугскія горы. Испытавъ рядъ сверхчеловѣческихъ усилій, лишеній, вслѣдствіе быстрыхъ и почныхъ переходовъ, полкъ, 17-го октября, находился уже въ эрзерумской области, позади селенія Куруджукъ. Здѣсь опять-таки, не успѣвъ оправиться и укрѣпить свои силы, участвовалъ въ сраженіи 23-го октября на Деве-Бойну, а затѣмъ, въ страшно-холодную ночь, съ 27-го на 28-е октября, при штурмѣ Эрзерума, совершилъ путь по непроходимымъ горамъ, оврагамъ, среди глубокаго снѣга. Послѣ чего, 29-го октября, полкъ расположился лагеремъ у подошвы горы Деве-Бойну, вблизи разрушеннаго селенія Узунъ-Ахметъ. Здѣсь два баталіона поочереди занимали деве-бойнскую позицію. Съ этого времени нижніе чины испытывали постоянный голодъ и холодъ вслѣдствіе недостатка хлѣба, сухарей и теплой одежды. Съ 1-го ноября 1877-го года, на деве-бойнскомъ бивакѣ впервые нижніе чины употребляли въ пищу сырую пшеницу, взятую въ непріятельскихъ складахъ. Послѣдствіемъ этого было развитіе кишечныхъ катарровъ между людьми, что также усиливало и довершало предшествовавшее изнуреніе. Запасъ сухарей изсякъ; сухарная порція была уменьшена болѣе чѣмъ наполовину; въ послѣдующіе дни нижніе чины совершенно не получали хлѣбнаго довольствія, вслѣдствіе распоряженія растягивать сухари на нѣсколько дней. Бывали случаи, что солдаты платили 15 коп. за фунтъ хлѣба, если подвозился, и покупали въ селеніяхъ лаваши и чуреки.

28-го ноября, первый разъ въ продоженіе кампаніи, полкъ перешелъ на зимнія квартиры между Гасанъ-Кала и Деве-Бойну, въ разоренныя турецкія селенія: Куруджукъ, Гельджіасъ, верхніе Туи и Піутакъ. Жителей въ этихъ селеніяхъ не существовало; запасовъ хлѣба и фуража не оказалось. Половина квартиръ была

уничтожена на добываніе дровъ, и солдатамъ приходилось тѣсниться. Потребность въ отдыхѣ и тепломъ жильѣ была крайне необходимою послѣ ряда лишеній на деве-бойнскомъ бивакѣ. Не успѣли ни отдохнуть, ни оправиться. Вдругъ, 10-го декабря, въ суровую зиму, по распоряженію начальника отряда, полкъ внезапно двинулся форсированнымъ маршемъ чрезъ туйскій перевалъ, находящійся на высотѣ 10,000 футъ надъ поверхностью моря, по неразработанной дорогѣ, въ селенія, расположенныя въ долинѣ Чернаго Ефрата. Переходъ туда и обратно былъ сверхчеловѣческій. Послѣ форсированнаго марша, полку данъ только кратковременный отдыхъ на своихъ прежнихъ разрушенныхъ квартирахъ съ тѣмъ, чтобы опять двинуть къ деве-бойнскому биваку,—что и случилось 20-го декабря. Для огражденія и устраненія общаго недостатка въ хлѣбѣ, распоряженіемъ начальства устроены были полковыя хлѣбопекарни въ селеніи Піутакъ. При этомъ, не было обращено вниманіе на одно чрезвычайно важное обстоятельство, что въ зимніе мѣсяцы мельницы не дѣйствуютъ или открываютъ свои работы съ большими затрудненіями, отъ снѣжныхъ заносовъ, мятелей и замерзанія воды. Для расчистки канавы и другихъ заграждений высылали ежедневно по 300 человѣкъ на мельницу. Такимъ образомъ, полкъ, имѣя отъ интендантства пшеницу, не въ состояніи былъ выпекать и приготовлять надлежащее количество хлѣба, для снабженія воинскихъ чиновъ; отъ этого выходило, что солдаты одну недѣлю получали хлѣбъ, а на другую порціи уменьшались, или совсѣмъ ничего не давалось, по причинѣ снѣжныхъ заносовъ и замерзанія воды на мельницѣ. Со стороны интендантства также замедлялся отпускъ пшеницы, и мельницы, могущія въ это время работать, оставались безъ всякаго дѣйствія. Вторая причина, увеличивавшая голодъ между нижними чинами, состояла въ недостаткѣ горячей пищи во время зимняго бивака на Деве-Бойну. Это случалось тогда, когда поднимались большія мятели, снѣга и заносы, что служило большимъ препятствіемъ разводить огонь для варки пищи. Закрытыхъ навѣсовъ или другихъ приспособленій для защиты отъ такихъ случайностей не было сдѣлано. Ротныя кухни иногда такъ заносились снѣгомъ, что приходилось нѣсколько дней отыскивать ихъ, а по-

томъ расчищать. Между тѣмъ, въ это время ощущался уже недостатокъ въ дровахъ. Въ ротахъ не было соли, крупы, капусты и другихъ принадлежностей, необходимыхъ для улучшенія пищи. Мясо, доставляемое маркитантомъ, было худое—отъ недостатка корма для скотины. Рядъ этихъ случайностей заставлялъ солдатъ голодать и, такимъ образомъ, въ теченіе мѣсяца выпадало не мало такихъ дней, когда нижніе чины лишены были горячей пищи, а при этомъ, обезсиленные и изнуренные, безропотно несли тяжелую аванпостную службу. Къ условіямъ, глубоко разстроившимъ и подорвавшимъ здоровье нижнихъ чиновъ, присоединялась холодная суровая зима, а недостатокъ въ дровахъ чувствовался съ самаго начала. При всемъ этомъ, у солдатъ не имѣлось обуви: сапоговъ, чулковъ и теплыхъ обвертокъ. Недостатокъ обуви былъ такъ значителенъ, что у большинства людей были озноблены пальцы на ногахъ. Шинели, шаровары и сапоги на нижнихъ чинахъ были изношены и изорваны: многіе не имѣли рубашекъ, и нерѣдко можно было встрѣтить солдатъ, щеголяющихъ въ турецкихъ панталонахъ и другихъ импровизованныхъ костюмахъ. Рядъ этихъ неблагопріятныхъ условій въ жизни солдата приводилъ его къ крайнему истощенію и изнуренію физическихъ силъ, чрезъ что организмъ становился воспріимчивымъ къ тифознымъ заболѣваніямъ. До февраля, полкъ стоялъ на деве-бойнскомъ бивакѣ, а въ половинѣ февраля 1878-го года онъ снова пріютился въ раззоренныхъ донельзя турецкихъ селеніяхъ, которыя, при этомъ, находились и въ дурныхъ гигіеническихъ условіяхъ: всюду навозъ, соръ и груды развалинъ. Многія помѣщенія, своею ветхостью, были опасны для жилья, почему нѣкоторыя роты выведены были въ холодныя кибитки. Въ полку попрежнему ощущался тотъ же недостатокъ хлѣба. Прибѣгли къ крайнему средству: розданъ былъ неприкосновенный четырехдневный запасъ сухарей. Мельницы открывали работы съ перерывами и большею частью останавливались, вслѣдствіе вышеупомянутыхъ причинъ. Начальство, желая спасти людей отъ очевиднаго голода, испытываемаго четыре мѣсяца, ввело въ частяхъ войскъ ручныя мельницы; но этимъ цѣли не достигли: невозможно было приготовить такого количества муки, чтобы снабдить полкъ хлѣбомъ. Солдаты продолжали испытывать

голодъ, а тифъ, между тѣмъ, принималъ невѣроятные размѣры; съ каждымъ днемъ цифра больныхъ увеличивалась. Въ полковомъ лазаретѣ буквально не было мѣстъ. Госпитали всѣ были переполнены. Такимъ образомъ, голодъ, холодъ, изнуреніе и другія лишенія были главными факторами развитія тифозной эпидеміи.

Средства полковаго лазарета.

Состояніе полковаго лазарета было въ самомъ печальномъ видѣ. Среднее ежедневное число больныхъ колебалось отъ 500-тъ до 600-тъ человѣкъ (исключительно тифозныхъ). Въ самомъ же лазаретѣ имѣлось только 24-ре кровати; всѣ больные были скучены и густо размѣщены. Въ концѣ февраля, цифра заболѣваній возрасла до 675-ти человѣкъ. Эвакуація лазарета была прекращена, и лечебныя заведенія черезъ мѣру переполнились. Смертность приняла громадные размѣры и существенно обусловливалась скученностью, тѣснотою и полнѣйшимъ отсутствіемъ лазаретнаго содержанія, при дурныхъ гигіеническихъ условіяхъ.

Появленіе тифа въ полку.

Первые тифозные, съ которыми солдаты полка имѣли сближеніе, находились въ селеніи Гинсъ, гдѣ стоялъ дербентскій полкъ, уже страдавшій тифомъ. По возвращеніи изъ этого злополучнаго селенія въ концѣ декабря, между нижними чинами полка обнаружилось легкое заболѣваніе сыпнымъ тифомъ, съ благопріятнымъ теченіемъ. Что же касается до мѣстнаго населенія, на непріятельской территоріи, то оно не могло оказывать вліянія на развитіе болѣзни, потому что полку были отведены опустошенныя и разоренныя деревни, безъ жителей. Напримѣръ, на долю полковаго штаба назначена была деревня Пуси-Дара, которая оказалась, послѣ долгихъ розысковъ, занесенною снѣгомъ.

Въ селеніи Піутакъ былъ открытъ полковой лазаретъ съ 20-го декабря 1877-го года по 4-е апрѣля 1878-го года. Селеніе, назна-

ченное подъ лазаретъ, расположено на небольшемъ склонѣ горы. Оно изобилуетъ горными ручьями и было ближайшимъ къ девебойнскому биваку. Вначалѣ, лазаретъ состоялъ изъ двухъ помѣщеній, а впослѣдствіи, съ каждой недѣлью расширялся, и переполнившись больными, имѣлъ уже 14-ть отдѣльныхъ палатъ различныхъ размѣровъ. Всѣ зданія подъ больными—каменныя, сдѣланныя изъ дикаго камня и облѣпленныя землей и глиной, чрезъ стѣны коихъ легко проникалъ снѣгъ во время мятелей. Крыша—плетневая, съ земляной насыпью, имѣвшая на серединѣ небольшое отверстіе, которое служило единственнымъ источникомъ дневнаго свѣта для каждаго помѣщенія; а въ другихъ была тьма кромѣшная или полумракъ. Двери, при этомъ, сколочены были изъ досокъ, чрезъ которыя немилосердно сквозилъ вѣтеръ. Печи сдѣланы изъ того же камня, обыкновенно по одной, а въ нѣкоторыхъ по двѣ, самаго плохаго устройства; трубы выведены въ стѣну не очень высоко и обыкновенно дымили; во время оттепели и таянія снѣга нѣкоторыя помѣщенія обваливались, и на крышахъ образовывались водопромоины, чрезъ что больные почти-что лежали въ водѣ и въ грязи. Гигіеническія условія лечебнаго заведенія были въ высшей степени неблагопріятны для здоровья больныхъ, такъ какъ описанныя помѣщенія, и названныя палатками, были ничто иное, какъ буйволятники (конюшни) для домашняго скота. По всему селенію были разбросаны кучи навоза, мусора и развалившіяся сакли. Но болѣе всего разгрязнялась почва и заражался воздухъ пребываніемъ въ селеніи Піутакъ маркитантской бойни; при этомъ, всѣ внутренности послѣ убоя скота прямо вываливались въ нѣсколькихъ шагахъ отъ селенія. Полковое начальство дѣлало распоряженіе для очистки, нанимало даже турокъ, но всѣ эти мѣры были недостаточны.

Больные въ лазаретѣ размѣщались на полу, имѣя подъ собою саманную и войлочную подстилку, исключая 24-хъ мѣстъ, для которыхъ были сдѣланы насыпи, наподобіе кроватей, при которыхъ имѣлись тюфяки, одѣяла, халаты—по лазаретному положенію. Бѣлье на больныхъ никогда не мѣнялось и не мылось—по неимѣнію перемѣнъ. Общество Краснаго Креста иногда удѣляло

часть бѣлья, но его приходилось отдавать въ собственность нижнимъ чинамъ, такъ какъ поступающіе больные нерѣдко оказывались безъ рубашекъ. Относительно среднихъ размѣровъ площади кубическаго пространства чистаго воздуха, необходимаго для каждаго больнаго, здѣсь не могло быть и рѣчи, отъ чрезвычайнаго переполненія. Приблизительно можно сказать, что на больнаго приходилось $^1/_{12}$ кубическаго пространства чистаго воздуха и менѣе того. Провѣтриваніе больныхъ помѣщеній производилось только при ограниченномъ числѣ больныхъ. Для этого палата освобождалась, и помѣщеніе, съ растворенными окнами и дверьми, оставалось извѣстное время открытымъ. Отопленіе производилось въ дурно-устроенныхъ, вышеупомянутыхъ каменныхъ печахъ, вѣчно дымящихъ и мало дающихъ тепла. Внутренняя температура жилыхъ помѣщеній равнялась 5°, 7° Р. и ниже того. Лазаретъ освѣщался исключительно сальными свѣчами, которыя выдавались по одной и по двѣ на каждую палату на всю ночь. Отхожія мѣста состояли изъ открытыхъ ямъ, обнесенныхъ снѣжнымъ барьеромъ, но и такихъ ямъ было двѣ на весь лазаретъ. Въ разрушенныхъ сакляхъ обыкновенно были импровизованныя отхожія мѣста. Трудно-больные испорожнялись въ солдатскія манерки.

Высшая цифра больныхъ относительно нормальной вмѣстимости помѣщеній равнялась 100 мѣстамъ.

При открытіи лазарета имѣлось 60 больныхъ, одержимыхъ тифомъ, и несмотря на отсутствіе лазаретнаго содержанія, съ 20-го декабря 1877-го года по 1-е января 1878-го года, былъ одинъ только смертный случай, благодаря широкому размѣщенію. Въ теченіи января, февраля палаты переполнились тифозными; къ первымъ числамъ марта цифра больныхъ достигала отъ 612 до 675 человѣкъ. Всѣ больные лежали тѣсно, въ палатныхъ отдѣленіяхъ не было свободнаго мѣста, чрезъ что обходъ и осмотръ становился затруднительнымъ; промежутковъ между больными буквально не существовало, тогда какъ съ каждымъ днемъ заболѣвающіе прибывали, и для лечебнаго заведенія становилось уже физически невозможно имѣть больше больныхъ.

И такъ, вслѣдствіе крайняго переполненія, скученности, от-

сутствія лазаретнаго содержанія, при дурныхъ гигіеническихъ условіяхъ, смертность приняла поражающіе размѣры: такъ, съ 1-го по 11-е марта умерло сто человѣкъ. Прислуга и фельдшера переболѣли тифомъ. Вновь назначаемые для ухода за больными не выдерживали болѣе 5-ти и 6-ти дней. Причины такого крайняго переполненія заключались главнымъ образомъ въ томъ, что съ одной стороны запрещено было эвакуировать лазаретъ, а съ другой—въ высокой степени развитія эпидеміи и полномъ истощеніи и изнуреніи нижнихъ чиновъ,—что и создало благопріятную почву для тифознаго заболѣванія. Для облегченія безвыходнаго положенія лазарета, 204 больныхъ были переведены на разстояніе 50 верстъ, въ селеніе Яганъ, въ военно-временный госпиталь № 45-й. Другая мѣра: санитарная рота, состоявшая при лазаретѣ, переведена въ другое селеніе, и такимъ образомъ лазаретное помѣщеніе, сильно зараженное тифозными міазмами, немного расширилось.

Приказомъ по корпусу, на каждаго больнаго отпускалось 35 и 40 копѣекъ въ день. Въ лазаретѣ же существовало двѣ порціи: первая—щи изъ капусты и вторая—супъ изъ мяса съ крупой; преобладала вторая порція, такъ какъ капусту не всегда можно было получать изъ интендантства. Мяса на каждую порцію употреблялось полтора фунта; кромѣ того, пекся изъ турецкой пшеницы хлѣбъ, а за неимѣніемъ его, нерѣдко приходилось замѣнять хлѣбъ сухарями. Всѣмъ безъ изъятія больнымъ раздавались чай и водка. Отъ общества Краснаго Креста лазаретъ снабжался чаемъ, сахаромъ, водкой, виномъ, табакомъ, ромомъ и нѣкоторыми консервами въ умѣренномъ количествѣ. Въ околоткахъ и санитарныхъ командахъ больные имѣли тоже довольствіе, что и въ ротахъ. Страдающіе катаррами кишекъ получали по назначенію врача – бульонъ, чай, вино и водку.

Средняя продолжительность пребыванія больныхъ въ полковомъ лазаретѣ равнялась четыремъ недѣлямъ. Для укрѣпленія выздоравливающихъ при лазаретѣ была устроена санитарная рота, находившаяся въ распоряженіи офицера и подъ надзоромъ врача. Всякій выздоравливающій, прежде чѣмъ отправиться къ своей части, обязанъ былъ пробыть въ санитарной ротѣ до полнаго возстановленія

своего здоровья. Съ уходомъ полка, санитарная рота была переведена въ деревню Гельджіасъ. Послѣ этого, состояніе полковаго лазарета должно было улучшиться уже потому, что новаго прилива больныхъ не было. Оставшіеся выздоравливали, умирали, а окрѣпнувъ силами, переводились въ санитарную роту. Улучшенія лазарета, въ смыслѣ ослабленія смертности, невозможно было ожидать потому, что все было заражено и пропитнуто тифозными міазмами. Существенная нужда заключалась въ лазаретномъ содержаніи: чтобы не дать погибнуть шестистамъ больнымъ, вмѣщавшимся въ стѣнахъ нашего заведенія, нужно было всѣхъ ихъ оттуда вывести безотлагательно, иначе никакъ нельзя было помочь, въ виду общаго переполненія больныхъ во всѣхъ госпиталяхъ и лазаретахъ эрзерумской области. По уходѣ полка, прибылъ военно-временный госпиталь № 53-й, который цѣлый мѣсяцъ развертывался и устроивался, и мы имѣли большія надежды, что вотъ, правильно организованное лечебное заведеніе вскорѣ пріметъ нашихъ грязныхъ больныхъ; между тѣмъ, пришлось брать съ боя. Дѣло дошло до начальника отряда, покойнаго генерала Геймана, и только по приказанію его велѣно было немедленно перевести всѣхъ больныхъ изъ лазарета эриванскаго полка въ военно-временный госпиталь—что и случилось въ началѣ апрѣля, а 4-го числа того же мѣсяца лазаретъ былъ закрытъ, оставивъ въ селеніи Піутакъ умершими 460 человѣкъ.

О погребеніи.

Убитые въ сраженіяхъ, далеко отстоящихъ отъ нашей границы: при штурмѣ Ардагана, Зивина и Авліара, обыкновенно хоронились въ ямѣ, глубиною въ одну сажень и длиною двѣ—по десять человѣкъ безъ гробовъ. Въ сраженіяхъ, близкихъ къ лагерю Кюрюкъ-Дара, убитые привозились на перевязочные пункты и оттуда отправлялись въ вагенбургъ. Полкъ устроивалъ похороны обыкновеннымъ порядкомъ, на кладбищѣ. Умершіе въ полковомъ лазаретѣ во время эпидеміи погребались въ земляныхъ ямахъ безъ гробовъ, по десяти человѣкъ. Погребеніе совершалось по субботамъ—сначала

людьми, высылавшимися изъ полка, но послѣдніе скоро заболѣвали, вслѣдствіе чего распорядились возложить это на людей, перенесшихъ тифъ.

Транспортировка.

Раненые, съ полковыхъ перевязочныхъ пунктовъ перевозились на обыкновенныхъ и лазаретныхъ фургонахъ. Кромѣ полковыхъ средствъ, неоднократно пользовались для этой цѣли и линейками дивизіоннаго лазарета кавказской гренадерской дивизіи и 21-й пѣхотной дивизіи. Для отправленія въ дальній путь, обыкновенно назначались больные выздоравливающіе, а въ ближайшія лечебныя заведенія отправлялись и трудные, если переѣздъ былъ короткій. Транспортъ лазаретныхъ больныхъ сопровождался служителемъ и фельдшеромъ, у котораго имѣлся списокъ больнымъ и необходимые медикаменты. Въ день оправленія, больные пищей были удовлетворяемы въ лазаретѣ, а если имѣлся въ виду двойной переѣздъ, то имъ выдавалось на руки вареное мясо, порція хлѣба, чай и сахаръ. Въ зимнее время отправка больныхъ производилась также и въ саняхъ. По случаю суровой зимы иногда больные прибывали въ дивизіонный лазаретъ съ отмороженіемъ ногъ, которое они пріобрѣтали во время пути. Перевозочныя средства, служившія для перевозки больныхъ и раненыхъ, отличались тряскостью и крайнимъ безпокойствомъ; вслѣдствіе чего, транспортируемые больные испытывали сильные толчки и удары. Сотрясеніе для трудно-раненыхъ было тяжкимъ испытаніемъ подобнаго переѣзда, и импровизованныя сани несравненно лучше лазаретныхъ фуръ; неудобство ихъ заключалось при перевозкѣ чрезъ воду, при чемъ больные легко подмачивали ноги.

Дезинфекція.

Изъ всѣхъ помѣщеній, занимаемыхъ полкомъ, дезинфецировался только лазаретъ въ селеніи Піутакъ окуриваніемъ газо-сѣрнистой кислоты, чрезъ сожиганіе кусковъ сѣры. Тамъ, гдѣ этого нельзя

было примѣнить, развѣшивали различныя тряпки, напитанныя растворомъ карболовой кислоты. По закрытіи лечебнаго заведенія, лазаретныя вещи, войлочныя подстилки, полушубки послѣ умершихъ и всякое тряпье отъ больныхъ было сожжено. Дезинфекція кладбищъ не производилась.

Болѣзненность и смертность между фельдшерами и лазаретной прислугой.

Во время тифозной эпидеміи, фельдшера и полковая лазаретная прислуга всѣ безъ изъятія были больны тифомъ. При этомъ, умерли два медицинскихъ фельдшера, одинъ фельдшерскій ученикъ и болѣе половины лазаретныхъ служителей. Отрасли полковаго управленія, преимущественно хозяйственная, имѣя тѣсную связь съ санитарнымъ дѣломъ въ полку, не всегда оказывали полное содѣйствіе, если только не было давленія свыше. Само полковое начальство впослѣдствіи относилось индиферентно къ предупрежденію заболѣванія.

Помощь Краснаго Креста.

Общество Краснаго Креста во всѣ періоды войны приносило несомнѣнную пользу раненымъ и больнымъ воинамъ. Помощь его выразилась болѣе всего во время тифозной эпидеміи. Лица не военнаго вѣдомства только 13-го августа помогали раненымъ на перевязочномъ пунктѣ, подвозя нѣкоторые припасы и воду. Вообще, добровольная помощь общества Краснаго Креста была явленіемъ весьма полезнымъ, но по своимъ размѣрамъ не соотвѣтствовала большому количеству больныхъ и не могла существенно облегчить участь страдающихъ воиновъ, служа лишь подспорьемъ.

Служба врачей.

Отношеніе врачебной части къ строевой въ лицѣ командира

и командующаго полкомъ было непормальное. Нерѣдко врачей посылали, гдѣ не представлялось никакой надобности; такъ, подъ Ардаганомъ, 2-го мая, младшій врачъ Корсунскій, по распоряженію командира полка, былъ назначенъ въ цѣпь и на аванпосты, въ ночное время, къ непріятельскому укрѣпленію Гелля-Верды, по случаю того, что одинъ баталіонъ долженъ былъ отдѣлиться, для исполненія аванпостной службы. Между тѣмъ, въ отрядномъ штабѣ въ тотъ же день уже состоялся приказъ о сформированіи двухъ перевязочныхъ пунктовъ, на которыхъ должны сосредоточиться всѣ врачи ардаганскаго отряда. Во время стоянки на Кюрюкъ-Дара, командующимъ полкомъ назначались врачи на аванпостную службу, съ отдѣльными баталіонами, въ ближайшемъ разстояніи отъ лагеря.

Отчетность.

Относительно военно-медицинской отчетности менѣе всего выполнялось правило и положеніе санитарныхъ книжекъ, потому что, при большомъ скопленіи раненыхъ, врачи должны были затрачивать много времени и труда для записыванія свѣдѣній; вслѣдствіе этого, перевязка дѣлалась поспѣшно, самое поврежденіе изслѣдовалось поверхностно и т. д. Вообще, можно сказать: для санитарной книжки удѣлялось больше труда, чѣмъ для оказанія пособій раненымъ. Въ началѣ каждаго дѣла, врачи усердно записывали, а подъ конецъ, какъ только скоплялись массы раненыхъ, санитарныя книжки обыкновенно забрасывали, такъ какъ онѣ составляли тяжелое бремя для врачей. Случалось, что больные, подъ вліяніемъ пораненія, раздирающей боли, стоновъ, давали неточныя свѣдѣнія для санитарныхъ книжекъ, а тяжело раненые совсѣмъ отказывались говорить, прося и моля только о помощи. При штурмѣ Ардагана, на перевязочномъ пунктѣ, до введенія военно-медицинской отчетности, корпуснымъ хирургомъ Малининымъ предложены были карточные ярлыки, на которыхъ записывались только поврежденія и фамиліи. Карточки эти, по оказаніи пособія, пристегивались къ пуговицѣ каждаго раненаго. Дѣло было, кажется, несложное, но и тутъ происходило, что эти ярлыки обыкновенно терялись или перемѣшива-

лись. Упомянутыя карточки достигли бы цѣли, еслибы привѣшивались къ кресту на шеѣ каждаго раненаго. въ родѣ медальона.

Санитарная стоянка.

Для уменьшенія повальной болѣзненности, 4-го марта 1878-го года полкъ двинулся изъ нездоровой мѣстности въ александропольскій уѣздъ и разсѣялся по деревнямъ на широкихъ и просторныхъ обывательскихъ квартирахъ, въ составѣ 900 человѣкъ. Въ маѣ мѣсяцѣ, былъ выведенъ въ санитарный лагерь въ Калали, гдѣ предпринята была всеобщая дезинфекція платья нижнихъ чиновъ полка. Каждый солдатъ, прибывающій изъ госпиталя къ своей части, предварительно долженъ былъ подвергнуться строгой дезинфекціи. Для этой цѣли, въ ближайшей деревнѣ имѣлось помѣщеніе, гдѣ производилось окуриваніе сѣрнистой кислотой и вымачиваніе въ хлорной извести заражепныхъ вещей, подъ наблюденіемъ врача.

Благодаря этимъ мѣрамъ, въ санитарномъ лагерѣ подъ Калали тифозныя заболѣванія почти прекратились. Отдѣльные случап тифа не отличались уже тою злокачественностью, какъ въ эрзерумской области. Этому много способствовали также: улучшенная пища, чай, отдыхъ, умѣренныя строевыя занятія, весенній воздухъ и т. д. При движеніи къ Ахалкалакамъ, Ардагану и затѣмъ, въ штабъ-квартиру, на урочище Манглисъ, санитарное состояніе полка было превосходное.

II.

Письмоводство.

Сложную нашу полковую отчетность, въ особенности хозяйственную по всѣмъ отраслямъ довольствія, при движеніи къ Эрзеруму, а равно и на деве-бойнской стоянкѣ, невозможно было вести въ

точности, и только, благодаря особой энергіи и усердію дѣлопроизводителя чиновника Давлишева, велся денежный журналъ хозяйственныхъ распоряженій исправно—и то, не каждый день, а въ тотъ лишь моментъ, въ который представлялась къ тому возможность; что же касается до должностныхъ офицеровъ хозяйственнаго управленія, то ими только практически выполнялись обязанности и представлялись авансовые счеты въ израсходованіи денегъ—да и то, большею частью несвоевременно.

Вообще, механизмъ нашей хозяйственной отчетности чрезвычайно труденъ и обширенъ, такъ что въ мирное время нуженъ человѣкъ, въ лицѣ дѣлопроизводителя, вполнѣ усердный, знающій и во всемъ практичный, чтобы не запутать денежные счеты и расчеты по всѣмъ отраслямъ довольствія и, наконецъ, правильно составлять всѣ требованія по провіантскому, приварочному, фуражному, артилерійскому, инженерному и вещевому довольствіямъ полка, а равно составлять ежемѣсячныя и годовыя отчетности, установленныя для контрольной палаты.

Выборъ дѣлопроизводителя въ мирное время изъ состава офицеровъ встрѣчаетъ затрудненіе и рѣдко бываетъ удаченъ; въ военное же время затрудненіе это еще болѣе усиливается, вопервыхъ потому, что офицеры, способные къ письмоводству, охотнѣе пойдутъ на должности адъютантовъ въ разныя управленія, гдѣ служба гораздо виднѣе и выгоднѣе, а вовторыхъ—въ виду большой отвѣтственности, лежащей на дѣлопроизводителѣ и сравнительно маломъ вознагражденіи за трудъ, охотниковъ почти не находится; такъ что, во время болѣзни полковаго дѣлопроизводителя, механизмъ дѣлопроизводства останавливается или ведется почти неумѣлыми руками, что и было въ полку во время болѣзни дѣлопроизводителя чиновника Давлишева, по возвращеніи полка изъ эрзерумской области въ александропольскій уѣздъ.

III.

Свѣдѣніе о наличномъ состояніи полка въ теченіе двѣнадцати лѣтъ, съ 1865-го по 1876-й г. включительно.

	ПРИБЫЛО.	1865	1866	1867	1868	1869	1870	1871	1872	1873	1874	1875	1876	ИТОГО	ВСЕГО.
Шт. и об.-офицеровъ.	Производствомъ: изъ учебн. заведеній.	»	»	9	1	»	4	2	4	1	»	»	1	22	81 ч.
	— — юнкеровъ . . .	5	11	»	1	1	1	2	»	2	4	6	1	34	
	— — отставки. . . .	»	»	»	1	»	»	»	»	»	»	»	»	1	
	Переведено изъ другихъ частей . .	5	1	3	»	1	2	»	»	8	1	2	1	24	
	Убыло за увольненіемъ отъ службы.	8	4	8	1	2	5	2	»	5	1	1	»	37	147 ч.
	— за переводомъ	10	18	11	4	10	7	5	7	8	»	17	2	99	
	— за смертью.	2	»	3	»	1	»	2	1	»	»	2	»	11	
Состояло	(женатыхъ)	40	43	36	43	46	44	39	40	40	45	34	32	»	
офицеровъ:	(холостыхъ)	87	74	72	63	49	46	46	41	39	38	37	38	»	
Нижнихъ чиновъ.	Прибыло: рекрутъ съ мѣста набора.	»	»	»	54	6	211	»	26	26	729	332	515 призыв	1899	10,285 ч.
	— изъ резервн. баталіоновъ.	1067	293	404	396	369	847	1194	572	572	»	»	1522	7236	
	— переведенныхъ.	280	127	84	36	119	15	149	36	36	42	19	28	971	
	Изъ бѣговъ и арестантскихъ ротъ. .	10	12	21	10	6	13	16	14	38	19	5	15	179	
	Убыло: за переводомъ	384	»	458	24	353	27	64	66	46	538	641	187	2788	11,287 ч.
	за выходомъ въ отставку. .	872	333	66	29	33	17	15	6	11	13	8	3	1406	
	за выходомъ въ безсрочный и временный отпуски. .	»	»	1329	80	1006	13	126	841	310	948	621	36	5310	
	Умерло.	49	52	36	34	43	37	22	40	52	25	23	17	430	
	Бѣжало.	11	17	22	11	19	18	20	19	»	14	5	18	174	
	Обращено въ первобытное состояніе.	170	78	91	82	46	172	81	79	64	109	39	59	1070	
	— въ арестантскія роты и въ ссылку въ Сибирь. . .	4	1	7	10	9	6	13	19	14	9	14	3	109	

IV.

СПИСОКЪ

ШЕФАМЪ, ГЕНЕРАЛАМЪ, ШТАБЪ И ОБЕРЪ-ОФИЦЕРАМЪ И КЛАССНЫМЪ ЧИНОВНИКАМЪ 13-го ЛЕЙБЪ-ГРЕНАДЕРСКАГО ЭРИВАНСКАГО Его Величества ПОЛКА, ПО СТАРШИНСТВУ ИХЪ СЛУЖБЫ, КЪ 1-му АПРѢЛЯ 1877-го ГОДА.

Старшинство въ настоящ. чинахъ.			Чины, имена, отчества, фамиліи и вѣроисповѣданія.	Котораго баталіона и роты.	Чѣмъ командуетъ и съ котораго времени, въ отсутствіи или налицо.
годы.	мѣсяцы.	числа.			
			Его Императорское Величество Государь Императоръ Александръ Николаевичъ	1 б. Е. В. р.	Шефъ полка, съ 14-го ноября 1850 года.
			Его Императорское Высочество Наслѣдникъ Цесаревичъ Александръ Александровичъ	1 б. Е. В. р.	Второй Шефъ полка, съ 20-го сентября 1871 года.
			Его Императорское Высочество Великій Князь Николай Александровичъ. .	1 б. Е. В. р.	Съ 14-го ноября 1875 года.
			Его Императорское Высочество Генералъ-Фельдцейхмейстеръ Михаилъ Николаевичъ	1 б. Е. В. р.	Съ 13-го октября 1863 года.
			Его Императорское Высочество Великій Князь Александръ Михаиловичъ.	1 б. Е. В. р.	Съ 1-го апрѣля 1876 года.
			Его Императорское Высочество Великій Князь Алексѣй Михаиловичъ. .	1 б. Е. В. р.	Съ 18-го декабря 1875 года.

			Генералъ - лейтенантъ Эдуардъ Антоновичъ Моллеръ.	1 б. Е. В. р.	Съ 18-го августа 1864 года.
			Генералъ - лейтенантъ князь Иванъ Багратіонъ-Мухранскій.	1 б. Е. В. р.	Съ 21-го сентября 1871 года.
			Полковникъ		
74	іюля	14	Александръ Николаевичъ Толстой . . . . (Православнаго).	1 б. Е. В. р.	Командиръ полка съ 3-го декабря 1876 года.
			Подполковникъ		
75	мая	30	Алмасханъ Оттіевичъ Микеладзе . . . . . (Православнаго).	4 б. 10 р.	Командиръ 4-го баталіона съ 9-го февраля 1876 года.
			Маіоры:		
72	авг.	30	Князь Алексѣй Петровичъ Путятинъ . . . . . (Православнаго).	2 б. 4 р.	Командиръ 2-го баталіона съ 11-го ноября 1876 года.
73	окт.	13	Флигель-адъютантъ Федоръ Августовичъ фонъ-деръ-Нонне. . . . . (Лютеранскаго).	1 б. Е. В. р.	Командиръ 1-го баталіона съ 3-го октября 1875 года.
75	сент.	29	Аветисъ Герасимовичъ Меликовъ . . . . . (Армяно-грегоріанскаго).	3 б. 7 р.	Командиръ 3-го баталіона съ 26-го декабря 1876 года.
76	іюня	2	Иванъ Семеновичъ Васильевъ . . . . . (Православнаго).	3 б. 7 р.	Завѣдывающій хозяйствомъ въ полку съ 26-го декабря 1876 года.
			Капитаны:		
69	авг.	20	Александръ Николае-		

				4 б.	
			вичъ Дашкевичъ . . . (Православнаго).	10 р.	Въ тифлисскомъ пѣхотномъ юнкерскомъ училищѣ съ 3-го ноября 1866 года.
72	окт.	13	Николай Константиновичъ Русѣцкій. . . . (Православнаго).	4 б. 10 р.	При штабѣ дѣйствующаго корпуса на должности старшаго адъютанта съ 7-го декабря 1876 года.
73	сент.	17	Петръ Павловичъ Мальцовъ. . . . . (Православнаго).	1 б. 1 стр. р.	Командиръ 1-й стрѣлковой роты съ 1-го мая 1876 года, убылъ маіоромъ въ 15-й гренадерскій полкъ 26-го мая 1877 года.
74	авг.	25	Федоръ Яковлевичъ Максимовичъ . . . . (Православнаго).	3 б. 8 р.	Въ уроч. Манглисѣ начальникомъ манглисской мѣстной команды съ 7-го декабря 1876 года.
75	апр.	12	Павелъ Дмитріевичъ Плотниковъ 2-й . . . (Православнаго).	2 б. 5 р.	При ставропольскомъ юнкерскомъ училищѣ дѣлопроизводителемъ съ 30-го іюня 1871 года.
75	сент.	29	Константинъ Федоровичъ Яковлевъ. . . . . (Православнаго).	4 б. 4 стр. р.	Командиръ 4-й стрѣлковой роты съ 11-го мая 1867 года.
75	сент.	29	Дмитрій Федоровичъ Шабановъ . . . . . (Православнаго).	2 б. 4 р.	При штабѣ кавказской гренадерской дивизіи и. д. адъютанта по строевой части съ 9-го января 1879 года.

75	сент.	29	Флигель-адъютантъ Владиміръ Петровичъ Шлиттеръ. . . . . (Православнаго).	1 б. Е. В. р.	Командиръ роты Его Величества съ 15-го ноября 1873 года.
—	нояб.	14	Александръ Васильевичъ Шкабичъ. . . . . (Православнаго).	4 б. 10 р.	Командиръ 10-й роты съ 19-го декабря 1876 года.
			Штабсъ-капитаны:		
69	окт.	3	Владиміръ Яковлевичъ Тимченко . . . . . (Православнаго).	2 б. 6 р.	Въ должности воинскаго начальника ахъбулакскаго этапнаго пункта съ 30-го декабря 1876 года.
72	сент.	8	Александръ Дмитріевичъ Шлотниковъ. . . (Православнаго).	2 б. 6 р.	Командиръ 6-й роты съ 3-го ноября 1874 года.
—	—	—	Владиміръ Геприховичъ Штюрмеръ . . . . . (Лютеранскаго).	1 б. 3 р.	Командиръ 3-й роты съ 11-го мая 1867 г.
—	нояб.	15	Константинъ Герасимовичъ Кочмаржевскій . . . (Католическаго).	4 б. 12 р.	Исправляющій должность полковаго казначея.
73	сент.	17	Іосифъ Ивановичъ Кравденко. . . . . (Православнаго).	3 б. 7 р.	Въ городѣ Александрополѣ смотрителемъ военно - временнаго госпиталя № 4-й съ 7-го февраля 1877 года.
—	нояб.	16	Александръ Ивановичъ Спировъ . . . . . (Православнаго).	4 б. 12 р.	Командиръ 12-й роты съ 5-го декабря 1876 года.
—	—	—	Иванъ Шавліевичъ Терієвъ. . . . . (Православнаго).	2 б. 2 стр. р.	Командиръ 2-й стрѣлковой роты съ

					10-го октября 1870 года; убылъ въ 13-й гренадерскій запасный баталіонъ.
74	мая	15 27	Николай Евстафьевичъ Пономаревъ . . . . . (Православнаго).	2 б. 5 р.	Командиръ 5-й роты съ 10-го октября 1870 года.
75	сент.	29	Иларіонъ Гавриловичъ Кавтарадзе . . . . . (Православнаго).	3 б. 9 р.	Мировымъ посредникомъ кутаисской губерніи, зугдидскаго уѣзда, съ 17-го октября 1867 года.
—	нояб.	14	Викторъ Викторовичъ Савоніусъ . . . . . (Лютеранскаго).	2 б. 2 стр. р.	Завѣдывающій оружіемъ въ полку съ 4-го декабря 1874 года.
—	—	—	Викторъ Александровичъ Браккеръ . . . (Православнаго).	1 б. Е. В. р.	Адъютантъ начальника штаба арміи съ 1-го февраля 1877 года.
76	іюня	7 19	Константинъ Михайловичъ Колубанскій . . (Православнаго).	3 б. 8 р.	Завѣдывающій архивомъ кавказской гренадерской дивизіи съ 24-го января 1877 года.
—	дек.	8	Казиміръ Антоновичъ Мисевичъ . . . . . (Католическаго).	2 б. 4 р.	Въ александропольскомъ госпиталѣ съ 26-го марта 1877 года, прибылъ къ полку въ маѣ 1877 года.
—	—	18	Петръ Леонардовичъ Гринцевичъ	4 б. 11 р.	Командиръ 11-й роты съ 19-го ноября 1872 года.

76	дек.	18	Георгій Алексѣевичъ Чиляевъ. . . . . (Православнаго).	нестр. р.	Командиръ нестроевой роты съ 5-го декабря 1876 года.
			Поручики:		
71	авг.	12	Альфонсъ Альфонсовичъ Брюннели . . . . . (Католическаго).	3 б. 3 стр. р.	Командиръ 3-й стрѣлковой роты съ 19-го ноября 1872 года; убылъ на должность смотрителя подвижнаго дивизіоннаго лазарета.
—	сент.	11	Михаилъ Ивановичъ Шамраевскій . . . . (Православнаго).	3 б. 9 р.	Командиръ 9-й роты съ 13-го ноября 1873 года; убылъ въ 13-й гренадерскій запасный баталіонъ.
72	—	26	Александръ Николаевичъ Федюкинъ . . . (Православнаго).	2 б. 6 р.	
—	окт.	13	Михаилъ Григорьевичъ Мирзоевъ . . . . . (Православнаго).	1 б. 2 р.	Командиръ 2-й роты съ 5-го декабря 1876 года.
—	нояб.	15	Владиміръ Алексѣевичъ Ерарскій. . . . . (Православнаго).	3 б. 8 р.	Командиръ 8-й роты съ $^{9}/_{16}$ сентября 1875 года; убылъ въ интендантство дѣйствующаго корпуса.
—	—	22	Князь Семенъ Семеновичъ Вачнадзе 1-й. . (Православнаго).	4 б. 4 стр. р.	Исправляющій должность завѣдывающаго полковою учебною командою съ 31 декабря 1876 года.
73	сент.	17	Князь Михаилъ Элизбаровичъ Шервашидзе. . (Православнаго).	3 б. 7 р.	Командиръ 7-й роты съ 24-го января 1877 года.

75	март.	31	Василій Прохоровичъ Середа . . . . . (Православнаго).	3 б. 3 стр. р.	Въ тифлисскомъ пѣхотномъ юнкерскомъ училищѣ съ 26-го іюля 1875 года; прибылъ къ полку въ маѣ 1877 года.
—	нояб.	14	Князь Константинъ Асланович Сумбатовъ . . (Православнаго).	2 б. 4 р.	При кутаисскомъ мѣстномъ баталіонѣ съ 3-го февраля 1877 года.
—	—	—	Сергѣй Федоровичъ Савичъ. . . . . (Православнаго).	1 б. Е. В. р.	Исправляющій должность полковаго адъютанта съ 1-го февраля 1877 года.
—	—	—	Михаилъ Бежановичъ Мачутадзе . . . . . (Православнаго).	4 б. 10 р.	Для обученія нижнихъ чиновъ грузинскихъ пѣшихъ дружинъ строю и обращенію съ ружьемъ, съ 5-го февраля 1877 года; прибылъ къ полку 20-го сентября 1877 года.
76	окт.	1	Сигизмундъ Викторовичъ Вольскій. . . . (Католическаго).	1 б. Е. В. р.	
—	—	6	Михаилъ Кузьмичъ Курочкинъ. . . . . (Православнаго).	1 б. Е. В. р.	
—	—	1	Зурабъ Георгіевичъ Чикоидзе . . . . . (Православнаго).	3 б. 7 р.	Баталіонный адъютантъ 3-го баталіона съ 18-го августа 1871 года.
			Подпоручики:		
72	іюня	17	Александръ Давидовичъ Матиссонъ. . . . . (Православнаго).	4 б. 12 р.	При александропольскомъ комендантскомъ

					управленіи дѣйствующаго корпуса, подъ судомъ съ 6-го февраля 1877 года.
73	авг.	10	Конрадъ Антоновичъ Крайскій . . . . . (Католическаго).	3 б. 8 р.	Дѣлопроизводителемъ полковаго суда съ 14-го октября 1874 года.
—	окт.	13	Георгій Васильевичъ Барабашевъ 1-й . . . (Православнаго).	1 б. Е. В. р.	Баталіонный адъютантъ 1-го баталіона съ 23-го декабря 1872 года.
—	нояб.	16	Николай Михайловичъ Сосновскій . . . . . (Православнаго).	1 б. 3 р.	Въ штабѣ кавказской гренадерской дивизіи, для занятія должности коммисара подвижнаго дивизіоннаго лазарета, съ 26-го ноября 1876 года.
75	сент.	23	Семенъ Васильевичъ Барабашевъ 2-й. . . . (Православнаго).	4 б. 12 р.	
—	нояб.	14	Владиміръ Николаевичъ Карамзинъ . . . . . (Православнаго).	1 б. 4 стр. р.	Исправляющій должность жалонернаго офицера въ полку съ 10-го ноября 1876 года.
76	авг.	10	Фома Ивановичъ Назарбеговъ . . . . . (Армяно-грегоріанскаго).	4 б. 10 р.	Исправляющій должность адъютанта 4-го баталіона съ 3-го февраля 1877 года.
—	окт.	1	Павелъ Михайловичъ Алексѣевъ . . . . . (Православнаго).	3 б. 9 р.	

			Прапорщики:		
76	авг.	11	Александръ Егоровичъ Паренаго . . . . . (Православнаго) .	4 б. 4 стр. р.	
72	дек.	20	Гаджи - Ага - Бекъ -Мамадъ-Ага-Оглы-Агамаловъ. (Магометанскаго закона).	1 б. 3 р.	
73	мар.	12	Сергѣй Николаевичъ Родичевъ . . . . . (Православнаго).	4 б. 11 р.	Постояннымъ ординарцемъ при начальникѣ кавказской гренадерской дивизіи.
—	нояб.	30	Яковъ Федоровичъ Бѣлотынскій . . . . . (Православнаго).	4 б. 4 стр. р.	При штабѣ кавказской гренадерской дивизіи, для письменныхъ занятій, съ 29-го октября 1876 года.
74	фев.	15	Михаилъ Захаровичъ Климіевъ . . . . . (Православнаго).	3 б. 3 стр. р.	Въ перемѣнномъ составѣ кавказской учебной роты съ 7-го октября 1876 года.
74	—	—	Константинъ Григорьевичъ Кодинъ . . . . (Православнаго).	4 б. 10 р.	Исправляющій должность полковаго квартирмейстера съ 10-го ноября 1876 года.
75	—	4	Валеріанъ Валеріановичъ Волянскій . . . (Православнаго).	2 б. 2 стр. р.	
79	апр.	21	Князь Михаилъ Александровичъ Вачнадзе 2-й. (Православнаго).	1 б. 1 стр. р.	
79	нояб.	14	Князь Дмитрій Леоновичъ Тарханъ-Моуравовъ. (Православнаго).	3 б. 8 р.	
75	—	—	Дмитрій Ефимовичъ Мойсѣевъ . . . . . (Православнаго).	3 б. 3 стр. р.	

75	нояб.	19	Матвѣй Николаевичъ Лалаевъ. . . . . (Православнаго).	2 б. 4 р.	Временно командующій 4-й ротою съ 26-го марта 1877 года.
76	дек.	13	Князь Георгій Дмитріевичъ Абхази . . . . (Православнаго).	2 б. 4 р.	Баталіонный адъютантъ 2-го баталіона съ 17-го января 1877 года.
72	—	26	Дѣлопроизводитель по хозяйственной части губернскій секретарь Павелъ Егоровичъ Паренаго. . (Православнаго).	нестр. р.	
			Врачи:		
76	авг.	—	Старшій, надворный совѣтникъ Владиміръ Степановичъ Авдаковъ . . (Православнаго).	1 б. 2 р.	
			Младшіе:		
73	апр.	22	Михаилъ Николаевичъ Корсунскій . . . . . (Православнаго).	1 б. 3 р.	
—	іюня	8	Петръ Алексѣевичъ Взоровъ 1-й . . . . . (Православнаго).	2 б. 4 р.	Не было налицо.
75	мая	31	Иванъ Алексѣевичъ Взоровъ 2-й . . . . . (Православнаго).	3 б. 7 р.	Не было налицо.
76	янв.	11	Павелъ Васильевичъ Смирновъ . . . . . (Православнаго).	4 б. 10 р.	
74	авг.	19	Классный медицинскій фельдшеръ губернскій се-		

			кретарь Василій Прохоровичъ Алимовъ. . . . (Православнаго).		Временно завѣдывающій лазаретомъ въ селеніи Кульпахъ съ 23-го января 1877 года.
54	мар.	25	Священникъ Филиппъ Афанасьевичъ Ситницкій. (Православнаго).	нестр. р.	
74	сент.	1	Дѣлопроизводитель по-хозяйственной части губернскій секретарь Митрофанъ Акимовичъ Давлишевъ . . . . . (Православнаго).	нестр. р.	

V.

СПИСОКЪ

ШТАБЪ И ОБЕРЪ-ОФИЦЕРАМЪ, ЗАЧИСЛЕННЫМЪ ВЪ СПИСКИ ПОЛКА ВЪ ПЕРІОДЪ ВРЕМЕНИ СЪ 1-ГО АПРѢЛЯ 1877-ГО ГОДА И ПО 1-Е ЯНВАРЯ 1878-ГО ГОДА.

№ по поряд.	Чины и фамиліи.	Время зачисленія приказомъ по полку.			
		Годъ.	Мѣсяцъ	Число.	
1	Прапорщикъ Демидовъ.	1877	апрѣля	12	Изъ отставки.
2	Подпоручикъ баронъ-фонъ-Бейстъ	»	мая	11	Изъ прусской арміи.
3	Маіоръ Смолко. . .	»	іюня	2	Переведенъ изъ 2-го кавказскаго стрѣлков. баталіона.
	Подпоручики:				
4	Князь Меликовъ. . .	»	іюля	14	Изъ пажескаго корпуса.
5	Корвинъ Каменовскій.	»	»	»	Изъ военныхъ училищъ.
6	Кикнадзе . .	»	»	»	
7	Семеновъ 2-й.	»	»	»	
8	Рутковскій. .	»	»	»	
9	Григорьевъ. .	»	»	»	
10	Завпсѣцкій. .	»	»	»	
	Штабсъ-капитанъ.				
11	Михайловъ-Рославлевъ.	»	августъ.	22	Изъ отставки.
	Прапорщики:				
12	Побаевскій	»	іюля	14	Изъ военныхъ училищъ.
13	Крапивинъ	»	»	»	
14	Лакашинъ	»	»	»	
15	Широковъ	»	»	»	
16	Аргиландеръ . . .	»	»	»	

17	Давидовъ.	1877	авгус.	22	Изъ портупей-юнкеровъ 1-й гренадерской дивизіи.
18	Файдышъ	»	»	»	
19	Виссоновъ	»	»	»	
20	Соколовъ.	»	»	»	
21	Тулпаревъ	»	»	»	
22	Ивановъ.	»	»	»	
	Поручики:				
23	Графъ Келлеръ. . .	»	сент.	6	Изъ прусской арміи.
24	Ладо.	»	окт.	3	Изъ 13-го гренадерскаго запаснаго баталіона.
	Подпоручикъ				
25	Степановъ.	»	нояб.	28	Изъ петербургскаго мѣстнаго баталіона.
	Произведены въ офицеры изъ портупей-юнкеровъ тифлисскаго училища:				
	Прапорщики:				
26	Маркевичъ	»	мая	25	
27	Семеновъ.	»	іюля	30	
28	Кернъ.	»	»	»	
29	Мартуладзе	»	»	»	
30	Арди-швили. . . .	»	»	»	
31	Ивановъ.	»	»	»	
32	Зродловскій	»	»	»	

VI.

СПИСОКЪ

ШТАБЪ И ОБЕРЪ-ОФИЦЕРАМЪ, УБИТЫМЪ, УМЕРШИМЪ И РАНЕНЫМЪ ВО ВРЕМЯ КАМПАНІИ.

Чины и фамиліи.	
Штабсъ-капитанъ Михайловъ-Рославлевъ	Убитъ 3-го октября.
Флигель-адъютантъ полковникъ Толстой	Умеръ отъ тифа 15-го февраля.
Маіоръ Яковлевъ. . . .	Умерли отъ тифа 17-го марта.
Штабсъ-капитанъ Чиляевъ.	
Подполковникъ князь Путятинъ	Раненъ въ ногу 3-го октября.
Маіоры:	
Флигель-адъютантъ фонъ-деръ-Нонне	Раненъ въ руку 3-го октября.
Смолко.	Раненъ въ плечо 27-го сентября.
Поручики:	
Середа	Раненъ въ лѣвое плечо 3-го октября.
Мачутадзе.	Раненъ въ руку 3-го октября.
Курочкинъ	Раненъ въ лѣвое бедро подъ Ардаганомъ 5-го мая 1877 года.
Барабашевъ 1-й	Раненъ въ лѣвое бедро подъ Ардаганомъ 5-го мая.
Барабашевъ 2-й	Раненъ въ ногу съ раздробленіемъ кости 13-го іюня подъ Зивиномъ.
Алексѣевъ.	Раненъ въ лѣвое бедро 27-го сентября 1877 года.
Графъ Келлеръ	Раненъ въ плечо съ раздробленіемъ его 3-го октября.
Подпоручики:	
Князь Тарханъ-Моуравовъ. .	Раненъ въ лѣвое плечо 3-го октября 1877 года.

Файдышъ.	Раненъ въ правое бедро 3-го октября 1877 года.
Зависѣцкій.	Раненъ въ ногу.
Дадишкиліани.	Раненъ въ бедро 5-го мая 1877 года.
Лакашинъ	Раненъ въ ногу.
Лимчеръ	Раненъ въ правое плечо 3-го октября 1877 года.
Виссоновъ.	Раненъ въ обѣ ноги, прострѣленъ.
Агамаловъ	Раненъ въ животъ.
Трояновъ.	Раненъ въ ногу 27-го сентября 1877 года.
Мартуладзе	Раненъ въ руку.

Контужены:

Капитанъ	
Спировъ	Въ грудь.
Штабсъ-капитаны:	
Савоніусъ	Въ поясницу.
Волянскій	Въ плечо.
Князь Шервашидзе. . .	Въ голову 23-го октября 1877 года.

VII.

СПИСОКЪ

ОФИЦЕРАМЪ, ПОЛУЧИВШИМЪ ГЕОРГІЕВСКІЕ КРЕСТЫ ПО УДОСТОЕНІЮ КАВАЛЕРСКОЙ ДУМЫ.

Чины и фамиліи.	За какое дѣло получены георгіевскіе кресты.
Командиръ полка флигель-адъютантъ полковникъ Толстой. Командиръ 4-го баталіона подполковникъ Микеладзе . . Командиръ 1-го баталіона флигель-адъютантъ маіоръ фонъ-деръ-Нонне . . . . . . Командиръ шефской роты флигель-адъютантъ капитанъ Шлиттеръ.	За взятіе Ардагана 5-го мая.
Командиръ 3-го баталіона маіоръ Меликовъ.	За отраженіе атаки турецкихъ войскъ 21-го сентября и овладѣніе непріятельскою позиціею у Суботана.
Командиръ 2-го баталіона подполковникъ князь Путятинъ. Капитанъ Яковлевъ. . . . Штабсъ-капитанъ Савоніусъ.	За взятіе укрѣпленной горы Авліаръ 3-го октября.

Конецъ.